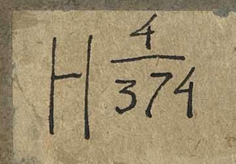
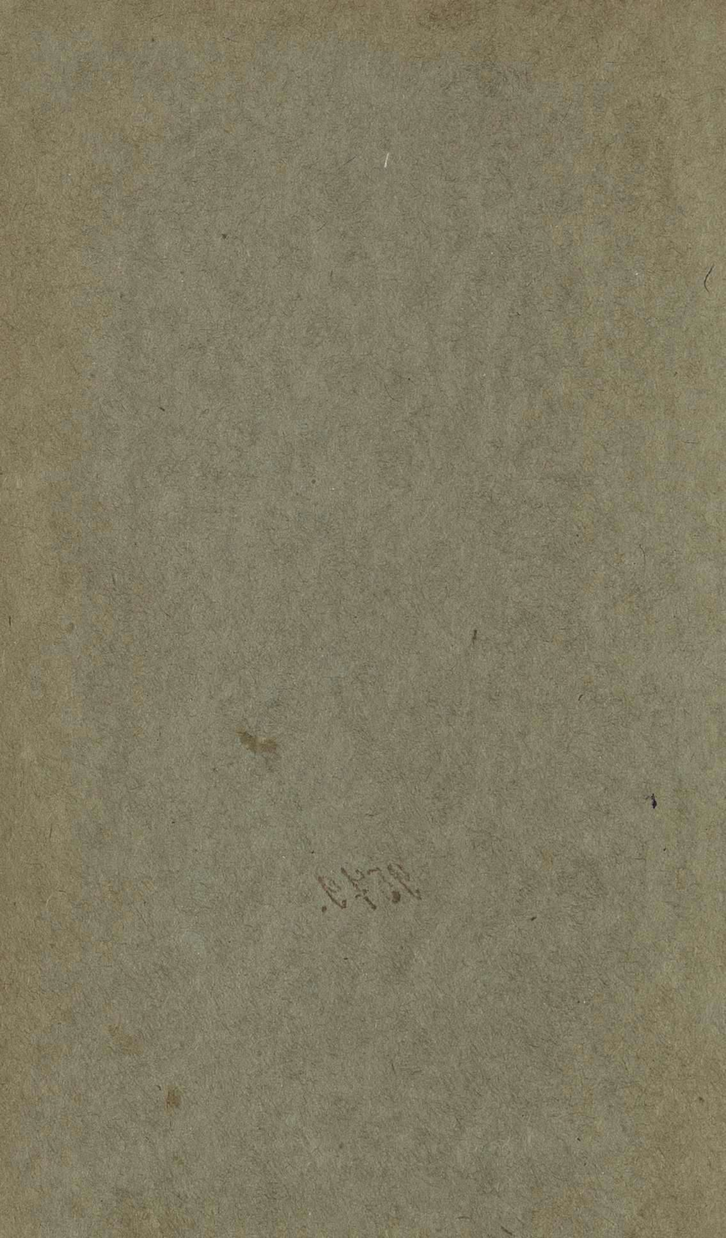

H 4/374

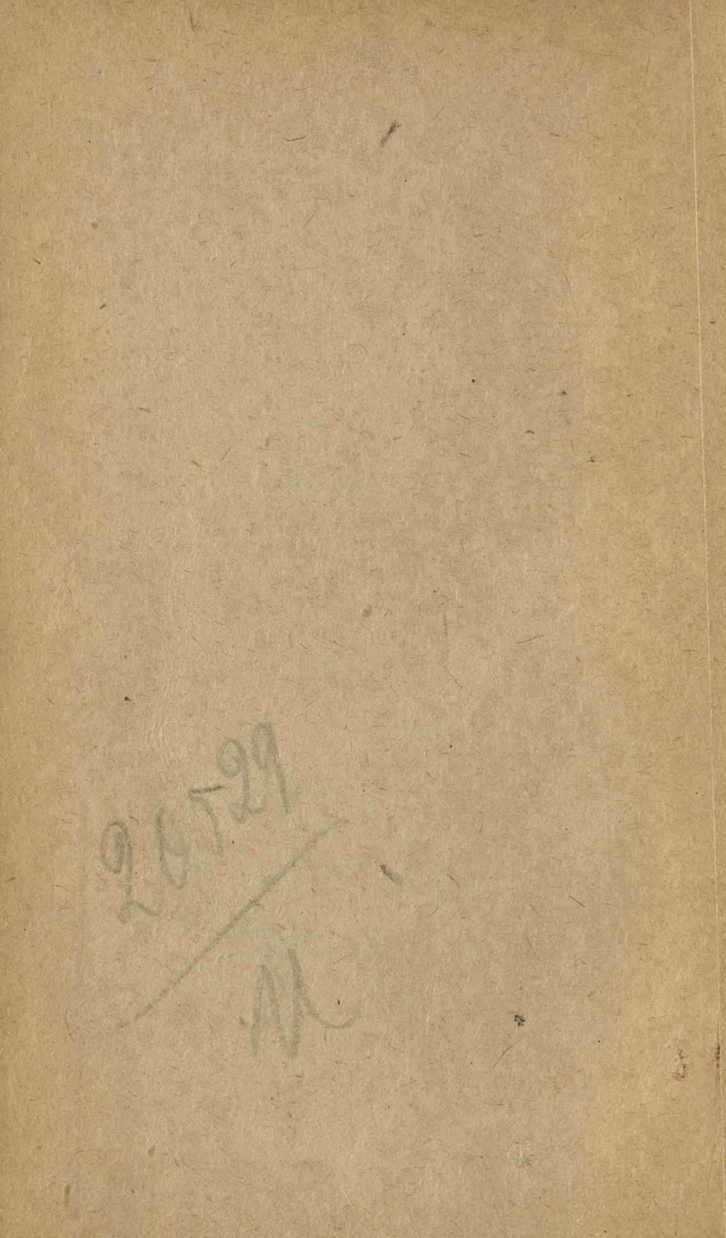
С. РЕЙНАК.

ОРФЕЙ

Всеобщая история религий

Выпуск первый

ТРУДОВАЯ АРТЕЛЬ ПИСАТЕЛЕЙ
„ФАКЕЛ"
Москва.—1919.

20729
M

С. РЕЙНАК.

ОРФЕЙ

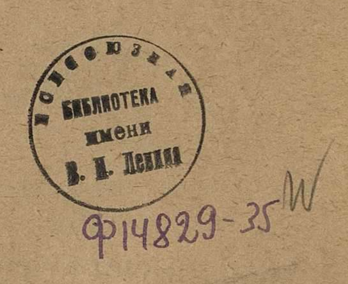
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ РЕЛИГИЙ

Veniet felicior aetas
Наступит более счастливый век
(Лукан VIII, 869).

Перевод с седьмого французского издания
под редакцией
А. Е. ЯНОВСКОГО.

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТРУДОВОЙ АРТЕЛИ ПИСАТЕЛЕЙ
„ФАКЕЛ“
Москва.—1919.

Вторая Государственная типография.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ ВСЕХ МУЧЕНИКОВ.

2019371368

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Почему в заглавии этого труда красуется имя ОРФЕЯ, «первого певца в мире»? Дело в том, что он был не только «первым певцом», хотя грекам были известны поэмы, им сочиненные, считавшиеся ими гораздо более древними, чем Гомеровские. Орфей был, по мнению древних, «богословом» по преимуществу, учредителем мистерий (таинств), обеспечивавших спасение людям, и, что весьма существенно, истолкователем воли богов. Гораций называет его: Sacer interpresque deorum (священнослужитель и истолкователь воли богов). Именно Орфей открыл фракийцам, а затем и другим грекам, то, что необходимо знать о божественных вещах. Понятно, он в действительности никогда не существовал; но что же в том? Существовал орфизм, а последний был одним из самых любопытных явлений религиозной истории Греции. Он был даже кой-чем бо́льшим и лучшим.

Действительно, орфизм не только глубоко проник в литературу, философию и искусство античного мира, но он даже пережил их. Образ Орфея, чарующего животных звуками своей лиры, является единственным мифологическим мотивом, несколько раз изображавшимся в христианских катакомбах. Отцы Церкви уверили сами себя в том, что Орфей был учеником Моисея; они видели в нем «образ» или, вернее, «праобраз» Иисуса, так как он тоже, придя, чтобы научить людей, был одновременно и их благодетелем, и их жертвою. Один из Императоров поместил статую Орфея в свой ларарий (семейную божницу) рядом с изображением христианского Мессии. Между орфизмом и христианством существовали аналогии столь явные, столь определенные, что трудно было приписать их случайности; предполагали, что у них существовала древняя общность вдохновения.

Современная критика ищет объяснения этим общим

чертам в иной области, чем в фантастическом предположении о близости Орфея к Моисею. Она признает, что орфизм имеет общие черты не только с иудейством и с христианством, но и с другими, более отдаленными религиями, каков, например, буддизм, и даже с самыми первобытными верованиями современных дикарей. Если, при ближайшем рассмотрении, находятся следы орфизма во всех религиях-то это значит, что орфизм пустил в ход элементы, общие им всем, почерпнутые в самой глубине человеческой природы и питаемые самими дорогими ее иллюзиями.

Небольшая книжка, имеющая претензию представить обзор сущности религий и их истории, не может избрать лучшего покровителя, чем Орфея, этого сына Аполлона и одной из Муз, поэта, музыканта, богослова-мистагога и авторитетного излагателя воли богов.

Объяснив заглавие книги, скажу лишь несколько слов в пояснение метода, которому я следовал в ней.

Существует два ученых руководства по истории религий: Конрада фон-Орелли и Шантепи де-ла-Соссей. Оба больших труда оставляют в стороне христианство. Для того, чтобы познакомиться с историею христианских религий, приходится обращаться к другим книгам, большая часть которых весьма обширна и наполнена подробностями о разногласиях и сектах, интересных только специалистам-ученым.

Нахожу неправильным такое выделение христианства. Оно насчитывает меньшее число приверженцев, чем буддизм, и оно менее древнее, чем последний. Выделять его приличествует апологетам (защитникам церкви), а не историкам; между тем, я занимаюсь вопросом о религиях в качестве историка. Я вижу в них бесконечно любопытные творения человеческого воображения, человеческого разума, в период его детства; именно поэтому они заслуживают нашего внимания.

Не все религии интересуют нас в одинаковой степени: те из них, которые занимают наибольшее место

в истории, естественно заслуживают наибольшего изучения; вот почему, в этой скромной книжке я останавливаюсь дольше на иудействе и на христианстве, чем на религиях Ассирии, Египта и Китая. Не моя вина, если история христианства почти сливается на пространстве последних двух тысячелетий со всемирною историей, почему, делая очерк первой, я был принужден, в известной мере, кратко изложить вторую.

Совокупность сочинений Вольтера, состоящая из его ОЧЕРКА НРАВОВ (Essai sur les moeurs), ВЕКА ЛЮДОВИКА XIV) (Siècle de Louis XIV) и ВЕКА ЛЮДОВИКА XV (Siècle de Louis XV), является наилегче читаемою, самою остроумною и наименее педантичною из всеобщих историй; не говорю, конечно, что она наиболее точная или наиболее полная. Я не разделяю мнений Вольтера о религиях; но я преклоняюсь, как он того поистине заслуживает, пред его талантом повествователя. Излагая те же факты, что и он, но после него, я рискую изложить их только хуже. Вот почему я сделал у него многочисленные дословные позаимствования (отметив их, понятно, кавычками). Те, которые упрекнут меня в том, что я выкроил мою книгу из Вольтера, докажут, что они не читали ни Вольтера, ни моей книги; но я не стану сердиться из-за такого пустяка.

Так как я имею претензию и даже надеюсь, что буду иметь столько же читательниц, как и читателей, то я умолчал, из осторожности, кое о чем, особенно при изложении восточных религий. Я утверждаю, что матери могут смело дозволить чтение этой книжки своим дочерям, если их не пугает вообще яркий свет научной истории. То, чем мне пришлось в этом отношении пожертвовать, по существу мало достойно сожаления; но если благосклонность читающей публики будет соответствовать моим стараниям—я когда-нибудь выпущу более полное издание... для матерей...

Прошу верить, что я не шучу по поводу серьезных вещей. Я чувствую глубоко нравственную ответственность, которую я принимаю на себя, представляя впервые общую картину религий, рассматриваемых, как естественные явления, а не иначе. Я делаю это, думая, что время приспело, и что в этой области, как и во всех других, мирской разум должен заявить свои неотъемлемые права. Я старался не оскорблять ничьей совести; но я изложил то, что считаю истиною, и выразил ее без утаек, как и подобает излагать истину. Я не думаю, что следует излагать холодно и бесстрастно, как незначительные эпизоды истории преследования Вакханалий Римским Сенатом, Христиан Императорами, зверства Инквизиции, Варфоломеевскую ночь или Драгонады. Я ненавижу эти юридические убийства, проклятые плоды духа угнетения и изуверства; я своих чувств не скрыл. Существуют еще бешеные люди, прославляющие эти преступления и желающие продолжения совершения подобных им (1); если они будут дурно отзываться о моей книге, то они окажут ей только великую честь.

С. РЕЙНАК.

*В настоящем (русском) издании добавления редакции отмечены звездочкою *.*

---

(1) Можно прочесть в Богословии Клермона (La Théologie de Clermont), написанной Отцом Винцентом (Vincent), перепечатанной с одобрения епископа в 1904 году, следующие слова: «Церковь получила от Бога право преследовать тех, кто уклоняется от истины, не только церковными карами, но и телесными наказаниями» (т. I, стр. 401). Эти наказания суть: тюрьма, сечение, калечение, смерть (стр. 403—404). В нескольких собраниях, имевших место в Париже после 1900 г., кричали: «Да здравствует Варфоломеевская ночь!» А. г. В . . . сказал еще 9 февраля 1906 г.: «Варфоломеевская ночь была великолепною ночью для Церкви и для Отечества!» Современная цивилизация не должна смущаться такими переживаниями, но она не имеет права не обращать на них внимания.

ВВЕДЕНИЕ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ. ОПРЕДЕЛЕНИЯ и ОБЩИЕ ЯВЛЕНИЯ.

СОДЕРЖАНИЕ. Религия и мифология. — Этимология слова «религия».— Религия есть обобщенный ряд совестливых отношений к явлениям и предметам, т. е. комплекс «табу».— Примеры табу.—Анимизм.—Живучесть анимизма в поэзии.— Теория первоначального откровения.—Теория обмана.—Неверные идеи XVIII века.—Фетишизм.—Верные представления Фонтенеля.—Тотемизм—гипертрофия социального инстинкта.— Культ растений и животных; метаморфозы.—Бернские медведи. —Тотемизм и басни. Приручение животных.— Принесение тотема в жертву.— Пищевые запреты.— Суббота.— Пост.— Жрецы (духовенство) кодифицируют и ограничивают табу.— Прогрессивная лаицизация (омирщение) человечества.—Магия и наука.— Религия—самая сущность жизни первоначальных человеческих социальных организаций (общин).—Об'ясняение кажущихся возвратов вспять.— Будущность религий; необходимость изучения их истории.

I.

1. Часто смешивают, в обыденном разговоре, религию с мифологиею. Когда я говорю о религии греков, я знаю, например, что я бужу воспоминания о сказках, иногда прелестных, иногда грубых, которые греческие поэты сообщили нам о своих богах, богинях и героях. Такое смешение понятий имеет свое основание и свое оправдание в том, что в основе всякой мифологии существует доля религии, но когда желаешь оставаться на научной почве, то следует избегать этого смешения.

2. Мифология есть собрание подысканных рассказов, не выдуманных собирателями их, но скомбинированных ими, изукрашенных по мере желания и умения; реальное существование лиц, о которых повествуется в этих рассказах, не поддается никакой проверке, никакому отожествлению со стороны положительной исторической науки. Религия есть, прежде всего, чувство и выражение этого чувства в действиях особого рода, которые составляют ритуал (или вероисповедные обряды).

3. Определить понятие религии тем труднее, что самое слово это весьма древнее, что оно часто употреблялось и что этимология его от латинского religio весьма мало освещает для нас первоначальное значение этого слова. Напрасно старались установить происхождение слова religio от religare, которое значит привязывать, как будто религия в основе является связью, привязывающею Божество к человеку. Языкознание заставляет нас устранить это этимологическое объяснение: напротив, допустима этимологическая связь, на которую указал еще Цицерон, говоря, что religio происходит от глагола relegere, который противополагается neglegere, как усердная забота противополагается небрежности, разгильдяйству. Следовательно, согласно этому словопроизводству, religio означает усердное соблюдение обрядов; хорошо это знать, но все же мы остаемся в неведении относительно природы религиозного чувства.

4. Можно бы написать толстую книгу, задавшись целью перечислить и обсудить определения понятия религии, предложенные современными учеными. «Религия», говорит Шлейермахер, «есть абсолютное чувство нашей зависимости».

«Это», говорит Фейербах, «стремление, которое проявляется посредством молитвы, жертвы и веры». Кант усматривает в религии «чувство наших обязанностей постольку, поскольку они основаны на божественных велениях». «Религия», говорит Макс Мюллер, «способность ума, которая, независимо от чувств и разума, дает возможность человеку постичь бесконечное». Великий английский этнограф Тайлор скромнее допускает, в качестве минимального, определение понятия религии, как «верование в духовные существа». Может быть, первый, внесший в определение понятия религии существенный элемент, присущий всем религиям, это Мари-Жан Гюйо в 1887 г.: «религия», говорит он, «есть всеобщий *социоморфизм*... Религиозное чувство есть чувство зависимости от волей, которые первобытный человек полагает в мироздании». Из всех приведенных мною определений последнее несомненно лучшее.

5. Тем не менее я нахожу в этом определении серьезный недостаток; слово религия, будучи тем, что из него сделало обычное употребление, требует такого *минимального* определения как говорит Тайлор, которое годилось бы во всех случаях применения его, которые приходится слышать. Между тем, римляне уже говорили о религии клятвы, religio juris jurandi; мы, французы, говорим о религии отечества, семьи, чести (la religion de la patrie, de la famille, de l'honneur).

Употребляемое, таким образом слово религия не заключает в себе ни идеи о бесконечном, ни стремления, о котором говорит Фейербах, ни даже зависимости от посторонней воли, о которой говорит Гюйо. Зато, слово это заключает в себе понятие ограничения индивидуаль-

ной воли (без материального насилия), или, вернее, ограничения человеческой деятельности, поскольку она зависит от собственной воли. Так как существуют многочисленные религии, то существуют и многочисленные ограничения, а потому я предлагаю следующее определение религии: «совокупность совестливых чувств (scrupules), препятствующих свободному применению наших способностей».

6. Это определение заставляет нас сделать ряд последующих из него выводов, так как оно исключает из основного понятия религии Бога, духовные существа, бесконечность, одним словом, все, что привыкли считать собственно объектами религиозного чувства. Я указал, что оно подходит под понятия религии семьи, религии чести; я постараюсь установить, что оно не менее подходит под то, что составляет непреложную основу всех религий.

7. Выражение «совестливое чувство» (scrupule) имеет тот недостаток, что оно несколько неопределенно и, есл можно так выразиться, слишком обыденно. У нас является совестливое чувство (неловкость) говорить громко в комнате, где лежит покойник; но нам тоже совестно (неловко) войти в гостиную, держа в руках дождевой зонтик. Совестливое чувство, о котором речь в определении, мною предложенном, особого рода: по примеру многих современных антропологов, я назову их «табу», полинезийским словом, получившим право гражданства на языке этнографии и даже философии.

8. «Табу» на полинезийском языке означает, собственно говоря, то, что устранено из повседневного, обычного употребления; дерево, которого нельзя срубить и даже коснуться—табу, и будут говорить о табу дерева, чтобы пояснить

совестливое чувство, удерживающее человека дотронуться до этого дерева или препятствующее ему срубить его. Это совестливое чувство, эта неловкость никогда не бывают основаны на причине практического свойства, как то в примере с деревом—на страхе поранить себя или уколоться. Характерная особенность табу заключается в том, что запрет не обоснован и что предвидимое наказание за нарушение *табу* не является карою, установленною гражданским или уголовным законом, а просто несчастием, как-то: смертью или слепотою, которые поражают виновного.

9. Табу—слово полинезийское, но понятие, им выражаемое, нам очень близко; смысл его особенно понятен в странах, в которых не разучились еще читать Библию. В самом начале этой книги Предвечный предупреждает Адама, что он не смеет вкушать от плода известного, указанного ему дерева под страхом смерти; это характерное «табу», ибо Предвечный не говорит, почему Адам не должен вкушать плодов от этого дерева.

10. Далее, в религиозном законодательстве евреев запрещено, под страхом смерти, произносить Имя Господа. Вот имя—«табу». Другой пример «табу» видим во 2-ой книге Самуила (6, 4—7). Ковчега завета никто не смел касаться, кроме членов одной привиллегированной семьи. Когда Давид захотел перенести Ковчег в Иерусалим, его поставили на колесницу, запряженную волами. Когда они, во время переезда, поскользнулись, некто Гиза бросился к Ковчегу Господнему и поддержал его. Тотчас он пал мертвым. Дело в том, что Ковчег был объявлен «табу», а смерть является санкцией нарушенного табу. В той форме, которую

рассказ получил в нашем тексте Библии, он оскорбляет наше этическое чувство, ибо в ней сказано, что гнев Господа возгорелся против Гизы и что он поразил его на месте за его проступок; между тем, на весах современной нашей морали, Гиза не совершил никакого проступка. Но исключите из рассказа роль Господа, посмотрите на Ковчег, как на вместилище, переполненное до краев невидимою и ужасною силою: Гиза, дотронувшись до нее, наказан за свою неосмотрительность, как человек, который погиб бы, пораженный, прикоснувшись к сильной электрической батарее. Доказательством, что рассказ этот очень древний, является то обстоятельство, что составитель книги Самуила, в том виде, в каком она до нас дошла, уже не понимал его более вполне и несколько исказил, приведя его.

11. Понятие «табу» одно из самых полезных, которым нас научила этнографическая наука XIX столетия. Переход от простого «табу» к мотивированному, обоснованному, разумному запрету является почти историей прогресса человеческого разума. Табу не только свойственны всем людям и оказываются присущими всем народностям земли, но можно подметить нечто аналогичное даже у животных. Высшие породы животных (ограничиваюсь указанием на них) подчиняются хотя бы одному чувству совестливости, ибо, за редкими исключениями, они не пожирают собственных детенышей и не поедают друг друга. Породу млекопитающихся, которых не удерживало бы подобное чувство, не только нельзя найти, но трудно даже себе представить. Если когда-либо существовали такие животные, которые были лишены этого чувства, то они пожрали друг друга и не смогли образовать

настоящей породы. Отбор мог произойти только в пользу таких групп животных, которые, будучи под угрозой войны с инородными (а они все находятся под такою угрозою), предохранили себя, по крайней мере, от междуусобной войны.

12. Среди первобытного или дикого человечества, которое мы начинаем хорошо знать, чувство совестливости по отношению к голосу крови, повидимому, менее распространено, чем среди зверей; Гоббес мог сказать, не выставляя парадокса, что человек являлся волком по отношению к человеку: homo homini lupus. Однако, то, что нам открывает наблюдение над современными дикарями, неприменимо á priori к первобытному человечеству; мы имеем даже указания, что некоторые народности, как, напр., эскимосы, не знают, что такое война, и не имеют даже в своем языке слова для обозначения этого бича человечества. Итак, допустимо, что первобытные люди не убивали друг друга и не поедали одни других. По крайней мере, во Франции при исследовании наиболее древних пещер, относящихся к эпохе мамонта, где найдены огромные залежи костей животных, никогда не удавалось установить факта людоедства. Как бы, впрочем, то ни было, существовало ли или нет людоедство в среде столь отдаленного от нас человечества, несомненно, что в исторические эпохи «голос крови» обнаруживается с чрезвычайною настойчивостью среди некоторых групп людей, соединенных между собою общностью происхождения, общностью, действительною или только воображаемою, какими являются семьи, роды, племена, народности. Убийство, хотя бы и не преднамеренное, члена семьи или рода, является трудно искупляемым грехом. В этом смысле

следует понимать постановление десяти заповедей: «не убивай», нужно подразумевать—человека из твоего племени или рода. Это тем более ясно, что в Библии мы находим целый ряд описаний ужасающих боен, совершенных по повелению Господа [1]); только нынешние люди, читая Библию глазами цивилизованных людей, могли открыть в словах заповеди абсолютное осуждение войны, о чем составители Библии и не помышляли.

Таким образом, «табу», эта преграда, возведенная против разрушительных и кровавых стремлений, является наследством человека, полученным от животных.

Это не единственное наследство от них.

13. Животное, насколько мы можем судить, не различает внешних предметов по тому, обладают ли они волею или нет. Друзья собак единодушно согласны между собою в этом вопросе; Riquet Бержере — анимист. Но живо ные не откровенничают с нами: их психология нам мало известна. Мы не можем сказать того же о детях и о дикарях. Не всякий имел случай наблюдать дикарей, но мы имеем у себя под рукою равноценный материал—детей. Мы можем утверждать, что дикари и дети—анимисты, т.-е., что они проектируют (выбрасывают) наружу волю, которая действует в них самих, что они одухотворяют мир, в частности существа и

---

1) Например, избиение Мадианитов (Числа 31, 7): «и пошли войною на Мадиама, как повелел Господь Моисею, и убили всех мужского пола»... 15. И сказал им Моисей: «вы оставили в живых всех женщин». 17. «Итак, убейте всех детей мужского пола и всех женщин, познавших мужа на мужеском ложе, убейте» См. прекрасные замечания Вольтера к его трагедии: «Законы Миноса».

предметы, которые их окружают, жизнью и чувствами, подобными их собственным. Примеры этого анимистического стремления бесчисленны; для нас было бы достаточно, чтобы доказать это, возбудить в себе самые отдаленные воспоминания нашего собственного детства.

14. Этот факт был признан и освещен уже с XVIII столетия. Философ Юм писал в своей *Естественной истории религий:* «у человека существует естественная склонность признавать, что все существа с ним сходны. Неизвестные причины занимают постоянно его мысль, и он спешит приписать этим причинам, для того, чтобы лучше приспособить их к себе, мышление, разум, страсти, а иногда даже и черты, тожественные с его собственными».

15. Анимизм до того присущ человеку, до того трудно вырвать его с корнем, что он оставил следы в языках всех народов, в способе выражения людей, кажущихся наиболее цивилизованными. Я только что выразился, что *анимизм оставил следы:* не есть ли и это—анимистический способ выражаться, как-будто анимизм, это отвлечение моего ума, есть маленький гений, какой-то домовой или кобольд, шаги которого оттиснулись в сырой глине или в пыли. Воплощение образов в поэзии есть ничто иное, как пережиток анимизма; цивилизованный человек наслаждается ими тем более, что они напоминают ему самую дорогую, самую древнюю его иллюзию. Послушайте Ламартина, говорящего озеру Бурже:

«О, озеро, год едва закончил свой бег...
Посмотри—я пришел, и сижу один на этом камне,
Где ты видело «ее» сидящей».

Год—какое-то существо или колесница, совер-

шающее свой путь вокруг неба, или скорее, человек, правящий этою колесницею. Озеро видело подругу Ламартина, сидящею на берегу, и поэт обращается к нему с просьбою—взглянуть. Очень ли удалено состояние ума, создавшего эти стихи, от состояния ума краснокожего индийца, у которого спрашивают: «почему вода реки течет», и который отвечает: «дух воды убегает». Читая любое современное произведение, не имеющее даже литературных претензий, легко заметить, что великое препятствие, на которое наталкиваются наши языки, далеко не являющиеся научными орудиями анализа, заключается не в старании олицетворить предметы, чтобы сделать их более осязаемыми, а в том, чтобы обезличить их, чтобы помешать им говорить нашему воображению, т.-е. разбудить, в ущерб логике, трудно обуздываемую фантазию.

16. С одной стороны, *анимизм*, с другой—*табу*—вот основные факторы религий. Действием естественным, можно почти сказать, физиологическим, анимизма вызвано создание этих невидимых духов, которыми кишит природа, духа солнца и луны, деревьев и вод, грома и молнии, гор и скал, не говоря уже о духах покойников, которые называются душами, и о духе духов, который есть Бог; влиянию табу, которое создало сознание священного и мирского, вещей и деяний запретных и дозволенных, обязаны своим возникновением священные законы и благочестие. Иегова скал и грозовых туч Синая—продукт анимизма; книга Библии, Второзаконие—переделка старого собрания табу.

17. Теория, которую я выше изложил вкратце, находится в абсолютном противоречии с двумя объяснениями, давно получившими признание

и теперь еще всюду имеющими приверженцев. Первое объяснение заключается в теории откровения, второе—в теории обмана. Первая была общепризнанною в средние века и доселе имеет защитников в лице тех, которые ищут для себя познания в теориях прошлого; второе объяснение присуще в общих чертах философам XVIII столетия. Прежде, чем итти дальше, следует сказать несколько слов и о том и о другом воззрении.

18. Теория откровения основана на Библии; для того, чтобы избегнуть упрека, будто я занимаюсь изображением ее в карикатурном свете, я воспроизведу, по мере возможности, подлинные выражения либерального богослова, аббата Бержье, написавшего богословские статьи для «Методической Энциклопедии» Панкука 1789 г. (Encyclopédie méthodique de Panckoucke). Сотворив наших праотца и праматерь, Бог научил их Сам всему, что им нужно было знать: Он им открыл, что Он единый Создатель мира и, в частности человека; что, таким образом, Он их единственный Благодетель и верховный Законодатель. Он им сообщил, что Он их создал по Своему образу и подобию, и что они, поэтому гораздо более совершенной породы, чем скоты, почему Он подчинил им всех зверей. Он одарил их плодовитостью посредством особого благословения и подразумевалось, что они должны были передать своим детям уроки, преподанные им Богом. К несчастью, люди, за исключением весьма небольшого числа избранных семей, оказались непослушными божественным поучениям и, пренебрегши поклонением единому Богу, погрязли в заблуждениях многобожия. Тем не менее, воспоминание о столь высоком преподавании не затерялось

вполне. Этим объясняется, что самая мысль о Божественном покровителе находится под разными видами у всех народов. Человечество обязано познанием Бога и религиею не естественному усилию своего ума, но исключительно Божественному откровению.

19. Несмотря на всю странность этого учения оно имеет за себя авторитет всех крупных церковных богословов и даже в XIX столетии нашелся ученый мирянин, прекрасный эллинист, Крейцер, восстановивший ее в несколько измененном виде. Крейцер учил, что в очень отдаленную эпоху, в Азии или в Египте жреческая каста обладала возвышенными религиозными и нравственными идеями (единство божества, бессмертие души, загробные воздаяния), но что она сочла нужным облечь их в форму символов, чтобы сделать их более доступными толпе. Эти символы были поняты буквально и ошибочно признаны за формулу, равнозначущую познаниям человечества в области невидимого мира. Отсюда произошли нелепые басни греческого многобожия; отсюда же—таинственное преподание мистерий (таинств), благодаря которым посвященные допускались к пользованию благодеяниями более совершенного вероисповедания,—религии золотого века человечества. Менее столетия отделяет нас от времени, когда ученый профессор гейдельбергского университета мог распространять с кафедры и в своих научных трудах столь сумасбродные фантазии [1].

20. Крейцер, писавший в 1810 г., в эпоху религиозного возрождения, провозвестником

[1] См. Leo Jubert, «Essais de critique», стр. 110 и след.

коего был Шатобриан, думал, что он опроверг таким способом сухие и прозаичные теории XVIII века. В действительности, с ним случилось то, что всегда случается с людьми, воспитанными в известной умственной среде и не могущими, как бы они ни старались, отделаться от предрассудков, которыми их наделила эта среда. Крейцер приписывает в своем объяснении происхождения культов и мифов большую роль жрецам. Жрецы, будучи обладателями высоких истин, по его теории, обрядили их с большим искусством, чтобы обеспечить им широкое распространение. Между тем, ошибка XVIII века состояла именно в преувеличении, сверх всякой меры, роли первоначального жреческого сословия, в непризнании факта, что религия куда древнее самих жрецов и священников; ошибкою было признавать их ловкими обманщиками (благодетельными обманщиками, по мнению некоторых), которые будто бы выдумали религию и мифологию в качестве орудий власти над толпою. Отсюда — нелепый вывод, что религия отнюдь не современна наиболее раннему появлению на земле человечества, но что она была будто принесена или навязана в эпоху довольно позднего его развития; это, между прочим, проповедывал еще в наши дни в парижской школе антропологии, один из основателей науки до-исторической археологии, Габриэль де-Мортилье.

21. В основе этого учения лежит смешной анахронизм, допущенный XVIII веком тем охотнее, что состояние христианства в Западной Европе, как казалось, отчасти наводило на эту грубую ошибку. Потому, что видели воочию кардиналов-атеистов, каковыми были Дюбуа, Тенсин и многие другие, светских священников,

которые, по французской пословице, «питались обедом от алтаря, а ужином от театра» (dinaient de l'autel et soupaient du théâtre), люди вообразили, что так обстояло дело изначала. Вольтер, еще совсем молодым человеком, срывал аплодисменты такими стихами своего «Эдипа» (1718);

«Священники—не то, что думает о них простой народ».
«Наше легковерие творит всю их мудрость».

В 1742 г. он влагает в уста Магомета, который воплощает в его глазах скорее надувательство, чем фанатизм:

«Я пользуюсь ошибками мира...
«Нужна новая вера, нужны новые оковы,
«Нужен новый Бог для слепой вселенной».

22. Позже Вольтер продолжал, даже в самых серьезных своих сочинениях, смотреть на «попов», как на обманщиков, а на религию, как на какие-то несчастные случаи в жизни народов. «Кто был изобретателем искусства пророчества? Конечно, первый мошенник, который встретил дурака». («Essai sur les moeurs», том I стр. 133, Kehl). И в другом месте (том I стр. 14); «должны были прежде появиться кузнецы, плотники, каменьщики, пахари, чем нашелся человек, имеющий достаточно свободного времени, чтобы размышлять. Все главные разнородности ручного труда, несомненно, предшествовали метафизике на несколько столетий». То, что Вольтер подразумевает здесь под метафизикою—это представление о душе, мыслимой отдельно от тела, т.-е., в сущности, прямое последствие того «анимизма», который является общим верованием всего первобытного человечества. «Когда, после долгого ряда веков, составились сообщества», продолжает Вольтер, «можно предпола-

гать, что возникла кое-какая религия, известного рода грубый культ». Таким образом, по его представлению, появляется сперва материальная цивилизация,—цивилизация уже гораздо более сложная, чем зачаточная, цивилизация, обладающая земледельческими знаниями, умением обрабатывать дерево, камень и даже металлы; религия появляется лишь позже всего этого. Это воззрение могло казаться Вольтеру согласным со здравым смыслом; нам оно кажется почти детски-наивным, поскольку мы, действительно, ушли вперед в наших познаниях со времени Вольтеровского «Essai sur les moeurs».

23. Руссо был врагом Вольтера, и многие, не читавшие его сочинений, воображают, что он являлся защитником против Вольтера прав религиозного чувства. Это совершенно не так; и Руссо, и Вольтер, согласны между собою в этом основном вопросе, будучи оба убеждены, что материальное развитие предшествовало религии, что последняя является деланным и внедрившимся извне элементом, подобно тому, как Крейцер еще согласен с Вольтером, преувеличивая роль священников (жрецов) в создании и распространении догматов. Руссо написал в 1753 г. свое знаменитое «Рассуждение о происхождении и причинах неравенства между людьми» (*«Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes»*), где он старается воссоздать, основываясь исключительно на логике, первобытную историю всех человеческих общественных организаций. Он описывает нам сперва одинокого дикаря, открывающего зачатки ремесл и культуры земли, приручения животных, затем того же дикаря, строющего для себя обиталище и основывающего, таким образом, семью; является затем честолюбец, который

ставит знаки вокруг своего поля и объявляет, что это поле—его собственность. Другие следуют его примеру; вскоре появляются богатые и бедные; наконец, богатые, боясь за свое благополучие, входят между собою в соглашение, чтобы обмануть бедных, для чего устанавливают правила и законы.

О религии во всем этом романе нет ни слова; но чувствуется, что Руссо воздержался говорить о ней из осторожности. Эти богачи-обманщики, которые надувают народ, заставляя его же утвердить за ними награбленное ими, должны были быть, как он думал, жрецами, или, по крайней мере, были поддержаны жрецами, так что и Руссо, и Вольтер—оба имели то странное убеждение, что человек, это преимущественно религиозное животное, мог жить долгие века совсем без религии и что человеческие общества были мирскими, лишенными религии прежде, чем дух властолюбия и обмана ввел среди них культ Божества.

24. Вольтер и Руссо не представляют исчерпывающим образом мысли XVIII века; если б я задался специальной задачею изложить здесь идеи этой эпохи о религии, я подробно остановился бы, например, на замечательном труде президента де-Бросс (*De Brosses*, «*Du culte des dieux fétiches*», 1760), который ввел в науку о религиях понятие фетишизма и самое это слово.

Португальские мореплаватели, которые первыми завели торговые сношения с западной Африкою, заметили, что негры этих стран установили у себя своего рода культ по отношению к материальным (вещным) богам, как-то: камням, раковинам; португальцы назвали последних *фетишами;* название это является произ-

водным от слова их языка factitius (фабрикованный, изготовленный), которое означало небольшие предметы благочестия.

Де-Бросс, не обладая достаточными познаниями, вообразил, что культ фетишей является первоисточником всех религий, и сближал этих негрских фетишей со священными камнями Греции и Египта; по его мнению, фетишизм был первым шагом к культу идолов. Он не знал, что фетиш негров не имеет силы сам по себе, но имеет значение лишь благодаря духу, который яко бы в нем обитает, фетишизм есть только частный случай, развитие в известном направлении анимизма и мы теперь знаем, что негры западной Африки далеко не исключитель о фетиши ты, а признают всеобщих и местных духов, являющихся в их глазах подлинными богами, которым воздается соответствующее поклонение.

Как бы ни была важна ошибка, в которую впал де-Бросс, за ним остается та заслуга, что он искал источников религии в изучении дикарей, нам современных. Вольтер и Руссо тоже охотно говорят о дикарях, но они их очень плохо знают.

25. Немного ранее де-Бросса, человек довольно поверхностного ума, а именно, Фонтенель, издал небольшое изыскание о происхождении басен, которое осталось незамеченным, являясь, однако, одним из самых замечательных произведений XVIII века, трактующих о данном предмете, хотя в сочинении этом меньше говорится о религии, чем о мифологии. Только в наши дни, некто Андрей Ланг (Andrew Lang), случайно прочитавший эту книжку, осветил значение и положительные достоинства скромной по размерам брошюры Фонтенеля.

Фонтенель признает, что «философия», т.-е. любопытствующее стремление познать причины явлений, существовала даже в самые грубые века.

«Эта «философия» основывалась на таком простом принципе, что и доселе наша философия не имеет другого основания, а именно на том, что мы должны объяснить неизвестные явления природы теми явлениями, которые мы имеем перед глазами и что мы переносим в область физики идеи, которые нам доставляет опыт... Мы заставляем природу действовать посредством рычагов, тяжестей и пружин... Из этой грубой «философии», которая царила по необходимости в ранних веках, народились боги и богини. Люди видели многое, что они не могли сделать сами, например—метать молнии, возбуждать ветры, колыхать морские волны...тогда они выдумали существа, более могущественные, чем они сами, и способные, по их мнению, производить эти величественные явления».

«Вполне естественно явилось представление, что эти существа должны были иметь вид людей; какой другой вид и могли бы они иметь? Отсюда вытекает обстоятельство, на которое, может быть, еще не обращали внимания: во всех божествах, которых создало воображение язычников, последние дали решительное преобладание идее могущества, и не придали почти никакого значения ни мудрости, ни справедливости, ни всем другим личным качествам, присущим божественной природе. Ничто лучше не доказывает древности этих божеств... Не удивительно поэтому, что они выдумали несколько богов, часто враждебных друг другу, жестоких, капризных, несправедливых, невежественных... Роковым образом эти боги носят на себе отпе-

чаток времени, в котором их создали люди... Язычники всегда изображали свои божества по своему собственному образу и подобию: таким образом, по мере совершенствования людей, совершенствовались и сами боги... Первые люди создали басню, не будучи, так сказать, сами повинны в ее возникновении».

Вот уже мы оказались довольно далеко от Вольтеровских «плутов». Не все в изыскании Фонтенеля имеет одинаковую ценность. Но насколько он впереди своего века—что я говорю!— насколько он впереди большинства ученых XIX века, когда он признает самородность мифических образов и когда он объясняет посредством самой природы человеческого ума совпадения, представляемые мифами у самых отдаленных друг от друга и различных народностей!

«Обычно приписывают зарождение басней живому воображению восточных народов; что касается меня, то я приписываю его невежеству первых людей.. Я доказал бы, если б это было нужно, удивительное сходство между баснями американцев и греков. Если греки, при всем их уме, будучи еще народом молодым, не мыслили разумнее американских варваров, то можно предположить, что американцы, в конце концов, стали бы мыслить столь же разумно, как греки, если б им предоставили для этого необходимое время».

Мы находим в этих строках, в зачаточном виде, всю теорию нынешних антропологов, которые смотрят на сказания (как и на орудия из камня и из кости), как на сравнимые между собою продукты цивилизации разных народов в сравнимые периоды их развития.

25. Фонтенель кончает свое исследование не-

сколькими словами по поводу позаимствований греков у финикиян и у египтян, по поводу недоразумений, которые должны были возникнуть у греков, благодаря незнанию ими иностранных языков, наконец, по поводу влияния письменности, которая иногда сохраняет сказания, иногда развивает их и даже творит новые: «итак, не будем», делает он вывод, «искать иного чего в баснях, как только ошибок человеческого ума. Нельзя назвать наукою наполнение своих мозгов всеми выдумками финикиян и греков, но следует признать наукою знание того, что привело финикиян и греков к этим выдумкам. Все люди так друг на друга похожи, что нет такого народа, глупость которого (в области верований) не заставила бы нас содрогнуться»...

Эта последняя фраза Фонтенеля говорит нам многое о том, чего он не смел громко сказать: он также, как и д'Аламбер, в его письме к Вольтеру, думал, что «страх перед кострами действует освежающим образом»; но я думаю, что приведенных мною выдержек достаточно для убеждения читателя в том, что Фонтенель, этот легковесный и остроумный Фонтенель, должен быть причислен к сонму основателей того антропологического метода, очерк которого я постарался здесь дать.

II.

27. Я старался установить в предшествующих строках, что *анимизм*, с одной стороны, и *табу*—с другой, могут рассматриваться, как главные факторы религий и мифологий. Но это не единственные факторы. Есть два других фактора, которые, будучи менее древними, действо-

вали не менее общим образом: я говорю о *тотемизме* и о *магии*.

28. Дать определение тотемизму очень трудно. Могу пока сказать, предоставляя себе право точнее объяснить свою смысль позже, что тотемизм есть род культа, воздаваемого животным и растениям, рассматриваемым как союзники или родственники человека. Где искать происхождения этого представления и как оно развилось?

29. Древние уже заметили, что человек, в основе, животное общественное. Тщетно Жан-Жак Руссо, в XVIII столетии, старался отрицать эту характерную особенность и видел в человеческом обществе последствия соглашения, «контракта»; Вольтер с ним не соглашался, и ныне все думают, как Вольтер. В самом первобытном состоянии, в каком мы можем подвергнуть их изучению, люди не живут только стадами, как многие высшие млекопитающие, но составляют социальные группы, подчиняясь разным «совестливым чувствам», которые являются зародышами нравственности и законов.

30. Общественный инстинкт первобытного человека легко переходит, как и инстинкт ребенка, через границы рода и даже через границы органического мира, к которому он принадлежит. Иллюзии *анимизма* заставляют его признавать существование всюду духов, подобных его собственному; он входит с ними в общение, делает из них себе друзей и союзников. Это всеобщее стремление человеческого ума отражается в фетишизме, который не есть, как думал Де-Бросс, культ вещественных предметов, но дружественное общение человека с духами, которые обитают, по его представлению, в этих предметах. В бытность мою ребенком, никогда не слыхавшим

ни слова о фетишизме, у меня имелась светло-синяя раковина, которая, в моих глазах, была настоящим фетишем, ибо я поселил в ней, в моем воображении, некоего духа-покровителя.

31. Если-бы невзначай вздумали обшарить наши карманы, осмотреть наши часовые цепочки или наши драгоценные украшения, какая великолепная составилась бы жатва фетишей? Мы, может быть, возмущенно заявили бы, что все это не имеет никакого отношения к фетишам, а является только воспоминаниями, игрушками; между тем, в действительности несомненно, что чувство, привязывающее нас к этим предметам, является, под более или менее светскими и литературными формами, пережитком древнего до-исторического фетишизма, анимизма наиболее отдаленных наших предков.

32. Раз первобытный человек увлечен стремлением расширить почти безгранично круг своих связей, действительных или воображаемых, естественно, что он включает в него некоторых животных и некоторые растения, которым он отводит известное место в оборонительном и наступательном союзе членов своего собственного племени. Вскоре одно и то же чувство совестливости оказывает людям и тотемам покровительство против его собственных капризов и насилия и становится кажущимся доказательством, в отношении тех и других, общности происхождения, так как члены одного племени, которые щадят друг друга, признают своим предком одну и ту же праматерь или одного праотца.

33. Уважение к жизни определенного животного, определенного растения, этот первобытный культ животных и растений, который мы

находим, с большею или меньшею примесью антропоморфизма, в Египте, в Греции и во многих других странах, есть не что иное, как *преувеличение, гипертрофия социального инстинкта.* Животные более поддаются этой роли, чем растения, а растения более, чем предметы мертвой природы. Стоит повести маленького ребенка в зоологический сад, чтобы удостовериться, что такая гипертрофия инстинкта очень свойственна человеку. Цивилизация не уничтожает ее, но налагает на нее узду.

31. Культ животных, деревьев или вообще растений, встречается, в виде пережитков, во всех древних обществах. Эти пережитки проявляются первоначально в виде сказок, называемых *метаморфозами.* Когда греки нам повествуют, что Зевс превратился в орла или в лебедя, следует видеть в этом рассказе мифы, переданные как бы шиворот-на-выворот. Бог-орел и бог-лебедь уступили свое место Зевсу в ту эпоху, когда боги греков стали уже предметом поклонения под человеческим видом, священные же животные остались атрибутами или спутниками богов, которые иногда принимают личину этих животных. Их метаморфозы не что иное, как возврат к первоначальному их виду. Так, сказка нам повествует, что Зевс преобразился в лебедя, чтобы понравиться Леде. Для нас это знаменует, что в весьма древнюю эпоху одно из греческих племен воздавало божеские почести священному лебедю, и что оно верило, что лебедь мог иногда вступать в связь со смертными. Позже место лебедя занял бог, имевший человеческий вид, т.-е. Зевс; но сказка не была забыта, и вообразили, что Зевс обратился в лебедя, чтобы стать отцом Елены, Кастора и Поллукса, детей божественного лебедя и Леды.

35. Миссионеры, с самого начала XVIII столетия, заметили у северо-американских индийцев более общую и строгую форму культа деревьев и животных. От этих индийцев заимствовано слово *тотем*, точнее *отам* (знак или знамение), означающее животное, растение, или реже, минерал или небесное светило, в котором род или племя признает своего покровителя, предка, видимый знак объединения. По-видимому, тотемизм столь же распространен, как и анимизм, от которого он происходит; следы его заметны почти всюду, если и не в чистом виде и не без примеси более юных религиозных представлений, то хотя бы в виде пережитков, более или менее несомненных. Религии Египта, Сирии, Греции, Италии, даже Галлии, все запечатлены признаками тотемизма.

36. Приведу, наугад, пример тотемического пережитка в Центральной Европе. Как известно, город Берн с незапамятных времен содержит у себя медведей; чтобы объяснить этот обычай, рассказывают басню об одном огромном медведе, убитом в IX веке охотником, имя которого даже называют. Этот рассказ, как многие античные басни, был целиком выдуман для того, чтобы заодно объяснить название города Берна (медведь по-немецки—Bär) и традиционное уважение жителей его к медведям. В действительности, причина этого своеобразного явления гораздо древнее; доказательство этому найдено в наше время. Близ самого Берна открыли бронзовую группу, относящуюся к I или II веку по Р. Хр., представляющую большого роста медведя, приближающегося к сидящей богине, как бы с тем, чтобы поклониться ей; надпись, выгравированная на базе этого бронзового памятника, указывает, что это—благочестивое при-

ношение по обету, ex voto, богине Artio. Artio—кельтское имя, весьма близкое к греческому названию медведя—*арктос;* ясно, что богиня Artio была медвежьею богинею,—богинею, пользовавшеюся медведем в качестве атрибута или спутника. Таким образом, до эпохи, создавшей богов с человеческим обликом, Artio была богинею-медведицею, иначе говоря, священною медведицею. Воспоминание о культе медведя сохранилось безсознательно в городе медведя (Bern в течение долгих веков, и только в наши дни счастливая находка дала возможность распознать в этом факте пережиток до-исторического тотемизма.

37. Первобытный тотемизм оставил не меньше следов в области словесности. Животная басня, столь распространенная, является самым древним видом народной литературы, и ныне еще дети предпочитают ее всем остальным видам; с нее начинается их воспитание. Между тем, басня есть лишь осадок рассказов, созданных воображением и принятых за истину легковерием людей тех отдаленных времен, когда звери еще говорили. Нашим детям они нравятся потому, что они бессознательные тотемисты. В Библии, в том виде, в каком мы ее знаем, животные говорят только в исключительных случаях; вспомните, однако, змея книги Бытия и Валаамову ослицу. Первичные рассказы, которые были собраны и исправлены для составления Библии, наверно кишели рассказами о животных. В Евангелиях мы находим еще голубя, священную птицу Сирии, которому отведена характерная роль в рассказе об Иорданском крещении; но так называемые апокрифические Евангелия, которые являются произведениями народной письменности, заключают

в себе многочисленные рассказы о говорящих животных и говорящих деревьях. Когда нет тотемизма в каком-либо памятнике древней литературы, можно всегда почти безошибочно утверждать, что следы тотемизма были изглажены позднейшими справщиками.

38. Животное-*тотем*, признаваемое покровителем рода, в принципе, неприкосновенно; еще теперь нам известны охотничьи племена, признающие своим *тотемом* медведя, которые просят у медведя прощения, перед тем, как убить его. В эпохи, наиболее отдаленные, к которым нас приводит чистый тотемизм, вероятно, каждое небольшое племя имело хотя бы одного тотема, которого нельзя было ни поедать, ни убивать, как и людей того же самого племени. Таким образом, тотем находился под охраною *табу*. Последствия этого факта очень важны и дают себя чувствовать еще теперь. Первым последствием было приручение животных и культура растений, т.-е. земледельческий образ жизни. Представим себе племя, состоящее из двух родов, из которых у одного *тотемом* служит кабан, а у другого какая-либо разновидность дикого злака. Каждый из этих родов и люди, его составляющие, будут заботиться о том, чтобы поддерживать около своего лагеря хотя бы пару кабанов, которые будут размножаться под наблюдением человека, и небольшую посадку злаков, которую будет поддерживать обработка поля. Будучи даже голодными, охотники не станут есть своего *тотема*, которого охраняет религиозное *табу*, и не позволят себе, за исключением какого-либо совершенно особого случая, с'есть или уничтожить *тотем* соседнего рода. Через несколько поколений божественные кабаны станут домашними живот-

ными, а дикий злак станет культурным растением.

39. Почему и как прекратилось это положение вещей? Тут опять появляется на сцену религия, которая одна дает нам удовлетворительное объяснение. *Тотем*—предмет священный; будучи таковым, он рассматривается, как вместилище силы и святости. Жить около него, под его покровительством является уже делом спасительным; но нельзя ли приобрести еще больше силы—в случае, например, эпидемии или какого-либо несчастия—усвоив самую сущность *тотема*? Таким образом, сначала в совершенно исключительных случаях, для того чтобы освятить себя, члены рода стали позволять себе убивать и с'едать своего тотема в торжественной обстановке. Мало-по-малу, учащаясь, эти религиозные трапезы превратились в пиршества; потом, с развитием «рационализма», позабыли о святости животных и растений и стали думать об их полезности. Дозволено предполагать, что причащение, как его практиковали и понимали все средние века, являлось пережитком именно того бесконечно древнего верования, которое состояло в стремлении приумножить свою силу и освятить себя поеданием священного существа. Если первоначальное Христианство, со своим обрядом феофагии (предания Божества) так быстро покорило всю Европу, то, думается, что самая идея предания божества не была там новинкою и только облекла в менее грубые формы один из самых глубоких религиозных инстинктов человечества.

40. С другой стороны, в консервативной среде, мысль о том, что следует воздерживаться от потребления некоторых *тотемов*, пережила на много развитие материальной цивилизации.

животное или растение, относительно которого установилось правило воздержания, рассматривается то как священное, то как нечистое; в действительности, оно ни то, ни другое: оно просто *табу*. Корова—*табу* для индусов, свинья *табу* для мусульман и евреев, собака—*табу* для жителей почти всей Европы, боб был *табу* для сект пифагорейцев и орфиков в Греции. В XVIII ст. философы распространили ошибочную мысль, что если некоторые религиозные законодатели воспретили ту или другую пищу, то сделали они это, будто, по соображениям гигиеническим. Сам Ренан думал еще, что боязнь трихины и проказы заставила воспретить евреям употребление свиного мяса. Чтобы показать, насколько это предположение неосновательно, достаточно заметить, что во всей Библии не найдется ни одного примера, где бы эпидемия или просто болезнь была приписана употреблению мяса «нечистого» животного; понятие о гигиене возникло лишь очень поздно, среди греков. В глазах библейских авторов, как и в глазах современных дикарей, болезнь—явление сверхестественное: *она является следствием гнева духов.* Благочестивые евреи потому воздерживаются от потребления свинины, что их предки за пять или шесть тысяч лет до нашей эры, наверно признавали своим *тотемом* кабана. Объяснение гигиеническими соображениями запрета, наложенного на какой-либо пищевой продукт, является ныне просто признаком невежества: уже лет двадцать пять тому назад эта истина, как я ее изложил, была признана знаменитым английским ориенталистом Робертсоном Смитом.

41. Вообще нет ничего нелепее объяснения религиозных законов и обычаев далекого про-

шлого соображениями, почерпнутыми из современных нам научных знаний.

Говорят, например, что евреи соблюдают субботу потому, что их законодатель Моисей знал, что человеку необходим день отдыха. Моисей, если он когда-либо существовал, не знал ничего подобного; он только узаконил древнее *табу*, согласно коему один из дней недели считался несчастливым, в качестве негодного для полезной и плодотворной работы. Если до-исторический еврей не работал в субботу, так это потому, что суббота — *дурной день*, подобно тому, как мы и теперь видим людей, даже таких, которые подчеркивают обычно свое вольнодумство, нежелающих пускаться в путешествие 13-го числа какого-либо месяца или в пятницу, потому что 13-е и пятница — *дурные дни*. Таким образом можно для объяснения весьма древних обычаев отыскивать примеры для сравнения в явлениях нашей современной жизни, но с условием основывать свои выводы на пережитках суеверий, но не на соображениях научного свойства.

42. Спешу оговориться, что в условиях нашей напряженной цивилизации, гигиена тела и духа заставляют нас посвящать отдыху один день в неделю; вот почему обычай субботнего отдыха, перенесенный на воскресенье, не только сохранился, но даже освящен светским законодательством. Можно бы указать на примеры многих других суеверных *табу*, которые совпадают случайно с требованиями гигиены и разума, сохранились поэтому в нашем современном цивилизованном быту, и, приобретя права гражданства, заслуживают сохранения.

43. Почему христиане средних веков, а православные и католики и поныне едят рыбу по пятницам. Они сами этого не знают, а евреи

совершенно также не знают, почему в Польше они должны есть рыбу в пятницу вечером. Этот последний обычай настолько укоренился у благочестивых евреев, что можно видеть в Польше или Галичине еврейские семьи, находящиеся в состоянии самой отчаянной бедности, которые достают по пятницам хоть одного пискаря, чтобы съесть его по маленьким кусочкам к вечеру. Пятничные постные блюда христиан есть ни что иное, в действительности, как религиозный обычай поедания рыбы евреями в пятницу

44. Если этот обычай является общим для евреев и для христиан, то ясно, что еженедельное поминовение дня смерти Спасителя тут не при чем. Рыба была древне-сирийским *тотемом*. Между сирийскими племенами некоторые воздерживались от употребления в пищу определенных рыб—так поступали евреи; другие держали в прудах священных рыб, и ели таких рыб, чтобы впитать в себя святость. Этот обычай был усвоен и первыми христианами, которые дошли даже до отожествления Христа с очень большою рыбою, при чем называли себя маленькими рыбами [1]. «Мы малые рыбы», говорил Тертуллиан, «рождающиеся в водах крещения»; а надпись 180 г. нашего летосчисления прямо называет Иисуса *большою рыбою*. Съедание священной рыбы было первобытной формою евхаристической трапезы, ибо этот обычай намного предшествовал прише-

---

[1] Это не имеет никакого отношения к знаменитому акростиху ΙΧΘΥΣ (=рыба), буквы коего составляют инициалы фразы: ΙΗΣΟΥΣ ΧΡΗΣΤΟΣ ΘΕΟΥ ΥΙΟΣ ΣΩΤΗΡ (=Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель); этот акростих был придуман позже, в Александрии, чтобы объяснить и оправдать культ рыбы у христиан.

ствію Христа. Он сохранился, под разными видами, у евреев, которые его соблюдают, не понимая его значения, а также у христиан, которые, чтобы объяснить его, придумали кучу противоречивых объяснений, в подробности которых входить здесь не место.

45. Если системы *табу* и *тотемов* объясняют многое в религиях и мифологиях как древних, так и современных народов, то следует остерегаться думать, что они объясняют все. Сколько ни злоупотребляли, напр., солнечными мифами или мифами, касающимися грома и молнии, несомненно, что наивное объяснение великих явлений природы дало повод к возникновению известного количества сказок. Но эти сказки сохранили характер более литературный, чем религиозный; существенное и глубокое по содержанию в религиях проистекает из анимизма, из которого произошел также культ покойников, и из тотемизма, который предшествовал религиям антропоморфическим (с человекообразными богами) и проник в них существенными своими частями.

Возвратимся на время к нашим табу.

46. Происхождение этих религиозных предрассудков, конечно, мало разумно, в современном смысле этого последнего слова; дети страха, плоды скороспелого обобщения и произвольных сближений, каковыми занимаются и теперь сплошь и рядом малые ребята и невежды (вспомните разные суеверия по поводу опрокинутой солонки, трех свечей, всяких дурных предзнаменований), табу особенно многочисленны и строги в среде отсталых цивилизаций, как, например, у современных австралийцев, где они передаются из рода в род устным преданием и составляют почти всю

науку этих дикарей. Представление, столь дорогое XVIII веку, о дикаре, свободном, неподчиненном никакому насилию, совершенно несовместимо с самыми элементарными данными этнографии... Свободный дикарь Руссо— не настоящий дикарь: это—философ, раздевшийся до-нага.

47. Если б белая раса осталась заключенною в сеть табу, относящихся до запретов пищевых, рабочих и нерабочих дней, ограничивающих свободу передвигаться, заключать браки, воспитывать детей, мы не наслаждались бы ныне благами цивилизации, которую эта раса нам дала. К счастью, у энергичных и хорошо одаренных народов произошел отбор в области *табу*: те из последних, которые доказали свою общественную пользу, сохранились то в виде правил приличия, то в виде нравственных или гражданских законов; другие пропали или живут только в виде низменных суеверий. Это последовательно—освободительное дело было поддержано духовенством, которое, узаконив различные *табу*, воспрепятствовало чрезмерному их накоплению и уничтожило большое их количество тем самым, что оно не освятило их. Тут опять, и как-раз в вопросе капитальной важности, рационализм XVIII века пошел по неверной дороге; тогда как он смотрел на первоначальных священников и жрецов, как на притеснителей и обманщиков, мы должны в них признать факторов относительного освобождения; это освободительное движение позже развивалось уже *против воли* духовенства и открыло путь более совершенной свободе. Но благодетельная роль духовенства, сказавшаяся в уничтожении стеснительных суеверий и ребяческих *табу*, не является фактом одного только

прошлого. Мы знаем, что даже и теперь священники нередко имеют и исполняют обязанность успокаивать совесть верующих, указывая во время исповеди на нелепость суеверных страхов, являющихся наследием до-исторических *табу*, которыми невежество всегда готово смущаться.

48. История человечества есть история постепенного превращения религиозных понятий в мирские, которое еще далеко не завершено. В начале вся атмосфера, в которой человечество вращается, как бы насыщена анимизмом; всюду реют опасные или зловредные по существу духи, которые оказывают гнет на деятельность человека и даже парализуют ее. Отбор *табу* было первым шагом вперед, но не последним. Человечество не осталось пассивным по отношению к тысячам духовных сил, которыми оно, как само думало, было окружено. Для того, чтобы дать им отпор, чтобы укротить их и подчинить своим собственным целям, человечество нашло союзника в лице ложной науки, которая стала матерью всех настоящих наук в колдовстве или магии. Я предложил определение магии, как *стратегии анимизма* и я думаю, что это определение лучше Вольтеровского: «*тайна умения делать то, чего не может сделать природа*», ибо первобытный человек не имеет и понятия о том, что может делать природа, а магия стремится ее насиловать. Благодаря магии человек принимает наступательное положение по отношению к явлениям, или, скорее, он становится как бы дирижером огромного хора духов, которые жужжат вокруг его ушей. Чтобы заставить дождь итти, он проливает воду: он подает пример, приказывает, и думает, что достигнет послушания. Очевидно, в данном примере ку-

десник напрасно тратит время и свой труд: но вспомните глубокомысленные слова Бэкона: «Natura non vinoitur nisi parendo»—«нельзя победить природу иначе, как покоряясь ей». Эта идея о солидарности явлений, о взаимодействии человеческой воли по отношению к волям окружающих духов, составляет уже, несмотря на самообман, в который эта идея запутывается, научный принцип.

49. Раз магия стала профессиональным занятием, необходимым для общественной организации учреждением, во что бы то ни стало необходимо для кудесника стараться, чтобы получались у него удачные результаты, которые заставили бы признавать и уважать его могущество; шарлатан стал астрономом, врачом, металлургом, и в качестве астронома и алхимика средних веков обогатил сокровищницу человеческого знания полезными открытиями, которые должны были сделать его самого, в конце концов, бесполезным. Я мог бы указать, что все великие открытия первобытного человечества, не исключая способа добывания огня, осуществились при покровительстве религии и при неослабном содействии колдовства. Конечно, колдовство не дало всюду одинаковых результатов: для этого требовалась благоприятная почва; но если оно теперь еще существует в цивилизованных странах лишь в виде пережитка, совершенно так же, как и тотемизм, то все же, именно ему и тотемизму обязан современный мир основами цивилизации, которою он пользуется.

Таким образом,—и это мне кажется основным выводом нашего исследования,—начало религий сливается с самым началом мышления и умственной деятельности людей; упадок религий или ограничение их значения является историею

прогресса, который они одни сделали возможным.

50. В противоположность тому, что думали Вольтер и, в более близкое к нам время, такие люди, как Карл Фогт и Мортилье, религия не является болезненными новообразованиями, привитыми общественному организму благодаря чьей-то жадности и обману, но жизнью самого общества в ее начальной стадии. С течением времени религия породила новые отрасли специальных человеческих знаний—точные науки, мораль, правоведение, которые естественно развились за ее же счет.

Еще на наших глазах некоторые *табу* имеют стремление обратиться в разумные законоположения; анимизм теряет почву, которую завоевывает физика, химия, астрономия, и старается спастись у границ науки—в спиритизме. Наконец, магия, роль которой столь значительна в некоторых обрядах, отказывается от своей первоначальной роли, и эти обряды имеют стремление стать символами, как, например, причащение в реформатских христианских церквах.

51. Возвраты к анимизму и к магии, которые думают констатировать историки, называя их «религиозным возрождением», в действительности только кажущиеся; они зависят от присоединения свободных мыслителей, впрочем, еще немногочисленных, к толпе, оставшейся невежественною и суеверною. Как-раз это произошло в конце XVIII столетия, когда революция, подготовленная свободолюбивыми и свободными сословиями, уничтожила стену, отделяющую их от тех, которых Вольтер называл «сволочью» (la canaille), и расширила безмерно французское гражданское общество. Последствием этого через несколько лет явилась католическая реакция,

которая торжествовала с 1815 по 1830 г. и имеет влияние еще до наших дней.

Точно так же, после 1848 г., когда введено было всеобщее избирательное право в стране, в которой первоначальное образование еле существовало, явилась видимость возврата вспять французского общества, и это не только во время второй империи, которая явилась последствием этой реакции, но и во время первых 25 или 30 лет третьей республики, которые были «золотыми днями» клерикализма.

52. Мы оказались свидетелями пышного расцвета ясновидения, чудодейственных врачеваний, поклонения пестрым идолам спиритизма, демонизма и оккультизма... Можно опасаться, что такие же явления произойдут и на востоке если теперешнее либеральное движение будет иметь успех, прежде чем глубокие слои народа получат образования и будут просвещены светом знания.

53. Те, которые провозглашали полтораста или пятьдесят лет тому назад, те, которые и теперь провозглашают необходимость покончить с религиями полицейскими мерами,—эти люди, зовут ли их Вольтером, Гольбахом или Эдгаром Кине, никогда не задумывались над условием умственного прогресса, ни над силою пережитков, которые ему препятствуют. Религии, которые властвуют теперь в Европе, не только имеют еще долгую будущность, но можно быть уверенным, что от них всегда кое-что останется, потому-что вечно останутся неисследимые тайны в мироздании, потому что наука никогда не закончит своей задачи, наверно тоже потому, что люди всегда будут вносить в свою жизнь иллюзии анимизма своих предков. Но сама религия имеет стремление подойти ближе к жизни, как бы

обмирщиться, как науки, которые ей обязаны своим зарождением, и которыми она же, в свою очередь, сама теперь иногда вдохновляется. Всего за каких-нибудь три последних века алхимия стала химиею, астрология астрономиею. «Речь о всемирной истории» Боссюэта была переделана заново Вольтером, Мишле и другими. Непобедимое течение в пользу мирского, не-духовного, увлекает всю человеческую мысль. Так было уже в Греции в V веке, во времена Гиппократа и Анаксагора; так будет через много времени и после нас...

54. Между многими задачами, лежавшими в виде обязанности на науке, одна из самых важных—составить историю религий, установить их происхождение и объяснить их переменчивые судьбы. Это весьма плодотворная научная работа, которая, можно сказать, начата лишь вчера. Настоящие основатели науки о религии, Маннгардт, Робертсон Смит, Макс Мюллер, умерли не более нескольких лет тому назад; преподавание истории религий в разных университетах находится еще в зачаточном виде. Но нужда в такой истории начинает ощущаться всюду, общество относится к ней с величайшим интересом, и, можно думать, что XX век не преминет поощрить изыскания, которые имеют целью не только возвысить и воспитать, но и освободить человеческий ум от вековых оков.

БИБЛИОГРАФИЯ [1]

Лучшее руководство по истории религии—это сочинение Шантепи де-ла Соссей (Chantepie de la Saussaye; 3-ье немецк. издание 1907 г.; франц. перевод 1904 г.; * русский перевод: «История религий», 2 т. Спб.) не касающееся, однако, христианства. По истории христианства можно рекомендовать Функа, Историю Церкви (Funck, «Kirchengeschichte», 5-е немецк. изд. 1907 г., франц. перевод 1895) *есть русский переводъ), сочинение точное и ясное, но весьма пристрастное по отношению к католической церкви. Гастингс (Hastings) начал издавать Энциклопедию религий (по-английски, I том, 1908 г.).

Трудно быть в курсе вопросов, не читая специальных сборников: во Франции—«Revue de l'Histoire des Religions» (l'Anné sociologique, 1898—1907, не появляется более периодично); в Германии—«Archiv für Religionswissenschaft»; в Англии—«Hibbert Journal, Folklor. Man» etc.

Общие сочинения.—Goblet d'Alviella, «Introd. à l'hist. gén. des réligions», 1887; M. Guyau, «l'Irréligion de l'avenir», 1887; M. Jastrow, «The study of religion», 1902; Jevons, «Introd. to the hist. of religion», 1896; Lang, «Myth, Ritual and Religion», 1899, Mac-Lennan, «Studies in ancient history», нов. изд., 1886; W. Mannhardt, «Wald und Feldculte», 3 тома, 1875—1877; «Mythol. Forschungen, 1884»; Max Müller, «Introd. to the science of religion», 1875 (французск. пер.); F. Ratzel, «Völkerkunde», 2-е изд. 1894 (* русск. пер. Ратцель, «Народоведение»); S. Reinach, «Cultes, mythes et religions», 3 тома, 1904—1908; A. Réville, «Prolégom. à l'hist. des religions», 1881;

[1]) Эта библиография предназначена для читателей этой книги; она заключает в себе перечень сочинений и статей общедоступных, и в ней лишь в исключительных случаях упоминается о собраниях или переводах текстов (разве тогда, когда они снабжены введениями, доступными образованным читателям).

Нумерация соответствует нумерации параграфов в тексте, к которым относится библиография.

* В настоящем издании указаны русские переводы и русские сочинения, имеющие научное значение.

A. Sabatier, «Esquisse d'une philos. de la religion», 1897; M. Hébert, «Le Devin», 1907. H. Schurtz, «Urgeschichte der Kultur», 1900; Tylor, «Primitive culture», 2 тома, 4-e éd., 1903 (франц. пер.; * русск. перев.: Тэйлор, «Первобытная культура»). Последнее сочинение—капитальной важности.

* На русском языке: Мензис, «История религий. Очерк первобытных верований и характер великих религиозных систем», перев. с англ. 2 изд. СПБ. 1899; Ахелис, «Очерк сравнительного изучения религий», перев. с нем., СПБ. 1906; Э. Ренан, «Очерки по истории религий», перев. с франц. СПБ. 1907; Г. Грееф, «Общественный прогресс и регресс», перев. с франц. СПБ. 1896; Пфлейдерер, «О религии и религиях», перев. с нем. СПБ. 1909; Кунов, «Возникновение религии и веры в бога», перев. с нем., М. 1919. С. Трубецкой, «К библиографии истории религий» («Вопросы Философии и Психологии» 1897 г. № 1).

3. Bréal et Bailly, «Dictionn. étymol. latin», 1885, p. 157.

8. S. R., «Cultes», t. I, p. 1; t. II, p. 18; L. Marillier, «Tabou mélanésien» (в «Etudes de critique», 1896, p. 35); Frazer, «Golden Bough», 3 тома, 2-е изд. 1900 (важно; франц. перевод).

13. E. Clodd, «Animism», 1905.

17. W. Gruppe, «Griechische Culte und Mythen», т. I, 1887 (История мифологической экзегетики).

18. N. Bergier, «Dictionnaire théologique», в «l'Encyclopédie méthodique» (неоднократно издав. отдельно), статья «Révélation».

20. О жречестве: S. R., «Cultes», t. II, p. 3, 22.

24. Haddon, «Magic and fetishism», 1906.

34. M. W. de Visser, «Die nichtemenschengestaltigen Götter der Griechen», 1903 (капитально). О метаморфозах, S. R., «Cultes», t. III, p. 32, 76.

35. Frazer, «Le totémisme», 1898 (дополн. издание); Rob. Smith, «The religion of the Semites», нов. изд., 1906 (немецк. пер., 1899); A. Lang, «The secret of the totem», 1895; S. R., «Cultes», t. I, p. 9, 79 (экзогамия).

36. Бернские медведи: S. R., «Cultes», t. I, p. 55.

38. Пищевые запреты: S. R., «Cultes», t. II, p. 12. Приручение животных: Ibid., t. I, p. 85.

39. G. d'Alviella, «La théorie du sacrifice» и Rob. Smith, в «Rev. Université de Brux», 1897, стр. 499; Hubert et Mauss, «Le sacrifice», в «Année sociol»., 1899, стр. 29; S. R., «Cultes», t. I, стр. 97.

41. Суббота: S. R., «Cultes», t. I, p. 16, 429.
43. Рыба: Ibid., t. III, p. 43, 103.
48. Hubert et Mauss, «Théorie générale de la magie», в Année sociol., 1904, в 1 и след.
50. Происхождение морали: S. R., «Cultes», t. II, p. 7.
53. О положении Кине (что революция должна была бы насильно уничтожить христианство во Франции), см. Peyrat, «La Révolution», 1866.

* * *

Под заглавием: «Religionsgeschichtiches Lehrbuch», г. Бертоле (Bertholet) издал в 1908 г. сборник наиболее важных текстов, относящихся к религиям Индии, Персии и Ислама; эти тексты снабжены предисловиями и библиографическими указателями.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЕГИПТЯНЕ, ВАВИЛОНЯНЕ, СИРИЙЦЫ

СОДЕРЖАНИЕ. I. Сложность религиозных явлений в Египте.—Основные черты религиозной эволюции.—Распространение египетских культов.—Анимизм.—Верование в загробную жизнь.—Магия.—Тотемизм.—Религиозная роль фараона; жрецы и ритуал.—Миф об Озирисе.—Египетская космогония.

II. Вавилон и Ассирия.—Свод законов Хаммураби.—Вавилонские боги.—Анимизм.—Космогония: всемирный потоп.—Бог Фамуз.—Легенда об Иштар и Гильгамеше.—Ритуал, псалмы и колдовство.—Гадание.—Календарь.—Верования в загробную жизнь.—Астрология и астрономия.—Продолжительное влияние вавилонских воззрений.

III. Древности финикийской цивилизации.—Боги и богини.—Культ животных, деревьев, камней.—Ваал, Мелкарт, Эшмун.—Адонис и кабан.—Жертвоприношения.—Представления о загробной жизни и о создании мира.—Сирийские культы.—Атергатис, рыба и голубь.—Сирийские культы в Риме.—Стела Мэзы.

I.

ЕГИПТЯНЕ

1. Тексты и памятники, дающие нам понятие о религии египтян, растянулись на пространстве сорока веков. В начале этого постепенного роста, в Египте не было единой религии, обладающей сводом канонов и правил, как, напр., православие или католичество, но существовал целый ряд местных культов, которые понемногу распались, многие из которых, наверно, пропали, устраненные религиозным отбором, другие обогатились иноземными добавлениями (от ливийцев, арабов, сирийцев, греков) или получили особое значение, благодаря покровитель-

ству тех фараонов (египетских царей), которые их придерживались.

2. Так как египтяне, по натуре своей, были весьма консервативны, то они были озабочены скорее сохранением представлений разных культов, чем выбором между ними и старанием установить логическое единство между различными верованиями. Их богословы увеличили путаницу, занявшись с самых ранних времен разнообразнейшими сопоставлениями—отожествлениями, смешениями, бракосочетаниями божеств, созданием божественных групп (триад-троиц) и генеалогиями (родословиями) и введением философских идей или исторических данных в мифы, которые казались им слишком неразумными или пустыми. Признавая, согласно традиции, бесконечное множество божеств, они направили свое старание к тому, чтобы установить между ними иерархию, по подобию самого Египта, и представить их как бы излучениями одного всемогущего Бога; отсюда произошло несовершенное стремление к монотеизму (единобожию), являющемуся как бы отражением политики египтян на мир их богов.

3. Из всего этого проистекла путаница, почти неразрешимая; можно говорить не о египетской религии, а об эволюции (развитии) религий Египта. Да и тут поныне далеко не все ясно.

4. Основные черты этой эволюции следующие. Из бесчисленной массы местных божеств, порождений анимизма и тотемизма, рано выделяются три божественных лица, призванных к блестящей будущности: Гор, Ра и Озирис. Гор, часто отождествляемый с Ра, солнечным богом Гелеополиса, представляет собою сокола или ястреба; Озирис, бог Абидоса, был, повидимому, одновременно или последовательно, деревом и быком.

Около 1550 г. до Р. Хр. один из фараонов попытался дать первенство во всем Египте культу божественного барана города Фив, Аммону, называвшемуся тоже Аммон-Ра, по отожествлению его с божеством Солнца; потом появился культ солнечного диска, угрожавший поглотить все остальные культы. Тут, во времена Аменофиса IV мы встречаемся с замечательным стремлением в пользу монотеизма. Затем культ Аммона вновь одержал верх, хотя культ Ра тоже не исчез. Озирис стал и остался по преимуществу богом мертвых. В саитскую эпоху (VII—VI в. до Р. Хр.) самые древние представления вновь возрождаются: анимизм и тотемизм расцветают опять в том упадочном Египте, который нам описывают греческие историки. Наконец, в начале преобладания эллинизма, греко-азиатский бог, аналогичный Плутону и отожествляемый с Озирисом, а именно, Серапис, был введен Птолемеями в Александрию и остался главным божеством вплоть до торжества христианской религии. Во времена Антонинов существовало в Египте 42 храма, посвященных Серапису.

5. Тогда как во времена фараонов распространение египетских культов ограничивалось землями, находившимися в их власти, эти культы получили широкое распространение со времени греческого владычества и особенно под властью Римской империи. От Малой Азии вплоть до Галлии и до Великобритании находят египетские статуэтки или местные подражания изображений египетских богов; бродячие жрецы занесли всюду утешительные культы Изиды, Сераписа, Анубиса и Гарпократа (юного Горуса). Вопреки противодействию Сената, враждебности Августа и Тиверия, эти культы пользовались все усиливающеюся популярностью в Риме и в Италии.

Жрецы Изиды были целителями, прорицателями, заклинателями; вокруг них образовались братства, совершавшие вдохновенные обряды, во время которых оплакивали, под звуки флейт, смерть Озириса, шумно праздновали его воскресенье, прообраз воскресения из мертвых его поклонников. Вероятно, что в самом Париже, около III века, имелся храм Изиды. Эта религия получила страшный удар, когда, в конце IV века, христианский патриарх Феофил приказал сжечь Серапей в Александрии; но язычество исчезло в Египте только во времена Юстиниана.

6. Анимизм в Египте был столь же развит, как у самых первобытных дикарей. Все предметы видимой природы, начиная с небесных тел и Нила до скромных деревьев, принимали обличия богов; народное воображение заселило фантастическими демонами пустыни, ограничивающие с обеих сторон Нильскую долину. С этим как бы всеобщим анимизмом естественно соединялась вера в бессмертие души; но в глазах египтян тело должно было служить поддержкою душе даже и после смерти, и существенным условием блаженства души являлась необходимость оберегания останков тела. Отсюда произошли обычаи бальзамирования, мумификации, употребления саркофагов, нередко вставленных один в другой, а также тщательность, с которою сооружали гробницы, огромные царские пирамиды и ипогеи, вырытые в скалах.

7. Представление египтян относительно образа и места существования душ были изменчивы и рано перепутались: находят противоречивые выдумки, хотя и современные друг другу, к которым тогдашнее богословие так или иначе подделывалось. Душа—птица, улетающая на

небо; или она—человек, подобный покойнику, отправляющийся обрабатывать поля *Ялу*, где-то на западе, со своими слугами, которые заселяют его могилу в виде статуэток или *ответчиков*; душа должна совершить длинный путь в страну мертвых. Этот путь усеян опасностями и западнями, которых она избегает, следуя указаниям, чрезвычайно сложным, путеводителя,—*Книги мертвых*, которую помещают в могилу, и самые важные отрывки из которой переписывают на стенах склепа, на одеяниях мумии, на статуэтках. Мы обладаем многими различными редакциями этой книги, являющейся сборником заговоров и магических формул, настоящим памятником самых сумасбродных представлений и сознательного надувательства верующих. Наконец, рядом с душою человека существует так называемый двойник его,—*Ка*, род духа-покровителя, или ангела-хранителя. *Ка*—воплощается в один или несколько видимых предметов (статуэток), которые должны оставаться в могиле и представлять собою вещественную поддержку души, даже тогда, когда исчезнет сама мумия, благодаря ли действию времени, или вследствие нарушения целости могилы.

Долгое время вера в бессмертие души не осложнялась нравственными представлениями; но последние, наконец, предъявили свои права: потребовалось, чтобы душа являлась к Озирису, чтобы ее взвешивали, чтобы она заявляла перед сорока двумя судьями, что она не совершила целого ряда определенных проступков. Грешные души низвергались неизвестно куда, в какой-то ад, подробности о котором отсутствуют. Души праведников становились сами Озирисами, сливались с божественным владыкою преисподнего мира.

8. Содержанием культа мертвых является

магия,—таинственная сила изображений и изречений. Она, т.-е. магия, обеспечивает покойнику пользование действительностью, соответствующею предметам, которые кладутся в гробницу, или изображаются в ней: многочисленными слугами, роскошными пастбищами, плодородными полями, пищею, одеждою и утварью всякого рода. Сцены, изображенные на стенах больших гробниц, не являются только воспроизведением занятий покойника, но их вещественною, так сказать, поддержкою, их магическим состоянием. Диодор справедливо заметил, приблизительно во времена Августа, что египтяне считали свои дома преходящими местами пребывания, и только свои могилы вечными жилищами. Это не значит, чтобы они не любили жизни; совершенно напротив: они любили ее так страстно, что желали сохранить ее и после смерти, в такой, притом, обстановке, которая ближе всего походила бы на обстановку наиболее счастливых из живых людей.

9. Тотемизм представлен в Египте в трех видах. Прежде всего существует много священных деревьев и животных; одни из них, напр. кошка, почитаются во всем Египте, другие только в отдельных местностях. Эти деревья и животные являются богами, сперва изображавшимися под своим растительным или животным видом; затем, с успехами антропоморфизма, иногда в тех же деревьях, помещаются человекоподобные божества или же боги изображаются людьми с головами животных или носящими на себе шкуры животных. Озирис, бывший первоначально, вероятно, быком, всегда изображается в виде человека; но его сестра и супруга Изида сохранила, рога телицы, как признак своей первоначальной природы. Наконец, на ряду с священными

породами, которые характеризуют тотемические культы, египтяне поклонялись отдельным экземплярам животных, избранным по некоторым естественным, но редким отметинам: таковыми были бык Апис в Мемфисе и козел в Мендэсе. Состарившиеся священные животные торжественно, с соблюдением обрядов, закалывались. Их бальзамировали, подобно людям. Существуют огромные могильники быков Аписов, кошек, баранов, ибисов, крокодилов.

10. Как и везде, тотемизм в Египте имел своим последствием пищевые запреты, часто относившиеся только к известным частям животного, иногда налагаемые только на жрецов; так, во времена Геродота последние не могли вкушать свиного мяса. Решительно воспрещалось убивать священных животных; в царствование одного из Птолемеев римлянин, убивший случайно кошку, возбудил своим поступком почти общий бунт. Египтяне так дорожили своими кошками, что они воспрещали их вывоз и посылали периодически за границу миссии, чтобы выкупать тех из них, которые были тайно увезены; лишь со времени торжества христианства египетские кошки распространились по всей Европе. Они оказались там тем более кстати, что вторжение гуннов из Азии ввело за собою в Европу крыс, приблизительно к тому же времени.

11. Египетский фараон, приравненный по своему сану к божеству, является первосвященником и верховным колдуном: его молитвы, его волхования обеспечивают нормальный ход явлений природы; он является единственным ходатаем за мертвых перед Озирисом. Священнослужители разных храмов не составляли касты, как это раньше думали, но жреческое сословие,

при чем звание жреца было иногда наследственным и было очень уважаемо. Церемонии, жертвоприношения, молитвы носили на себе отпечаток колдовства; как египетские религии возникли из анимизма, так их обрядовая сторона возникла из магии или колдовства, которое составляет технику и стратегию анимизма. Всякого рода талисманы, нелепые средства врачевания, кудесничество, порча, всякие другие надувательства входили в круг деятельности жрецов. Но, как всегда бывает, наука родилась из религии и, как шустрая дочь, вступила в наследство еще при жизни матери: египетская наука вышла из храмов, обнаружила склонность обмирщиться и оказала благодетельное влияние на эллинскую науку, на первых ее шагах.

12. Иероглифические надписи и папирусы дают нам сведения о подробностях ритуала, и в частности, ритуала, касающегося мертвых; но мифы о богах остаются для нас большею частью неизвестными и единственный, который нам хорошо знаком, а именно миф об Озирисе, сохранился в пересказе греческого автора. Озирис—цивилизаторский герой глубокой древности; он царствует над Египтом, обеспечивает ему мир, уничтожает людоедство. Его злой брат Сэт или Тифон убивает его из зависти и разрывает его тело на четырнадцать кусков. Его сестра и (одновременно) супруга Изида отправляется в поиски за этими кусками, находит их поодиночке и воздвигает над каждою из частей тела по великолепному надгробному памятнику. Его сын Гор, возмужав, мстит за смерть отца и, посредством магических формул, воскрешает его. С этих пор Озирис становится владыкою царства мертвых. Таким образом, Озирис, как и Адонис, Актеон, Гипполит, Дионис-Загрей,

Орфей, является страдающим героем, оплакиваемым и воскрешенным героем; миф о нем связан с очень древним обычаем жертвоприношения, вероятно, с закланием священного быка, разрезавшегося на 14 частей, съедавшегося на сотрапезовании верующих, затем воскресавшего, т.-е. заменявшегося другим священным быком. Уже Греки заметили аналогию сказания об Озирисе с легендою о Дионисе-Загрее, молодом Быке, съеденном Титанами, которого Зевс воскрешает для светлой жизни. Возникшие и та и другая из жертвенных обрядов, эти легенды сходны, не позаимствовав, однако, ничего одна от другой.

13. В самых древних могилах Египта, восходящих к тридцатым и даже сороковым векам до Р. Х., т.-е. прежде чем существовал обычай бальзамирования, находят тела, растерзанные, подобно телу Озириса. Покойник, действительно, является сам Озирисом, подданным бога, с которым его отожествляют; разбросанные части его тела должны соединиться для того, чтобы воскреснуть. Только позже перестали разрезать тело на куски, чтобы предохранить его от разрушения, и стали туго пеленать его в узкие полоски ткани, может быть, вначале, из страха перед призраками; но бессмертие души могло быть обеспечено только посредством благочестивой любви потомков, их почитания, приношений и соблюдения ими ритуала; так точно воскресение Озириса было обязано магическому искусству его сына Гора. Глубокая древность мифа об Озирисе засвидетельствована, таким образом, постоянным влиянием, которое он, повидимому, имел на погребальные обычаи Египта.

14. Представления Египтян о создании мира не менее спутаны и противоречивы, чем их

представления о смерти. Одно из самых распространенных преданий объясняет происхождение всего существующего из соединения бога земли с богинею неба, являясь представлением, общим для многих народов. Плохо известное нам сказание указывает на Ра, как на творца мира и человека; разгневанный на греховность людей, он, якобы, уничтожил все человечество, чтобы восстановить затем заново небо и землю. Другое учение приписывало сотворение мира богу Тоту, почитавшемуся в Гермополисе, голос которого, «обладавший верными звуками», вызвал к существованию мир из ничтожества. Вспоминается при этом творческое Слово, «плодотворящее Слово» Божие в Библии. Солнце Ра, вышедшее из яйца, плавает на ладье по реке Океану; он является то в виде быстролетного сокола, то в виде блестящего жука-скарабея. Это скромное насекомое, воспроизводившееся постоянно искусством, было одним из самых распространенных талисманов. Таким образом противоположные представления нарастали, не сливаясь, и египетская религия, несмотря на успехи монархии фараонов, сохранила картину первоначальной своей анархичности.

II.

ВАВИЛОНЯНЕ И АССИРИЙЦЫ

1. Как в области религии, так и в области искусства, Ассирия явилась только продолжательницею Вавилона с тою разве оговоркою, что она дала первое место своему национальному божеству, богу-орлу Ашуру.

2. С весьма отдаленного времени вавилоняне имели свою космогонию, свою мифологию, свой

ритуал; но так как политическое их единство осуществилось только около 200 г. до Р. Х., то естественно, что многие местные культы помогли составлению их пантеона.

3. Мардук, бог царя Хаммураби, первого законодателя объединенной Вавилонии, был им поставлен во главе пантеона. Именно в его храме, Хаммураби посвятил богу свод законов, состоявший из 282 статей, найденный в Сузах в конце 1901 г. Хаммураби утверждает, что он получил этот свод от солнечного бога, Шамаша, играющего здесь ту же роль, как и библейский Бог на Синае. Свод Хаммураби представляет аналогии со сводом заповедей, называемых Моисеевыми, и эти аналогии не могут быть объяснимы простою случайностью. Вавилонский свод на шесть веков старше времени, которому предание приписывает появление Моисеева законодательства; если, следовательно, последнее было продиктовано Моисею Богом, то Бог, очевидно, явился плагиатором Хаммураби! Этот вывод, естественно, показался недопустимым самому универсальному из германских ученых императору Вильгельму II; в знаменитом письме, адресованном одному адмиралу, он решил, что Бог вдохновлял поочередно целый ряд выдающихся людей, как-то Хаммураби, Моисея, Карла Великого, Лютера и его собственного деда, Вильгельма I. Это мнение не преминуло возобладать в придворных кругах.

4. Некоторые из вавилонских богов образуют группы по три, называемые *триадами*, как-то: Ану, бог неба, Бэл, бог земли и Эа, богиня преисподней... Богини играют менее значительную роль чем боги, за исключением Иштар, богини войны и любви.

5. Вавилонский анимизм рано одарил жизнью

Солнце *(Шамаш)*, Луну *(Син)*, так же как и утреннюю и вечернюю звезды *(Иштар)*, землю *(Бэл)*, Огонь *(Жибиль)* и Море *(Эа)*. Но не менее верно, что вавилоняне признавали и божественных животных: льва *(Нергаль)*, быка *(Нинив)*, рыбу *(Эа* или *Оанес)*, голубя *(Иштар)*. Боги, происшедшие от земных тотемов, имеют стремление обосноваться на небе; греческая мифология достаточно доказывает нам, что оба представления неодинаковой древности могут сосуществовать без ущерба для веры.

6. Благодаря отрывкам, сохранившимся до нас, писаний вавилонского жреца Бероза (III в. до Р. Хр.), а особенно благодаря тысячам клинописных памятников, вырытых в Вавилонии и Ассирии, мы достаточно хорошо осведомлены насчет вавилонских богов. Мы имеем рассказы о сотворении мира, о потопе, о снисхождении Иштар в ад. Общий характер этих рассказов—подчеркивание подчинения человека богам; последние требуют не только благочестия, но и чистоты и справедливости. Составители еврейской Библии, знавшие, хотя бы косвенно, вавилонские предания, сделали только еще один лишний шаг в том же направлении, включив во все свои рассказы нравоучительность.

7. Первые боги вышли из хаоса, существовавшего на ряду с безбрежным морем, олицетворенным драконом *Тиаматом*. Для того, чтобы ввести порядок в мир, им пришлось вступить в борьбу с Тиаматом. Мардук повел эту борьбу и, после одержанной победы, стал главою богов; затем он ставит морю неопреодолимые пределы. Люди сотворены лишь потом, может быть, из глины, Но они плохо возблагодарили богов за благодеяния, почему последние решают уничто-

жить их посредством потопа. Эа открывает это намерение вавилонскому Ною *Утнапиштиму*, который выстраивает ковчег и затворяется в нем со своими близкими. Разражается страшная буря, которая пугает самих богов. После семи дней, когда ковчег остановился у горы, Утнапиштим выпускает сперва голубя, а потом ласточку; они возвращаются, не найдя места, где им можно было бы опуститься. Выпущенный через некоторое время после этого ворон не возвращается. Тогда Утнапиштим выходит из ковчега и приносит жертву, которая привлекает богов, «как мух». Эта версия, более древняя, чем библейская, носит отпечаток более первобытных особенностей: таков, например, спор между богами; Бэл, напустивший потоп, упрекает богиню Эа за то, что она спасла семью Утнапиштима. В монотеистической Библии Бог обращает к самому себе противоположный упрек: он обещает не повторять более потопа; неуместное сознание своей чрезмерной строгости, впрочем, совершенно ненужной, как доказали последствия, для нравственного возрождения человечества.

8. Бог Фамуз, Адонис сирийцев, был супругом Иштар. Он умирает весною и спускается в ад. Иштар идет туда же, чтобы отыскать его и найти «живую» воду, которая дала бы возможность возвратить его к жизни. У каждой двери, чрез которую ей приходится проходить, сторожа требуют от нее по куску ее одежды; наконец, она приходит в царство мертвых нагою. Земля, лишенная богини Иштар, становится бесплодною; все сохнет и умирает. Боги совещаются и решают удовлетворить богиню. Несмотря на гнев бога мертвых, Аллату, они отряжают посла, который овладевает живою водою.

Фамуз воскресает и возвращается на землю вместе с Иштар.

Читая это сказание, которое напоминает миф Димитры и Прозерпины, естественно думаешь о растительности, сожженной солнцем Вавилонии, которая возрождается с первыми дождями. Но аналогия с историей Изиды и Озириса не менее поразительна и заставляет думать, что дело и тут касается жертвенного мифа. Мы встретимся с ним вновь, говоря о финикиянах.

9. Гильгамеш, покровительствуемый Шамашем—герой, который спасает Урук, город богини Иштар, осажденный еламитами. При нем состоит товарищ, волосатое существо, носящее имя Эабани, победитель льва—вероятно, сам первоначально лев. После того, как город освобожден, Гильгамеш провозглашается царем, и Иштар предлагает ему свою дружбу; но Гильгамеш отвергает ее, зная, что Иштар убивает своих друзей. Тогда она жалуется своему отцу, богу Ану, который науськивает на Гильгамеша священного быка; Гильгамеш и Эабани убивают его. Но проклятие отринутой Иштар тяготеет над ними: Эабани умирает; Гильгамеш поражается проказою и отправляется на остров Блаженных посоветоваться со своим праотцом Утнапиштимом. На своем пути ему приходится побеждать львов и скорпионов; наконец, он достигает моря, где морское божество указывает ему путь; в конце пути находится перевозчик, который доставляет его на остров. Гильгамеш сходит на берег, и Утнапиштим рассказывает ему историю потопа; потом он его избавляет от проказы посредством магического лекарства. Герой очищается тогда в источнике очищения и старается добыть растение жизни, но лев отнимает от него растение.

Удрученный горем, что ему не удалось найти Эабани, он возвращается в Урук. Однако, он добивается того, что его друг является к нему во время сна и разговаривает с ним. Конец рассказа доселе не найден.

10. У нас имеются некоторые другие отрывки рассказов, повествующих о богах и героях, в которых говорящие животные—орлы, змеи, лисицы—играют важную роль, как в наших сказках. Полуисторический, полулегендарный миф повествует о рождении Саргона I, сына неизвестного отца; мать выставляет его в камышевой корзине на Евфрате; его спасает крестьянин и в него влюбляется Иштар; благодаря богине, он достигает царского венца. Общие черты рассказа совпадают с легендами о Моисее и о Ромуле.

11. Вавилония и Ассирия имели много богов. Один ассирийский царь насчитывал более 7000 богов и гениев. Их изображали в виде людей, притом богов гораздо чаще, чем богинь; царь—первый из их поклонников. Обряд был сложный до крайности и включал длинные формулы, которые требовалось произносить без ошибки; жертвоприношения являлись пищею богов. В Вавилонии были могущественные жрецы, владевшие тайнами магии и составлявшие при храмах, обогащенных богомольцами, наследственное духовенство; молодые священнослужители воспитывались в школах, приписанных к храмам, где были также библиотеки и архивы. Ассирия, будучи военным государством, свела жрецов почти на нет или, вернее, сделала из царя главу духовенства, так что он стал одновременно и духовным, и светским владыкою.

12. До нас дошло содержание многочисленных духовных песен, собраний заклинаний и

магических формул. Многие представляют собою *покаянные псалмы:* больной или скорбящий обращается к великому богу, которого не называет по имени, через посредство другого бога, которого он называет, кается в грехах и призывает милосердие. Эти песнопения имеют, несомненно, нравственное значение; они указывают, что боги гневаются не только тогда, когда человек не оказывает им должного почтения, но и тогда, когда он дурно поступал со своими ближними.

13. Заклинания и заклятия, имеющие целью исцелять больных, т.-е. обращать в бегство демонов, соединяются с употреблением лекарственных трав, с окуриванием, омыванием, и здесь можно приветствовать среди отчаянного вздора робкий рассвет науки.

14. Вавилонское волхование вызвало также первые анатомические познания. Предметом исследования служила баранья печень, потому что думали, что жизнь сосредоточивается в печени, а не в мозгу или в сердце. Печень не принадлежала первому попавшемуся барану, а такому, который был освящен разными обрядами; эта печень, ставшая божественною, представляла собою как-бы уменьшение самого мироздания, микрокосм. Те же понятия заставили вавилонян стремиться к раскрытию тайн будущего, вопрошая звездное небо; мы увидим, что их ложная наука стала матерью астрономии.

15. Вавилоняне различали в своем календаре счастливые и несчастливые дни, т.-е. те дни, в которые можно было работать и в которые нет. Между последними были первые дни из каждой семерки дней, числом 4 на лунный месяц: это *шаббатум* вавилонян, аналогичное библейской субботе, которая сохранила некоторые свойства

дня *табу*, непригодного для какого-либо предприятия, рядом с характером, более поздним, дня отдохновения.

16. Царство смерти находится где-то на севере, в месте, откуда ни для кого нет возврата: это огромная тюрьма, окруженная стенами, вечно темная, где раздаются стоны. Аллату, владыка этого царства, принимает покойников совершенно голыми. Чтобы вернуть их к жизни, необходимо добраться до живой воды или до травы жизни, спрятанных в преисподней. Только немногие счастливцы, в роде Утнапиштима и его жены смогли преодолеть воды Смерти и пристать к острову Блаженных.

17. Повидимому, обычным обрядом было погребение; над могилами совершали возлияния и считали отсутствие похорон великим несчастием. Однако, все, относящееся к культу умерших, плохо нам известно; в противуположность Египту, Вавилония и Ассирия оставили нам больше храмов, чем гробниц.

18. В Вавилонии, где небо очень чисто, наблюдение над светилами восходит к глубокой древности; люди уверили себя, что небесное общество звезд находится в гармонии с человеческим обществом и что можно добиться открытия тайн второго у первого. Отсюда произошла ложная наука астрологии, которая, введенная в Египт, в Грецию и Рим, сохранила за собою название халдейской науки. Часто преследуемые, Халдеи или астрологи постоянно возвращались и одурачивали иногда весьма высокопоставленных лиц. Начиная приблизительно с VII в. до Р. Хр., астрология приобрела некоторые точные сведения о движении и о скрывании небесных светил; эти элементы серьезной науки ринесли плоды у Греков с III столетия. Аристарх

Самосский и Селевк Вавилонский могут считаться настоящими предшественниками Коперника: они признали, что солнце является центром планетарной системы, и что земля—планета, вращающаяся вокруг солнца.

19. Вавилоняне насчитывали семь божественных планет и дали их имена дням недели. Так как греки и римляне последовали их примеру, то оказалось, что вавилонская астрономия жива еще доселе в названиях дней; по-французки lundi (понедельник) есть день Луны (lunae dies), mardi (вторник)—день Марса, jeudi (четверг)—день Юпитера (Iovis dies). Более того, астрологи допускали, что характер богов-планет отражается на людях, родившихся в тот или другой день недели; поэтому и говорят еще во Франции о лунатическом характере, о марциальном, о жовиальном, занимаясь, таким образом, астрологиею совершенно безсознательно. Наконец, наши карты неба помещают названия животных и разных предметов—льва, тельца, рыб, весов, под которыми вавилоняне сгруппировали созвездия «окаменелые остатки», говорит Франц Кюмон, «роскошной мифологической растительности».

20. Это перенесение божественных сил на небо имело два последствия. Сперва установили там место пребывания обожествленных героев, ставших звездами, а затем и душ умерших; христиаское представление о небе произошло именно отсюда, так как в Евангелиях все покойники предполагаются еще обитающими под землею, как и в старом библейском учении (см. Ев. от Луки 16, ст. 22). Во-вторых, солнце, вождь хора планет, стало проявлением Верховного Бога и из этого возник, около III века по Р. Хр., род единобожия, которое почтил своим признанием император Аврелиан, выстроивший в Риме велико-

лепный храм *Непобедимому Солнцу* (Sol invictus); эту же религию исповедывал император Юлиан Отступник.

21. Через посредство Библии, с одной стороны, и греческой науки, с другой, мы являемся наследниками вавилонской религии; она окончательно не умерла, и самые ее упрямые иллюзии принесли плоды истины.

III.

ФИНИКИЙЦЫ И СИРИЙЦЫ.

1. Финикийцы были обитателями Ханаанского прибрежья на север от Палестины. Они говорили на языке, почти тождественном с еврейским. Их гавани Тир, Сидон, Библос процветали уже в 1500 г. до Р. Хр., по свидетельству клинописных плиток, открытых в Среднем Египте, в Тэль-эль-Амарне. Задолго до этой отдаленной эпохи прибрежная область Сирии подверглась влияниям Вавилонии и Египта. С 1450 г. до Р. Хр. (приблизительно) Финикия находилась в вассальных отношениях к фараонам; она стала вновь независимою около 1000 г. до Р. Хр. Тогда-то установилось преобладание финикийского флота на всем Средиземном море; основание, около 800 г., Карфагена является одним из эпизодов этого преобладания.

2. Финикия изобиловала мелкими божествами, называвшимися: *эл*, *баал* (множеств. *баалим*), *мелек* (=царь), *адон* (=господь) и т. д. Боги соседей финикийцев, т.-е. ананеев, филистимлян и т. д., назывались теми-же семитическими именами, иногда слегка измененными. Из *Мелека* сделали *Молоха* Библии, оставшимся доныне обиходным; он никогда в действительности не почи-

тался под этим именем. Богини назывались: *баалат*, *милкат*, *илат*, *ашторет* (=вавилонская *Иштар*, *Астарта* греков). Эти божества проявляются в возвышенных местах, на скалах, деревьях под видом обтесанных столбов (*ашера*), животных, камней. *Бейт-эль*, т.-е. «дом бога» обратилось на греческом языке в *бетил*, слово, означающее торчком поставленные камни, подобные европейским *менгирам*; им придавали обыкновенно коническую форму, как мы видим это на монетах Библоса.

3. Отдельный *баал* и отдельная *баалат* составляют пару супругов, владычествующую одновременно и на небе и на земле, оплодотворяющую землю небесною водою. От соединения мужского и женского элементов зависит вообще оплодотворение и сама жизнь.

4. В эпоху, когда тексты начинают доставлять нам нужные объяснения, культ животных и деревьев является уже только пережитком. Однако, мы можем еще составить себе понятие о его значении по той роли, которую играют священные животные, являющиеся атрибутами богов—каковы бык, лев, кабан, орел, голубь. Некий *баал*-муха города Экрона в Филистиде, а именно Баал-зебуб проник, через Библию, в современные языки: это знаменитый дьявол Вельзевул (=*Баал-зебуб*, или, в обычной русской транскрипции—*Баал-зевув*). *Баалимы*, существовавшие в виде зверей, стали затем солярными (солнечными) богами, богини были отожествляемы с утреннею звездою и с луною.

5. Афродита-*Урания* (=небесная) греков не иная кто, как небесная богиня, или финикийская *Астарта*, особенно почитавшаяся в Карфагене, где Римляне называли ее *Небесною Девою* (Virgo Coelestis). Лунная *Танит* Карфагена,

настоящее имя которой было, может быть, *Танит*, отожествлялась с греческою Артемидою и Дианою римлян. *Баалимы* (Ваалы) в глазах греков и римлян, считались местными формами Зевса или Юпитера, реже—Посидона либо Геракла.

6. Так как Финикия никогда не достигла политического единства, то и не было одного великого бога Баала. Богом Сидона был *Баал-Сидон*, бог Ливана назывался *Баал-Либанон* и т. д. Настоящие имена богов очень редки: *Мелкарт*, Тирский Ваал, отожествляемый греками с Гераклом, есть просто *Мелек-карт*, т.-е. «Владыка города»; что касается *Эшмуна*, отожествляемого с греческим Асклепием, то не удалось еще объяснить его имени. Когда финикиец говорил о Баале, он подразумевал своего местного бога; это явствует из многочисленных так называемых феофорных (=богоносных) имен, в которых включено упоминание божественного покровителя, как например: *Ганнибал*—«благоволение Баала», *Адонибал*—«Баал есть Господь» (собственно: Господь-Бог). Греки напрасно думали, что Баал—родовое название, и присвоили себе бога *Белоса*, отожествлявшегося с Зевсом. Бог *Бел* Вавилона просто Баал, ставший великим богом; напротив, чтобы там ни говорили, кельтский бог *Беленус* (=Аполлон) не имеет ничего общего с Баалом.

7. *Адонис* (=Господин, Господь) является богом Библоса. Легенда изобразила его юным охотником, в которого влюблена Афродита (=Астарта); его убивает во время охоты кабан, и любовница его оплакивает. Каждый год в день его смерти, река Библос окрашивается в красный цвет, и женщины оплакивают героя; выставляют его тело на ложе из цветов, которые быстро увядают, так как

праздник совпадает с разгаром лета; эти цветочные гряды называются «садами Адониса». Этот культ, также известный и в Вавилонии, перешел из Финикии на остров Кипр и оттуда в Грецию и Рим. Тогда как свинья признавалась животным священным или же нечистым (что первоначально сводилось к одному и тому же), кабанов приносили в жертву Афродите Кипрской, в память Адониса. Это делалось, как утверждали, чтобы отомстить за богиню, но настоящее объяснение обычая—совершенно иное: Владыка Адонис был, первоначально, сам священным кабаном, предметом поклонения женской общины, при чем члены ее сами называют и считают себя дикими свиньями; раз в году кабана убивают, разрывают на части и поедают за общей трапезой; после этого, женщины оплакивают Адониса, а затем через несколько дней празднуют его воскресение, т.-е. поимку или покупку нового священного кабана, который становится их богом-покровителем до следующего лета. Настоящее или священное имя Адониса есть Фамуз, супруг вавилонской Иштар; имя это удивительно напоминает турецкое название кабана *(домуз)*. Это божественное имя произносилось только во время плача по умершем Адонисе. В царствование Тиверия греческие пассажиры одного египетского судна, кормчий которого случайно носил имя Фамуза, услыхали ночью у берегов Эпира крик: «*Фамуз, Фамуз, Фамуз, панмегас тефнеке*», т.-е. «Фамуз, всевеликий умер!» Кормчий подумал, что зовут его и что этим способом таинственно возвестили смерть Великого Пана *(Пан мегас)*. По поводу этого случая представили доклад Тиверию, который велел произвести расследование относительно смерти бога. До наших еще дней думали, что эти крики сирийцев, оплакивавших

смерть Адониса, возвестили людям предстоящий язычеству конец в минуту смерти Иисуса; я дал вышеизложенное объяснение этому случаю в 1906 г.

8. Финикийские боги, будучи по убеждению их поклонников, хозяевами всего, требуют себе начатков всего: жертва части вместо всего снимает заклятие с урожая, с добычи и т. д. Сохранили ли финикийцы вплоть до исторических времен отвратительный обычай, который им приписывали и евреи, и греки, заклания своих перворожденных детей в жертву богам? Мы колеблемся верить этому; может-быть, дело шло главным образзом об образных церемониях, о ритуальных представлениях, как например обряд *пропускания детей через огонь*. Когда Диодор (XX, 14) рассказывает, что карфагеняне в 310 году положили на руки медного идола 200 благородных детей, которые затем были сброшены в горящий костер, то кто нам поручится, что он следовал повествованию заслуживавшего доверия автора, или что этот автор хорошо понял то, что ему рассказывали? Девять раз из десяти, и даже можно сказать чуть-ли не всегда, о жестоких обычаях народа или религиозной секты свидетельствуют их враги. Часто утверждают, что обрезание, одинаково применяемое финикийцами, евреями, арабами и многими другими народами (даже в Океании), доказывает первоначальное существование у этих народов принесения в жертву детей, откупавшихся от богов таким пожертвованием части их тела; но эта жертва частицы, может-быть была подобием, заменою полного жертвоприношения, *которое никогда в действительности не практиковалось*. Крещение несомненно является подобием утопления, после которого рождаются к новой жизни; но разве когда-либо держали

кого-нибудь при крещении под водою до тех пор, пока не последует смерть?

9. Мертвые живут под землею, среди теней; нам не известно ничего определенного о представлениях финикийцев относительно будущей жизни. Их космогония тоже весьма темна. Они, может быть, допускали существование первичного существа, соединявшего оба пола, в роде «Бородатой Венеры», о существовании изображения которой на Кипре говорит один римский писатель; с этим можно сблизить текст Библии, согласно которой Бог сотворил женщину, вынув *ребро* (или *бок)* у первого человека. Рассказы финикийцев о создании мира, передаваемые нам греками, напоминают вавилонские. Хаос, оплодотворенный дыханием божиим, родит две сущности—мужского и женского пола, от которых произошло яйцо; последнее, разбившись, произвело небо и землю. Подробности противоречивы и сомнительны.

10. Финикийские храмы были невелики и были построены в египетском стиле. Кроме храмов существовало много святилищ под открытым небом с алтарем, священными камнями, столбами. Финикия знала жрецов и жриц; некоторые категории священнослужительства были наследственны в царских родах.

*
* *

11. То, что я рассказал о Финикии, делает излишним подробно останавливаться на Арамейской Сирии, ее соседке в сторону материка. Не очень важно знать, что там был бог *Хадад* (бык) и богиня *Гад*, которая греками отожествлялась с богиней счастья, или что в Пальмире поклонялись божествам, носившим имена: *Малакбел*, *Ярибол* и *Аглибол*. Сирийская богиня города Гие-

раполиса, именовавшаяся *Атергатис* или *Деркето*, более достойна внимания вследствие подробного описания, которое грек Лукиан, живший во II веке, оставил нам о ее культе. В находившемся вблизи храма пруде содержали священных рыб, есть которых, с соблюдением известных обрядов, могли только жрецы; статуя богини была увенчана голубем, священною птицею Сирии (наравне с кабаном и рыбою). Таким образом, *Атергатис* была одновременно и рыбою, и голубем. Священнослужение совершалось мужчинами, переодетыми женщинами, что должно было знаменовать стремление отожествить себя с богинею. Это отожествление, как я уже указывал, было одною из главных целей в первобытных культах; если легенды очеловечивают богов, то обряды имеют стремление обожествлять людей.

12. Культ сирийской богини проник в Грецию и в Италию, где его распространили бродячие и и нищенствующие жрецы, солдаты, торговцы и ремесленники, которые основали братства вплоть до Галии. Рядом с сирийскою богинею, и другие боги этой страны нашли поклонников заграницею, особен *Баалимы* или Юпитеры Гелиополиса и Долихеи (в Коммагене). Сирийские императрицы покровительствовали этим культам в Риме, в III веке по Р. Хр., а император Елагабал, жрец Черного камня Эмезы, установил поклонение этому фетишу даже в палатах Кесарей.

13. В городе Аскалоне, в Филистиде, Атергатис воздавали почитание под видом женщины с рыбьим хвостом; ее супруг изображался таким же образом. Эти боги-рыбы напоминают вавилонского Оаннеса и рассказ об Ионе. Газа, в той же Филистиде, обладала храмом бога *Марна* (=«Господь наш»), у которого вымаливали дождь

и которого отожествляли, согласно традиции, с Зевсом, рожденным на Крите; это одно из доказательств, обычно приводимых для подтверждения происхождения филистимлян с острова Крита.

14. В знаменитой надписи моавитского царя Мэзы, открытой в 1868 г. близ Дибана и хранимой в Луврском музее, этот монарх, упоминаемый в Библии (около 860 года), хвастается, что он победил израильтян с помощью своего бога Кемоша, о котором он говорит точно так, как и сами евреи о своем боге Ягве: это—единый Бог, от которого зависит его счастье и несчастье. Из этого мы видим, что воинственное божество грабительского народца может открыть дорогу *монотеизму* (т. е. признанию единого Бога), низшею формою какового является *монолатрия*, или поклонение единому Богу. Товарищ или супруга этого Кемоша упоминается в том же тексте: она именуется *Аштар*, вариант имени Астарты.

БИБЛИОГРАФИЯ.

1.—Budge, *Gods of the Egyptians*, 2 vol., 1902; Erman, *Die ägyptische Religion*, 1905; Maspero, *Hist. anc. des peuples del'Orient*, 3 vol, 1895—1899; (* русск. пер.: Масперо, *История Востока*); *Etudes de mythol. et d'archéol. égyptienne*, 3 vol., 1893—1898; E. Naville, *La religion des Egyptiens*, 1906; Fl. Petrie, *Religion of ancient Egypt*, 1906; G. Foucart, *Religion dans l'Egypte ancienne* (in *Rev. des Idées*, 15 nov. 1908); * Б. Тураев, *История древняго Востока*, 2 т. СПБ. 1911—12, 2 изд. 1913—14.

4.—Серапис: S. R., *Cultes*, t. II. p. 338.

5.—Lafaye, *Culte des divinités d'Alexandrie*, 1884; Roscher, *Lexicon der Mythol.*, статьи *Isis*, *Osiris*, и т. д.

7.—Budge, *The book of Dead*, 1895 (cf. Maspero, Etudes, t. I, p. 325).

9.—Loret, *L'Egypte au temps du totémisme* (in *Conf. Guimet*, 1906, p. 151).

10.—О кошках: S. R., *Cultes*, t. 1, p. 95.

11.—Moret, *Caractère religieux de la royauté pharaonique*, 1902; *Le rituel du culte divin journalier*, 1902.

12.—Frazer, *Adonis, Attis, Osiris*, 2-e éd., 1907.

13.—A.-J. Reinach, *L'Egypte préhistorique*, 1908.

II.—Все вопросы, относящиеся до вавилонской религии, трактуются в больших библейских и богословских словарях Шейна, Гастингса, Гаука, Вигуру, Лопухина (Глубоковского), а также в *Lexikon der Mythologie* Рошера (Roscher).—M. Jastrow, *Die Religion Babyloniens und Assyriens*, 1902 и след.; Pincher, *The religions of Babyl. and Assyria*, 1906; * Корелин, *Ассирийский народ и его боги-покровители*, 1896; Вс. Миллер, *Очерки по истории древняго Востока*, 1906; Рагозина, *История Халдеи*, 1902.

3.—Jeremias, ст. *Marduk, Nebo*, etc., в *Lexikon* Roscher'а—S.-A. Cook, *The laws of Moses and the Code of Hammurabi*, 1903; ст. *Hammurabi*, в словаре Hastings, t. V; Dareste, *Le Code d'Hammourabi*, в *Journal des Sav.*, 1902, p. 517, 586; Dhorme, *Hammourabi et Amraphel*, in *Rev. bibl.*, 1908, p. 205; cf. H. de Genouillac, *Hammourabi*, in *Revue des Idées*, 1908, p. 351.—О споре по поводу *Bibel und Babel*, см. *Rev. archéol.*, 1903, II, p. 340; * на русск. языке статьи об этом споре и о Хаммураби в «*Научном Слове*» 1903 г., также ст. Р. Виппера, *С Востока свет* (*Соврем. Мир* 1906 г. и отд. СПБ. 1907); русск. перевод кодекса Хаммураби, принадлежащий Волкову, в *Журнале Министерства Народн. Просвещения* 1910 г. № 2 и сл.

6.—P. Dhorme, *Shoix de textes religieux assyro-babyloniens*, 1907.—О мифах: Delitzsch, *Das babyl. Weltschopfungsepos*, 1896; Gunkel, *Schöpfung und Chaos*, 1895; Jeremias, *Izdubar*, 1891; *Höllenfahrt der Istar*, 1886; Loisy, *Les mythes babyl. et la Genèse*, 1901. * Бецольд, *Ассирия и Вавилония* (*Билиотека Самообразования*, 1903 г.) Общее: Lagrange, *Etudes sur les relig. sémitiques*, 2-e éd., p. 342 и след.

8.—Frazer, *Adonis, Attis, Osiris*, 1907.

11.—Fossey, *Magie assyrienne*, 1902; King, *Babylonian magic and sorcery*, 1895; W. Schrank, *Babyl. Sühnriten*, 1908.

13.—Заклинания: *Rev. arch.*, 1906, II, p. 446; 1908, II, p. 139. * Вс. Миллер, *Ассирийские заклинания и русские народные заговоры* (*Русск. Мысль* 1896 г. № 7).

14.—Суббота: S. R., *Cultes*, t. II, p. 443.

17.—Астрология: см. статью *Astrology* у Hastings, *Encycl. of Religion*, t. II; Cumont, *Relig. orientales dans l'Empire romain*, 1907.

III, 1.—См. статьи: *Phoenicia*, *Syria*, у Cheyne, Hastings, Hauck, а также статьи, касающиеся отдельных божеств (особенно у Hauck).—Lagrange, *Etudes sur les religions sémitiques*, 2-e ed., 1905 (финикийские мифы, p. 396 sq); P. Vincent, *Chanaan*, 1907; Dhorme, *Les pays bibliques au temps d'El-Amarna*, in *Rev. bibl.*, 1908, p. 500.

2.—Статьи *Astarté*, *Baal*, *Moloch*, etc., у Hauck.—F. Lenormant, статья *Baetylia*, в *Dict. des antiq.* Saglio.

5.—О богине TNT (Латинская надпись из Карфагена, *Taintida Bull. archéol. du Comité*, 1886, p. 13.

7.—Великий Пан: S. R., *Cultes*, t. III, p. 1.

9.—Представления финикийцев о загробной жизни: J. Halévy, *Revue sémitique*, 1894, p. 31 sq.

11.—A. Dussaud, *Notes de mythol. syrienne*, 1903; статья *Atergatis Encyclop.* Hauck'a.

12.—Cumont, *Les religions orientales*, 1907.

14.—Статья *Mesa*, в *Encycl.* Cheyne и в *Jewish Encyclopedia* (с факсимиле, текстом и переводом надписи).

ГЛАВА ВТОРАЯ

АРИЙЦЫ, ИНДУСЫ, ПЕРСЫ

СОДЕРЖАНИЕ. I. Арийцы и арийские языки.—Распространение физического типа европейца.—Индусские и персидские боги.—История Индии.—Анимизм и тотемизм.—Переселение душ и аскетизм.—Культ мертвых.—Космогония: потоп.—Веды.—Ведическое жертвоприношение.—Ведические боги.—Обрядность.— Брахманы.—Упанишады.—Законодательство Ману.—Философские системы.—Джайнизм и буддизм.—Жизнь Будды.—Буддийские книги.— Нирвана.— буддизм и Христаинство.—Царь Асока.—Завоевания буддизма в Азии.—Ламаизм.—Индуизм: Шива и Вишну.—Реформаторы в Индии: Сикхи.—Будущность религий Индии.

II. Индо-иранское единство.—Персы и мидяне.—Зендавеста.—Зороастр.—Маги.—Анимизм; культ животных и растений.—Конфликт между добрым и злым началами.—Забота о ритуальной чистоте.—Вера в загробную жизнь: взвешивание душ.—Культ огня.—Характер маздеизма.—Мифра и распространение мифраизма в Римской Империи.—Аналогии с христианством.—Манихеизм.—Мандейцы.

I.

АРИЙЦЫ И ИНДУСЫ.

1. *Ария*, слово означающее «благородный», есть название, присваивавшееся себе иранцами и индусами, ради отличия от покоренных ими туземных народностей. Языки ранцев и индусов, т.-е древне-персидский и санскритский, родственны языкам славян, германцев, греков, итальянцев, кельтов, литовцев, как, с своей стороны, итальянский язык, испанский, французский родственны между собою. Вследствие того, что родство этих последних говоров объясняется их общим происхождением от латин-

ского языка, вывели заключение, что родство тех больших групп языков должно быть объяснено существованием когда-то исчезнувшего языка, называемого индо-европейским или (неправильно) арийским. Это заключение вполне законно; однако, предположение о существовании *арийской расы* тем менее обосновано, что не существует собственно *латинской* или *романской расы*, но только политический агрегат или скопление народов, говоривших по латыни и распространивших латинский язык.

2. В былое время искали в Средней Азии родину индо-европейских языков; теперь для нас несомненно, что ее следует отыскивать где-либо на севере или на юге от Балтийского моря. В северной Европе люди, говорящие на индо-европейских языках, еще, в большей своей части высокого роста и белокурые; между тем, этот тип существует, хотя бы в воинственной аристократии, там, где в древности говорили на индо-европейских языках. Индийский арий в самых древних текстах хвастается тем, что он белокурый (русый) и имеет красивые черты; туземцы, которых он называет *Дасиусами* (врагами), имели более темную кожу и плоские черты лица [1]). Можно следовательно, говорить, по отношению к Индии, как и Персии, о вторжении северно-европейского типа, который внедрился там одновременно с индо-европейскими языками и который смешался, мало-по малу, с существовавшими там ранее туземными элементами, не будучи окончательно поглощен последними.

3. Название неба и, распространительно, также небесного бога—Диаус питар (санскрит), Зевс-патер (греческий яз.), Юпитер (латынь)

---

1) Max Müller, Essais sur la Mythologie, p. 374.

встречается в нескольких индо-европейских языках; но только иранцы и индусы, объединенные еще между собою около 1400 г. до Р. Хр. (см. дальше: Персы § 1), обладают общими именами для богов: Индра, Митра, Асуры, Девы, также как и названием священного растения: *сома* (санскр.), *хаома* (иранск.). Таким образом, следует признать, что у индусов и иранцев существовала общая им основа мифологии; но у нас не достает достаточно данных, чтобы говорить об общих индо-европейских мифологии и религии.

4. Наши сведения о религиях Индии основаны на большом числе книг, изложенных стихами и прозою, написанных на языках: санскритском, пали, пракрите, тибетском, китайском и т. д. Хронология этих текстов сомнительна и далеко не самые древние из них раскрывают перед нами наиболее древние представления; это замечание особенно относится к собственно ведическим и брахманическим книгам, являющимся произведениями жрецов, заимствовавших, подобно пророкам Израиля, только то из народных представлений, что подходило к их учению или к их целям. Можно даже сказать, что духовная литература Индии обнаруживает прогрессивное проявление наиболее древних народных идей в философских и религиозных системах. Эти идеи особенно раскрываются перед нами в индусской литературе позднего времени и в отчетах путешественников нашего времени, изучавших суеверия и обычаи индусов.

5. Самыми важными религиозными текстами являются гимны, называемые *Ведами*, с комментариями к ним, именуемыми *Брахманами*, так называемые *законы Ману*, богословские руководства, *Сутра* и *Упанишад*, буддийские книги, большие эпопеи и *Пураны*, или собрания сказа-

ний. Я воздержусь злоупотреблять индусскими словами и буду приводить подлинные тексты лишь в пределах строгой необходимости.

6. Единственные более или менее достоверные даты истории Индии даются нам иноземными народами, приходившими в соприкосновение с этою страною. Индусы не имеют почти никакой исторической литературы. Они любят жить в мечтах. Их искусство, как и их поэзия и философия, вращаются в области роскошнейшей фантазии, напоминающей растительность их тропической родины. Мысль как-бы задушена окружающим миром и не отличается от него; отсюда проистекает пантеистическое стремление всех их систем (*пантеизм—учение, отожествляющее Бога с миром, при чем мир является лишь внешнею стороною, обнаружением Бога). Народы обитавшие в Индии, весьма различного происхождения, но все они быстро приобрели одни и те-же качества, повидимому, вследствие влияния климата и среды.

7. Вот [illegible]а[illegible]ы, которые полезно запомнить:

— 1500— 1000. Арийцы в Пенджабе.
— 520— 440. Будда.
— 327— 325. Александр Великий в Индии.
— 300. Мегасфен при дворе Палибофры (Патна).
— 264— 227. Асока, Константин буддизма.
— 120. Вторжение скифских и татарских орд в Бактрию.
+ 40 (приблизительно). Канишка, скифский царь, становится буддистом.
+ 65. Буддизм в Китае.
+ 535. Гунны в северной Индии.
+ 629— 645. Путешествие китайского паломника Хиуен-Тсанг в Индию.

+ 711.	Начало арабского завоевания.
+1398.	Набег Тамерлана.
+1527.	Бабер основывает монгольское царство, которое существует до 1857 г.
+1672.	Французы в Пондишери.
+1757.	Начало завоевания Индии англичанами.
+1857.	Восстание сипаев.
+1858.	Индия присоединена к владениям английской короны.
+1877.	Королева Виктория провозглашена императрицею Индии.

8. Все, можно сказать, известные человечеству суеверия царили и царят еще в Индии. Анимизм проявляется в культе предков, небесных светил, гор, рек—особенно Ганга—деревьев, растений, раковин, камней, разных орудий и т. п. Тотемизм оставил следы не только в виде некоторых пищевых запретов (напр., коровье мясо), но и в виде чрезвычайно распространенного культа массы богов под видом животных, в мифах, повествующих о создании мира и о потопе. Еще теперь некоторые племена неарийского языка делятся на роды, которым присвоены имена животных, и в среде которых браки воспрещены; было время, когда в касте брахманов существовали классы, в среде которых браки не дозволялись, что указывает, вероятно, на пережиток тотемизма. Магия, являющаяся основою обрядности, не переставала процветать в Индии до наших дней. Это все признаки, общие всем первобытным цивилизациям. Но существует в Индии два народных представления, связанных между собою логически, развитие которых нигде не достигло такой степени, как в этой стране, а именно пред-

ставления о *переселении душ* и об *освобождающем от земных пут аскетизме (подвижничестве)*.

9. Идея *переселения душ* соответствует *метемпсихозу* греческих пифагорийцев. Как и тотемизм, она является продуктом преувеличенного общественного инстинкта; индус чувствует себя как бы родственным всему, его окружающему, и думает, что его душа до той минуты, когда она внесла собою жизнь в его тело, могла жить в существах самого разнообразного рода. Это постоянное переселение душ *(самсара)* является тем, что греческие орфики называли «кругом рождения» *(киклос тес генесеос)*. Очень чувствительный к жизненным бедам, с надломленною сырым или палящим климатом энергией, индус хотел бы освободиться от власти рокового закона, заставляющего его никогда не знать настоящего покоя; отсюда вторая идея, очень распространенная в Индии, о действенной силе аскетизма, молчаливого созерцания, экстаза. Сокращая до пределов возможного свою телесную жизнь, свои наслаждения, даже свои мысли, индус думает, что он может уничтожить тот зародыш, который проявляет свою жизненность в бесконечной серии последовательных рождений *(карман)*. Встречается аскетизм *(тапас)* уже в Ведах; если учение о метемпсихозе в них и не встречается, то это потому, что оно, может быть, было свойственно первоначально скорее туземцам, чем индо-европейским завоевателям.

10. Рядом со столь распространенными верованиями в переселение душ, мы находим в Индии идеи, весьма схожие с существовавшими у греков и у римлян: души предков *(питри)* обитают на небе с первым человеком *(Яма)*; они остаются в сношениях со смертными, принимают участие в жертвоприношениях и в трапезах, им предла-

гаемых; жертвоприношения *(сраддха)* являются строго обязательными, и сын не может отказаться от совершения их в честь умершего отца. Это верование было свойственно вторгшимся в Индию арийцам и, весьма вероятно, части туземцев, которые воздвигали над своими покойниками большие памятники из камней, схожие с европейскими долмэнами. Обряд предания земле уступил вскоре место сожжению, которое явно имело в виду облегчить душе возможность вместе с пламенем и дымом вознестись на небо, но первое побуждение к которому заключалось в желании уничтожить тело, считавшееся опасным (для живых), т.-е. в страхе перед призраками. Похоронные обряды длятся целый год, для того, чтобы упокоить душу умершего, которая все еще, яко-бы, реет среди живущих и которая, по истечении этого срока, улетает на небо. Понятие об аде для грешников значительно развито, по-видимому, только в религиях, именуемых «индуистскими»; но мы находим некоторые следы этого понятия и в Ведах.

11. Обычай *сати*, принуждавший вдову подвергать себя сожжению на могиле мужа и уничтоженный англичанами только с 1829 года, по-видимому, очень древний, хотя Веды о нем не упоминают.

12. Сказания о происхождении видимого мира и человека многочисленны и запутаны. Существуют сказания мистические, как, например, то, которое выводит происхождение всего от первоначального Единства, расколовшегося силою желания; но есть много и детски наивных, а также явно нелепых сказаний. Великан, яко-бы, был заклан в качестве жертвы богами и из отдельных членов его тела произошли все твари; это представление оказывается общим у скандина-

вов и у ирокезов; некоторые краснокожие заменяют, в этом рассказе, великана собакою. В другом рассказе повествуется, что первоначальная Мировая Душа раздвоилась в мужчину и женщину, затем в быка и корову, потом в жеребца и кобылу и т. д., произведя всех тварей «вплоть до муравьев». Бог Брама «выудил» мир из глубины воды при помощи кабана, рыбы и черепахи; он сотворил сперва других богов, затем человека и, наконец, все остальные существа. Природа вышла вся из золотого яйца, которое произвело на свет человека, а первый человек создал богов своим словом. Самая простая версия, общая многим народам, поветствует о браке между небом и землею, *Диаус* и *Притхиви*.

13. Индия знает историю потопа:Ману, индийский Ной, спасен богом Вишну, который, под видом рыбы, тянет судно Ману к скале. Эта легенда, может быть, происхождения вавилонского; Вишну-рыба напоминает вавилонского бога Оаннеса.

14. Тексты, называемые Ведами (от корня *вид*— «ведать», знать) являются сборниками песнопений и молитв, составляющих жертвенный ритуал; создание их приписывалось древним боговдохновенным поэтам (*Риши*). Самый древний из них—*Риг-веда* («веда хвалы, восхваления»); самый новый—*Атхар-веда* (от имени мифического рода жрецов, *Атхарванов*). В последнем сборнике магия занимает много места; но сущность ее была уже известна поэтам, написавшим и *Риг-веду*. Первая редакция Вед относится ко времени между 1500 и 1000 г. до Р. Хр. Их сочинили для арийских завоевателей, еще в северо-западной Индии, тогда, когда они уже двигались по направлению к долине Ганга, несмотря на противодействие туземцев, с которыми они ведут войну.

Цивилизация, о которой Веды свидетельствуют, уже довольно далеко ушла вперед: она знает домашних животных, колесницы, бронзовое оружие; но нет еще храмов. Занятия преимущественно воинственные и земледельческие; богатство уже распределено крайне неравномерно. Жрецы, которым исключительно поручено дело жертвоприношения, оплачиваются верующими; у вождей имеются жрецы, находящиеся у них на службе, которые иногда обращаются с первыми заносчиво (Max Müller, Essais sur la Mythologie, p. 379). Ниже жрецов и воинов поставлены землепашцы, более, очевидно, уважаемые, чем туземцы; мы тут видим основное начало деления на четыре касты: *браминов*, *кшатрий*, *вайсий* и *судр*, которые сохранились в Индии до наших дней (Max Müller, Ibid., p. 354).

15. Одна из характерных особенностей ведического жертвоприношения заключается в огромном магическом значении, которое ему придается. Существует вера, что слова, которыми сопровождается жертвоприношение, *заставляют* повиноваться добрых гениев природы, самих богов. Последние не только принимают участие в жертвоприношении, но почерпают еще в нем необходимую силу для совершения добра; так, желтая жидкость, получаемая из *сома*, ластовичного растения, которая употребляется для возлияний, знаменует собою огонь земли, расжигающий небесный огонь. То, что происходит на земле, получает отголосок на небе; видимый и невидимый миры одинаково подчинены магической силе жертвоприношений и заклинаний.

16. Силы природы, которые этим способом требуется умилостивить или насиловать, олицетворены под именами богов. Ведические боги имеют довольно неопределенные облики; они не соста-

вляют иерархии, как греческий пантеон (сонм богов), а скорее некое братство богов. Числом 33, они делятся на 3 группы, по 11, и распределили между собою небо, промежуточное пространство и землю. Чаще всего взывают к огню, *Агни*, естественно сопоставляемому с солнцем; потом идет *Индра*, воинственный бог неба, который убивает змея *Ахи* или *Вритра* и освобождает воды, которые Ахи держит в узах, внутри гор или туч. *Диаус-патер*, старый бог неба, *Притхиви*, земля; *Брама* и *Вишну*, великие боги индуизма, играют уже (или еще) второстепенную роль. *Варуна*, божество небесное, а может-быть и лунное, является хранителем мирового порядка и законов нравственности. *Рудра*, стрелы которого распространяют чуму, является отцом духов ветра, *Марутов*. *Ушас*—утренняя заря. Два *Асвина*—герои, соответствующие греческим Диоскурам; их отождествляют с утреннею и вечернею звездами.

17. Лучшею жертвою для богов считается конь, рассматриваемый, повидимому, как пособник небесного огня. Следы человеческих жертвоприношений, которые некоторые думали отмечать, сомнительны. Вообще, ведический ритуал носит отпечаток мягкости; начинают появляться нравственные понятия, идеи греха и покаяния (Max Müller, p. 357). Между тем, главная цель молитв заключается в вымаливании земных благ: дождя, солнца, здоровья. Все, отзывающееся грубым колдовством или натурализмом, затушовано *Ришами*, или скорее жрецами, которым мы обязаны теперешним текстом Вед. Первоначальная религиозная основа везде заслонена обрядностью, находящеюся на пути преобразования в мистический пантеизм. Философские рассуждения уже имеются в наличности: «откуда происходит мир?

Сотворен ли он, или не сотворен? Только тот это знает, кто видит все, и даже он, может быть, этого не знает!» Уже тогда существовали скептики, люди отрицавшие Индру, потому что он был невидим [1]).

18. Ученые, особенно со времени Бергеня, перестали восторгаться Ведами, как первыми гимнами человечества или «арийской расы», вызванными, будто, красотами и ужасами природы. В действительности, это ученая поэзия, притом жреческая, сложная и намеренно затемненная, так как жрецы, питавшиеся от алтаря, желали сохранить за собою монополию религии; откровенно говоря, чуть-ли не девять десятых Риг-Веды—сущая чепуха. Индианисты это знают, а в интимности и признают.

19. *Брахманы*, пояснения ритуала, написанные не стихами, а прозою, являются творением браминов, сорганизовавшихся в касту преемников ведических жрецов. Это комментарии на Веды, считаемые божественными и непогрешимыми, но брамины понимали эти комментарии еще менее, чем мы. В них находим предания, которые отсутствуют в Ведах, например, о потопе. Значение жертвоприношения еще более выросло: оно не только дает силу богам, но оно даже творит их. Брамины выставляются людьми, обладающими *брахмою*, т.-е. магическою силою повелевать духами; они претендуют на то, чтобы им оказывали почти божеские почести. «Существует два рода богов: во-первых, сами боги, а потом брамины, которые изучали Веды и повторяют их!» [2]) Четыре общественных класса уже установлены, хотя это деление не носит еще того характера не-

---

[1]) Bergaigne, Religion védique, t. II, p. 167.
[2]) Max Müller, p. 387.

терпимости, которым оно проникнуто в законодательстве Ману. Между браминами и воинами обрисовывается соперничество, из которого позже возникнут великие расколы.

20. Если мы находим тысячи нелепостей в Брахманах, то следует признать, что их несколько менее в *Упанишадах* («заседаниях»), теософических рассуждениях, основанных на Ведах, которые признавались божественным откровением, с начала до конца. *Упанишады* являются источником всех умственных движений в Индии, даже до наших дней.

21. Та же вера в непогрешимость Вед, этого «корня законов, вечного ока, поддержки всех созданий» проявляется в законодательстве Ману, сборнике обычного права северной Индии, написанном стихами уже после Рождества Христова. Это законодательство настаивает на соблюдении обязанностей по отношению к покойникам и на воздаянии по заслугам, основанном на учении о переселении душ: праведники будут возвышаться по лестнице существ, а злые будут понижаться. Например, добродетельный человек возродится в браминской касте; укравший хлеб возродится в крысе.

22. К брахманизму примыкают еще две философских системы, имевших большое влияние на мысль в Индии. *Веданта* (свершение Веды), систематизированная в VIII веке по Р. Хр. *Санкарою*, утверждает, что душа отдельного лица тожественна со всемирною душею; внешний, видимый мир является лишь иллюзией *(майа)*; цель жизни не добродетель, а познание, которое одно может возвысить человека до божественного духа. С этим пантеизмом борется реализм школы, называемой *Санкхия*, основанной, говорят, *Капилою*, которая признает множественность лич-

ностей и существование материи наравне с духом. Когда последний дойдет до сознания своей сущности, он может отделиться от материи и исполнить свое предназначение. О богах нет уже более речи. Но так как *Санкхия* признавала непоколебимый авторитет Вед, то атеизм этого учения был признан браминами безвредным.

23. Из класса воинов выдвинулись в VI веке до Р. Хр. два неодинаково знаменитых реформатора: *Магавира*, основатель джайнизма (*джина*=победитель) и *Гаутама*, основатель буддизма (*буддха*=бодрый, бодрствующий). Магавира, старший из них, повидимому, еще был жив во время проповеди Будды. Оба учения весьма сходны между собою, так как оба крайне враждебны к брахманической обрядности и оба одухотворены народным верованием в переселение душ. Самая важная разница между ними заключается в том, что джайнизм отводит важное место аскетизму, жестокости по отношению к самому себе, тогда как религия Будды вся проникнута мягкосердечием. Джайнисты сохранились еще в западной Индии, тогда как буддизм существует ныне только на Цейлоне. Мы остановимся здесь на буддизме, но считаем нужным сделать важное замечание по поводу джайнистского искусства. Одни только джайнисты из всех индусов изображают в скульптуре совершенно нагих людей: это—джайнистские святые. Нет ни малейшего сомнения, что оригиналом для всех этих фигур послужила греческая статуя, типа, называемого «архаическим Аполлоном», относящегося ко времени около 520 г. до Р. Хр. Одна из этих статуй, вероятно, была занесена из Ионии в Индию и подверглась бесконечным повторениям. Другие признаки, как-будто, указывают на довольно тесные сношения в VI веке между Ионией и Ин-

диею, где греки всегда назывались *яванами (иавонами)*. Замечательно, что одно сказание относит именно к этому времени путешествие Пифагора в Индию; это сказание скрывает в себе, может быть, долю истины.

24. Хотя самое существование Гаутамы, называемого Буддою Сакьямуни, подверглось сомнению со стороны авторитетных индианистов, можно, кажется, утверждать, что есть некоторые основания в традициях, относящихся к его жизни. Но следует с самого начала предупредить, что собрание священных книг буддизма, гораздо более обширное, чем наша Библия, не заключает в себе ни одной строчки, которую можно было бы приписать самому Будде или одному из его непосредственных учеников. Правда, буддисты утверждают, что тотчас после его смерти собрался собор из 500 духовных лиц, на котором поучения Будды были пропеты хором; но этот собор является мифическим, а другой, будто-бы состоявшийся столетием позже, не менее мифичен. Зато история должна отметить собор 244 г. до Р. Хр., созванный царем Асокою, этим Константином Великим Индии, обратившимся в буддизм и заботившимся о мирном его распространении; от этого времени мы имеем многочисленные надписи, род лапидарных проповедей, которые ставят нас на твердую почву. Зная способность и обычай индусов запоминать очень длинные тексты (еще теперь встречаются брамины, читающие наизусть все собрание Вед, кстати не понимая их), весьма вероятно, что буддийские книги сохранили до нас некоторые подлинные данные о жизни и учении основателя веры.

25. Сын царя или, скорее, воина, Гаутама родился около 520 г. до Р. Хр., близ Капилавасту, в 100 милях к северу от Бенареса. Он происходил,

может быть, от одного из тех скифских племен, которые постоянно проникали в Индию с северо-запада. В наше время нашли в Непале, у подножия Гималаев, надпись царя Асоки, сообщающую, что он приходил паломником в Лумбини, место рождения Будды.

26. Преданный удовольствиям своей среды и своего возраста до 29 лет, Гаутама вдруг отвернулся от них при виде трех человеческих бедствий: бессильной старости, покинутого всеми больного человека и мертвого тела. Напрасно Искуситель являлся ему и предлагал владычество над миром, если он откажется от своего призвания; покинув все, даже свою жену и молодого сына, он сделался нищенствующим монахом и в течение целых пяти десятков лет обошел всю северную Индию, проповедуя и вербуя учеников. Признают частичную подлинность проповеди, произнесенной им в Бенаресе. Умер он 80 лет от несварения желудка, причиненного обедом из риса и свинины; его тело было сожжено и останки его, поделенные между его учениками, были распределены ими понемногу всюду. Время его смерти относится приблизительно к 400 г. до Р. Хр., что устанавливается свидетельствами, сообразованными с известною хронологиею Асоки. Ошибка в дате не превышает 20—30 лет.

27. Ко времени появления Гаутамы северная Индия была подвержена двойной тирании: формализма браминов и кастовой организации общества. Страна управлялась царьками, соперничество которых шло на пользу духовенства. Не имея возможности проникнуть в касту жрецов, некоторые воины становились монахами или аскетами и старались этим способом добиться уважения со стороны народа. Гаутама был из числа таковых. Раскол, им созданный, по суще-

ству имел значение антиклерикальное, антиритуальное; он не признавал ни духовенства, так как каждый самостоятельно должен был добиваться блаженства, ни жертвоприношений, так как нет богов, для которых следовало бы их совершать. Брамины, задетые в своих интересах, стали преследовать его и даже пытались убить. Если Будда и не осудил кастового режима, то он уничтожил его фактически между своими последователями, открыв двери своего братства всем, без различия происхождения. Его религия, как и христианство апостола Павла, была универсальна.

28. Идея, управляющая религией Будды, не нова: это все тот-же древний индийский аскетизм. Жизнь—страдание между прошедшими и будущими существованиями, которые были и будут всегда одинаково полны горечей. Самоубийство нас не может спасти, ибо оно не может помешать возрождению. Необходимо одно—убить отречением самое желание жить; те, которые заглушат окончательно это желание, не возродятся более вновь; те, которые только наполовину уничтожат его, возродятся в менее материальном виде и будут иметь тогда возможность трудиться над тем, чтобы более не возрождаться. Совсем не нужны страдания, налагаемые на себя аскетами: достаточно довести до минимума все, привязывающее нас к жизни. Добродетель, доброта к людям и животным не являются сами по себе добром, но лишь формами отречения от эгоизма; поэтому, их следует проявлять непрерывно, ибо освобождение от пут является одним из плодов любви. Когда всякое желание жить исчерпано, человек входит в *нирвану;* он может войти в нее, как сам Будда, еще при жизни; *нирвана*, следовательно, не есть

смерть; это—абсолютное отрешение, смерть в самой жизни, несуществование.

29. Для того, чтобы достигнуть этого идеала, состояние нищенствующего монаха является наилучшим; но и мирянин, полный веры и милости (особенно по отношению к монахам), находится «на стезе к спасению». Он может жениться, в отличие от монахов, и владеть имуществом, что последним воспрещено; он должен, однако, подчиняться следующим заповедям: не убивать (ни человека, ни животного), не красть, не лгать, не совершать нечистых дел, не пить вина. Таким образом, самообладание и милосердие—вот два краеугольных камня буддизма.

30. Гаутама, подобно Пифагору, утверждал, что он сохранил воспоминание о своих прежних воплощениях, и повествовал о них под видом поучительных притчей и басен. Эти рассказы именуются *Ятака* (=рассказы о рождениях); их называют «эпопеею трансмиграции». В них встречаются вещи трогательные и прелестные, объяснения в образах того братства существ, той солидарности мироздания, которые прочувствованы были индийским гением и глубокое сознание которых делает ему величайшую честь [1]).

31. Аналогии между буддизмом и христианством были давно замечены и дали повод, со времени Бунзена, к смелым гипотезам. Правда, около 250 г. до Р. Хр. царь Асока хвалится тем, что посылал миссионеров к своим соседям, греческим царям, в Сирию и в Египет. Можно, конечно, приписать простой случайности то странное обстоятельство, что первое упоминание в греческом тексте (у Климента Александрийского) имени Будды встречается только в третьем столетии по

---

[1]) S. Levi, Conférences du musée Guimet, 1906, p. 13.

Р. Хр. Косвенное влияние буддизма на ессеев допустимо; но большего утверждать нельзя. Наибольшее сходство замечается в отдельных эпизодах, каковы: чудесное рождение Будды, святые старцы и паломники, пришедшие на поклонение ему, когда он лежал еще в колыбели, а также искушение Будды перед началом его проповеди. Эти эпизоды могли быть выдуманы в разное время, и им могут быть подысканы аналогии не в одном христианстве. Поздняя легенда о Кришне наверно заимствована у христиан и занесена в Индию несторианами. Зато христианство заимствовало легенду о самом Будде и переработало ее в благочестивое сказание о старце Варлааме, обратившем в христианство сына царя Иосафата (в VI веке?). Что касается внутренней близости обоих учений, христианского и буддистского, то следует признать их замечательное сходство, хотя это обстоятельство еще не дает нам права утверждать, что буддизм имел реальное влияние на развитие нравственных воззрений в Палестине ранее христианской эры.

32. Мужские и женские общины, основанные Гаутамой, быстро умножались и получали большие уделы, которыми они владели на праве нераздельной собственности. Приток новых пришельцев, часто подозрительной нравственности, заставил создать иерархию и установить строгие правила, более или менее исполняемые; вместе с тем, поклонение останкам Будды, а позже его изображениям, для коих выстроили бесчиленные сооружения *(у а)*, широко раскрыло двери идолопоклонству и новой обрядности.

33. Главным событием в истории религии было обращение мудрого царя Асоки (264—227 до Р. Хр.), сын и дочь которого ввели буддизм на острове Цейлоне, где он и сохранился в сравни-

тельной чистоте. В самой Индии он быстро исказился; школа, называемая «учением великой повозки», ввела в буддизм бесплодный аскетизм и магический шарлатанизм, кудесничество (*иоги* и *тантра*). Раздоры между сектами и настойчивая вражда браминов усилили зло. Дело не улучшилось от того, что в I в. по Р. Хр., буддизм нашел нового покровителя в лице скифского царя *Канишка*, монеты которого, носящие греческий отпечаток, имеют изображение Будды. Около 630 г. по Р. Хр., когда паломник Хиуен-Тсанг, родом из Китая, посетил Индию, он нашел буддизм здесь в полном упадке. Есть надписи, свидетельствующие, что он существовал еще в XIII веке; потом, по причинам, нам неизвестным, буддизм угас в первоначальном своем очаге.

34. Вне Индии буддизму удивительно посчастливилось. Перейдя около времени Рождества Христова в Кашмир, потом в Непал, Тибет, Китай, Бирманию и Сиам (650 г.), он насчитывает ныне пол-миллиарда приверженцев. Цейлон, Сиам и Бирмания составляют южную группу; Непал, Тибет, Китай и Япония—северную.

35. Везде получив преобладание, буддизм извратился, благодаря претворению в себе, начавшемуся еще на родной почве Индии, туземных религий, а также благодаря алчности и шарлатанству духовенства. Сравнительно верный своим принципам в Китае, где гражданский закон мудро наложил узду на умножение монастырей и где конфуцианство особенно развило поклонение предкам, буддизм навязал Тибету безобразную теократию, которая препятствует всякой цивилизации, всякому проникновению европейских идей. Эта форма буддизма называется ламаизмом (*лама*=старейшина, игумен),

получившим свое имя от двух *лам*, правящих бесчисленными монастырями страны. Первоначальная религия Тибета была весьма груба, с тотемическими представлениями, как например, бога-неба, скачущего на собаке, обезьяны, почитаемой в качестве предка, священных собак, содержимых в монастырях лам для пожирания трупов умерших; при этом получило невероятное развитие самое низменное кудесничество; буддизм, введенный в Тибет около 650 г., был сам заражен магизмом и аскетическими обычаями. Ламаизм главным образом отличается от буддизма верою в постоянное воплощение небесных Будд в двух ламах; когда один из этих пап умирает, жребий указывает ребенка, родившегося девятью месяцами позже, который наследует ему в его достоинстве. В XIX веке китайское правительство заменило голос судьбы своим собственным выбором; но ни главенство Китая, ни экспедиция англичан в Лхассу (в 1904 г.) не могли уничтожить сумасбродств ламаизма. Часто указывали, что со своим бритым духовенством, со своими колокольчиками, четками, молитвенными мельницами, идолами, святою водою, папами и архиереями, настоятелями и монахами, со своими процессиями и духовными торжествами, исповедальнями, чистилищем и адом, культом Девы, ламаизм является карикатурою католицизма. В России ламаизм исповедуют буряты и калмыки.

36. Буддистская литература Тибета состоит из двух огромных сборников: *Ганджур* и *Данджур;* в первом 108 фолиантов, во втором 225! Из этих сборников переведены длинные извлечения, достаточные для того, чтобы дать понятие о всем содержании их.

37. Если буддизм знаменует собою торжество,

в религиозной истории Индии, народной веры в переселение душ, то смешанная группа сект, которой дают общее название *индуизма*, знаменует собою торжество политеизма (многобожия) и народной магии, колдовства, мало изменившихся верований туземцев, лишь поверхностно обращенных в брахманизм. Весьма вероятно, что брамины, из ненависти к буддистам, заключили союз с этими низменными культами, поставив единственным условием, чтобы их авторитет был признаваем.

38. Общераспространенное мнение таково, что *индуизм* заключается, собственно, в поклонении *Тримурти*, или Троице, состоящей из *Брамы*, духа-созидателя, *Сивы*, духа-охранителя, и *Вишну*, духа-разрушителя. В действительности, эта Троица пользуется весьма малым уважением в Индии, где Брама, это отвлеченное божество, никогда не был популярен. Зато Сива и Вишну— великие боги, прославляемые в средневековых индусских эпопеях, а именно в *Махабхарате* и *Рамаяне*, а также в хаотической литературе *Пуран* (=древностях), повествующих о разных превращениях Вишну в животных и о тысяче других предметов. Сива «милостивый»—простой эпитет (евфемистический) страшного Рудры Вед. Несмотря на свое имя, он остается грозным богом, обвитым кругом змеями, с шеей, украшенной ожерельем из черепов, с третьим глазом во лбу, как циклопы греков. У него три жены: *Кали* («черная»), *Дурга* («неприступная») и *Парвати* («дочь горы»), по очереди то влюбленные, то кровожадные. Сам он одновременно и созидатель, и разрушитель, то увлекаемый чувственными страстями, то погруженный в подвиги аскетизма. Ему посвящены быки, которые, как бродячие идолы, свободно разгуливают по ули-

цам городов. Грек Мегасфен, посол Селевка Никатора к Палибофре, около 300 г. до Р. Хр., говорит, что индусы поклоняются Дионису и Гераклу. Дионис—это Сива, культ которого оргиастичен. Геракл Мегасфена—Кришна, истребитель чудовищ, воплощение или *аватар* бога Вишну. Последний, упоминаемый иногда в Ведах, воплощался не только в Кришну, но и в Раму, героя Рамаяны. Сита, супруга Кришны, была похищена Раваною, князем демонов, и уведена им на Цейлон. Рама овладевает ею вновь, благодаря союзу с обезьяною Хануманом и с помощью обезьяньего войска, которым он предводительствует. Хануман весьма популярный бог в нынешней Индии; Рама еще популярнее.

39. Вишнуизм, по самой своей концепции, суровее сиваизма; но постарались воплотить любовь *(бхакти)* в супруге Вишну, *Лакшми;* отсюда появилось развитие чувственного мистицизма, энервировавшего и развратившего вишнуизм.

40. Индуизм разделился на несметные секты, населился богами, богинями, демонами до такой степени, что стал напоминать собою тропический лес. Культ заключается в поклонении, слишком часто безпорядочном, фетишам и идолам, сопровождаемым звоном колоколов, иллюминациями, кучами цветов; музыка воет или вздыхает, баядерки танцуют, головы кружатся и страшная картина индусского ада не достаточна для того, чтобы внушить верующим уважение добрым нравам.

41. Любимым местом паломничества является Бенарес, «лотос мира», с его 2000 храмов; другое святилище Вишну в Джаганнатхе (Орисса), где сто тысяч дураков сбираются, чтобы глазеть на выход идола в колеснице, и где многие, говорят,

дают себя раздавить под ее колесами. Обычай купаться целыми толпами в священных водах Ганга, часто зараженных холерными и чумными бациллами, представляет собою одно из тех суеверий, которое поддерживает существование бича эпидемий в Индии и которое, вместе с паломничеством в Мекку, постоянно угрожает заразою цивилизованным странам.

42. При существовании этих отсталых и низменных религий, к счастию, не было недостатка в реформаторах. Уже в XV столетии простой ткач, некто Кабир проповедывал веру в Единого Бога, не нуждающегося в жертвоприношениях, а только в чистоте и правде. Великий Могол Акбар (1556—1605), который был мусульманином, постарался согласовать религии Индии, включая и христианство, и еврейство, в более философском, чем религиозном монотеизме. Самою интересною в этом направлении следует признать попытку купца в Лагоре, по имени Нанак, (род. в 1465 г.), который основал секту сикхов (учеников), на основе монотеизма, опирающегося на Коран, хотя он и отрицал авторитет как Корана, так и Вед. Его преемники дали секте военную организацию, что было новостью в Индии, при чем подражание исламу было тут уже очевидным. Продолжительные столкновения с мусульманами приучили сикхов к войне; они с 1800 по 1839 имели в Лагоре собственного государя. В 1849 г., после неудачной войны, они подчинились англичанам, которые открыли им доступ в британскую армию; но они продолжают существовать в виде секты и совершают паломничества в Амритсар, где хранится их священная книга.

43. Если реформа Нанака обязана своим возникновением соприкосновению с мусульманством,

то реформа Раммохуна-Роя, происходившего из бенгальской браминской семьи, обнаруживает влияние протестантизма (1774—1833). Живя в Калькуте, Раммохун научился иностранным языкам и даже еврейскому и греческому, и попытался согласовать индуизм с христианством в широком монотеистическом синтезе. Он умер преждевременно в Бристоле, во время почти триумфального путешествия в Англию: он имел последователей, из которых один, некто Кешаб Чандер Сен, был другом ученого индианиста из Оскфорда, Макса Мюллера, и проповедывал с успехом в Лондоне. Но эти объединительные стремления повели лишь к созданию новых сект; отношение, которое следует принять к Ведам, считаемым непогрешимыми, и, в особенности, к вопросу о кастах, остаются до сих пор камнями преткновения в деле реформы индусской религии.

44. Что сулит нам будущее? «Религия Индусов», писал в 1858 г. Макс Мюллер: «религия разваливающаяся, которой не осталось много лет жить»[1]). Индия, однако, не станет христианскою страною; она не желает тоже быть мусульманскою, хотя ислам и насчитывает там до 60 миллионов приверженцев против 210 миллионов индусов и $2^1/_2$ миллионов христиан. Нравственное и умственное возрождение этой огромной страны зависит от низшей школы, которая, не отказываясь от проявления уважения к длинному прошлому Индии, научила бы всех правильно понимать идею эволюции, более научную, чем представление о перерождении, и возвысила бы своих учеников шаг за шагом до уровня понятий образованных европейцев, которых уже удовлетворяет религия социального долга.

---

[1]) M. Müller, Essais sur la Mythologie, t. I, p. 345.

II.

ПЕРСЫ И ИРАНЦЫ.

1. Клинописный текст, открытый в центре Малой Азии, в Птериуме, сообщает нам, что около 1400 до Р. Хр. народности, находившиеся в сношениях с хиттитским царством, признавали богами Митру, Индру, Варуну и Насатиаев. Первых два имени встречаются одновременно и в Индии, и в Персии, два последних присущи Индии. Отсюда, повидимому, можно заключить, что в ту отдаленную эпоху предки индусов и иранцев еще не были разделены. Почему они разделились? Произошло это, может быть, о чем давно было высказано предположение, вследствие религиозного раскола, так как слово *дева*, означающее богов в Индии, означает в Иране демонов, тогда как *асура*, название благодетельных богов в Персии, является названием демонов в Индии.

2. Иран, т. е. теперешняя Персия, был заселен около 800 г. до Р. Хр. на севере мидянами, близкими родственниками скифов, а на юге— персами. Около 600 г. мидяне совершили большие завоевания; но около 560 г. они были покорены персом Киром, основавшим обширную азиатскую империю. Пользуясь тем, что сын Кира, Камбиз был занят покорением Египта, жрецы мидян, называвшиеся *магами*, произвели попытку вернуть в свои руки власть; но перс Дарий, сын Гистаспа, сверг с престола их ставленника, Лже-Смердиса, и восстановил, в пользу персов, царство Кира (523 г. до Р. Хр.). Пернидская империя, в свою очередь, была разрушена в 330 г. до Р. Хр. Александром Великим и пе-

решла во власть Селевкидов, потомков македонского военачальника; в 256 г. до Р. Хр. Персия была покорена арсакидскими парфянами; затем, персидский элемент опять восторжествовал, основав в 226 г. по Р. Хр. Сассанидскую империю, которую уничтожили арабы в 652 г.

3. Самый древний сборник священных книг Персии называется *Зендавестою* (=толкование откровения); до нас дошла только часть этого сборника. Существуют и более новые сборники, как *Бундехеш* (первое творение), составленный после арабского нашествия, и еще более новые, как например, эпопея Фирдуси *Шах—Намэ* (=книга царей), обширный сборник всех иранских былин.

4. Зендавеста является компиляциею записанных во время сассанидско-персидского возрождения (около 230 г. по Р. Хр.) памятников, относящихся к разным эпохам. Думают, что жертвенные гимны, называемые *Гатами* (песнями)— наиболее древняя часть, а духовное законодательство, именуемое *Вендидад* (=данное против демонов)—самая новая.

5. С Авестою тесно связано имя *Заратустры* (Зороастра), религиозного законодателя Ирана. Мы не знаем ничего положительного о его жизни; оказалось возможным даже отрицать его реальное существование, как отрицали существование Моисея и Будды. Согласно священному сказанию, ангелы свели его к *Агура Мазде* (=господь великий мудрец), который долго беседовал с ним и открыл ему свои законы; отсюда произошло название *зороастризма*, даваемое религии Авесты. Те, которые смотрят на Зороастра, как на историческую личность, считают его мидянином или бактрийцем, основателем около 1100 г. до Р. Хр. религии, которую приняли

персы. Верно несомненно то, что Кир сообразовался с одним предписанием Авесты, касающимся охранения чистоты воды, когда он распорядился отвести течение реки Гиндана, чтобы отыскать тело утонувшей лошади, и что Дарий I прибегает с молитвою в своих надписях к Ормузду (Агура-Мазде), являющемуся главным божеством Авесты.

6. Придерживающиеся вышеуказанной гипотезы удивляются, однако, тому, что Авеста нигде не упоминает о магах; она называет жрецов иным, более древним именем—*атраванами* (служители огня). Может быть, в этом следует видеть намеренный архаизм; может быть, избегали также называть магов их именем из-за печальной памяти, оставленной их восстанием при Камбизе (ср. § 2).

7. Эти священнослужители Авесты составляют наследственное сословие, члены котораго одни имеют право приносить жертвы и совершать ритуальное очищение; священнослужители рождались таковыми, или не становились по желанию. Они живут доходами от культа, определяемыми весьма точно законом вероучения, а также пенями, взимаемыми ими в большом количестве в обмен за «эпитимии». Следовательно, это настоящее «духовенство», в нашем смысле этого слова.

8. Изучение Авесты обнаруживает факт, что этот сборник заключает в себе части весьма различной древности; некоторые из них очень первобытны, другие сравнительно новы. Анимизм в Авесте очень развит; весь мир представляется заселенным демонами, добрыми и злыми; стихии, животные, растения, даже богослужебные предметы олицетворяются. Души умерших считаются покровительницами живых, ангелами-хранителями *(фраваши)*. Тотемизм оставил явные вос-

поминания в священном значении, придаваемом некоторым растениям, быку, корове, лошади, собаке, змее. Табу многочисленны и очищения, предназначенные для их уничтожения, играют подавляющую роль в обрядовой стороне религии. Культ весь насыщен магией (колдовством, волхвованием): священное растение, собираемое на Эльбрусе, доставляет божественное питье, жертвенную жидкость по преимуществу (*хаома*, по санскритски *сома*); жрецы священнодействуют при помощи связок магических палочек, называемых *баресман*, сбор коих производится согласно с определенными обрядами, подобно тому, как у кельтов собирали омелу. Приписывается магическая сила глазу собаки, моче быка. С другой стороны, многие божества имеют уже отвлеченный характер, свидетельствующий, повидимому, о долговременной религиозной эволюции; мораль, стремление к прогрессу, даже гигиена ясно выделяются из табу; в некоторых предписаниях магическая сущность «нечистого» стала уже рассматриваться, как причина заразы. Наука все обмирщивает, даже микробов; уже в Авесте заметна эта тенденция.

9. Господствующим представлением является борьба добра и зла. Бог добра, Агура-Мазда или Ормазд сотворил мир, но на всякое его благодеяние Ариман или Ангра-Майниу («дух разрушающий») отвечает злодеянием. Так было, так и будет в течение долгих веков. Агура-Мазда могуществен, но могущество его не бесконечно; ему помогают в борьбе с Ариманом и мириадами злых духов (*дева*, *друи*) добрые духи, архангелы (*амеша спента*-благодетельные бессмертные); один из них, *Сраоша* является судьею душ на их замогильном пути. Как всякий дурной поступок, так и все нечистое является помощью, оказывае-

мою человечеством Ариману; всякое добродетельное существование служит делу Агура-Мазды, силы которого увеличиваются, благодаря молитвам и жертвоприношениям людей. Последствием этого дуализма является, на практике, не только обрядовая точность и чистота—самое великое, после рождения, добро человека—говорит *Вендидад*, но действенная добродетель, правдивость, смелость, милосердие (даже к животным), смирение. Возделать поле, выкопать канаву, выстроить мост, уничтожить вредных животных, каковыми признаются муравьи и лягушки, значит служить доброму богу; хорошо употребленная жизнь полна вечных заклинаний. В конце веков Агура-Мазда вступит в решительную борьбу с Ариманом и одержит победу, благодаря содействию архангела *Сраоши* (=послушного), победителя демона *Аэшма-Даевы* (=демон Асмодей книги Товии). Тогда Дева зачнет от Зороастра некоего Мессию, Победителя, *второго Зороастра*, который воскресит мертвых, и прежде всего первого мертвеца, первого человека, *Гайомарта*. Добрые будут отделены от злых, но мучения последних не будут вечны; после общего воспламенения, которое очистит мир, все человечество соединится в поклонении Ормазду.

10. Нечистотою, так сказать, основною является та, которая оскверняет священные стихии—огонь, землю или воду. Сжигать, бросать в воду или закапывать в землю трупы—мерзость; следует их выставлять на воздух, как и делают еще теперь на *башнях молчания* парсы или гебры в Бомбее, эти последние верные приверженцы маздеизма. Один маг, во времена Римской Империи, отказывался путешествовать по воде, из боязни осквернить море своими извержениями (Плиний Старший, XXX, 6). Но число согрешений против

чистоты, могущих быть совершенными человеком, бесконечно велико, и обрядность очищений в Авесте до того сложна, что спрашиваешь себя, могло ли когда-либо деятельное общество держаться ее предписаний. Многие очищения заключаются в эпитимиях: 2000 ударов розгами за невольный грех осквернения, 10000 за «убийство» кривой женщины. Эти телесные наказания могли искупляться посредством пени, уплачиваемой казне храмов, согласно установленному тарифу. Другие наказания состоят в наложении обязательства исполнять добрые дела или уничтожать нечистых животных. «Он свяжет тысячу пучков баресмана, убьет 1000 змей, убьет тысячу земных лягушек, 2000 водяных лягушек; он уничтожит 1000 муравьев, крадущих зерно, и 2000 другой породы муравьев» [1]). Есть, впрочем, грехи незамолимые, есть много других, тяжесть которых может быть облегчена толко раскаянием и исповедью, без ущерба, однако, для телесного или иного наказания, которого раскаяние само по себе не упраздняет.

11. Борьба Агура-Мазды и Аримана до того зополняет «сцену», что другие боги маздеизма отступают на второй план. Мифра, которому предстоит блестящая карьера, начинает играть некоторую роль, в качестве светящего бога, поручителя при исполнении условий и клятв, только в самых новых частях Авесты. Богиня *Анахита (Анаитис* лидян)—иноземного происхождения. Вообще, иранский пантеон страдает отсутствием богинь: женщина всегда находится в подозрении, а религиозный закон усугубляет еще горести ее пола сложными и жестокими очищениями, на нее налагаемыми.

---

[1]) Darmesteter, Avesta, t. II, p. 254.

12. Смерть является состоянием нечистоты, требующим мелочных предосторожностей, чтобы устранить духов зла, особенно «трупную муху», *друй*—падаль. Когда час смерти приближается, жрец заставляет умирающего произносить исповедь раскаяния, он льет *хаому* ему в рот и уши: это весьма напоминает причащение умирающего и, может быть, именно здесь приходится искать происхождения этого христианского обряда. После выставления тела в уединенном месте, вроде башни, где оно поедается хищными птицами, в продолжение трех дней празднуют «тризну» для того, чтобы облегчить странствия души. Во время этих пиршеств делают приношение освященного хлеба, который делится между присутствующими. В это время Сраоша ведет душу и защищает ее от демонов, если она достаточно чиста для того, чтобы не попасть к ним в руки; *взвешивание душ* происходит затем на высокой горе; те из них, которые не отягощены грехами, проходят по мосту, ведущему в рай; остальные падают в ад. Все эти представления так близки к иудео-христианству, что заставляют, как-будто, признать влияние Персии на Палестину; в виду, однако, поздней редакции Авесты, дозволено поставить вопрос, кто на кого влиял, кто у кого заимствовал?

13. Храмы не имеют изображений божеств; древняя религия воспрещает их употребление. Первый, воздвигший статуи Анахите, был Артаксеркс Мнемон, около 398 г. до Р. Хр. Главным предметом поклонения является огонь. Каждый храм содержит в себе покой огня, защищенный от дневного света, где горит вечно пламя, которого никто не смеет коснуться, ни даже осквернить своим дыханием. Священнослужитель огня носит на руках рукавицы и обвязывает рот

куском материи. Поддержание огня и материал горения обставлены строгими правилами.

14. Своею сравнительною простотою, своим отрицательным отношением к аскетизму и бесплодному созерцанию, как и возвышенностью своих общественных и личных нравственных начал, маздеизм из всех античных религий приближается наиболее к иудейству. Если у него и есть несколько имен богов, общих с индусскими, то сущность, его одухотворяющая, совершенно иная. Его влияние на иудейство и, чрез него или даже непосредственно, на христианство, было тем сильнее, что существовала с самого начала между этими учениями известного рода общность, род симпатии. Но авестическая литература несравненно ниже библейской. Она полна ужасающих несообразностей. Вот образец разговора между пророком и его богом [1]): «Заратустра спросил у Агура-Мазды: дух вседобродетельный, создатель мира существ! Святой! Какое самое смертельное действие, посредством которого смертные приносят жертву демонам?—Агура-Мазда ответил: это то, когда люди здесь, расчесывая волосы и остригая свои ногти, роняют их в дырки или в расщелину. Тогда вследствие такого несоблюдения обрядов, выходят из земли *даевы*, *крафсты*, которых называют вшами и которые поедают зерно в амбарах и одежды в местах их хранения. Итак, ты, о Заратустра, когда ты чешешься или стрижешь ногти, то относи ты волосы и ногти на 10 шагов расстояния от правоверных, на 20 шагов от огня и на 50 шагов от освященных пучков *баресмана*. Ты вырой глубокую яму и уложи в нее твои волосы и ногти, произнося следующие слова... Затем ты

([1]) Darmesteter, Avesta, t. II, p. 237.

проведи при входе в яму три борозды ножем из металла, шесть борозд или девять борозд и ты произнеси следующие слова... и т. д.» Мысль о том, что следует хоронить остриженные волосы и ногти из-за опасения, что колдун употребит их во вред, очень распространена и вне Персии. Но какое странное многословие и какое педантство для того, чтобы выразить простой запрет. Можно бы привести сотни еще более нелепых мест. Итак, если из Авесты исходит учение действенности, прогресса и даже справедливости, то самый литературный памятник, в котором оно содержится, оправдывает следующее суждение Вольтера, который знал Авесту по переводу Д'Анкетиля: «Нельзя одолеть двух страниц отвратительной чепухи, приписываемой этому Зороастру, без того, чтобы не проникнуться жалостью к человеческой природе. Нострадамус и доктора урины—люди разумные по сравнению с этим бесноватым».

15. Мифра—божество индусов и иранцев от времени, предшествовавшего их разделению (§ 1). В религии Авесты он играет важную роль, но далеко не первенствующую; он бог света, добрый к людям, послух верности, обладающий некоторыми приятными чертами греческого Аполлона. Но, повидимому, Мифра был верховным богом другой персидской секты, отличной от той, верования которой стали официальною религиею Сассанидов. Римские солдаты и их восточные союзники распространили это народное вероучение на всем западе, начиная с I века, и оно некоторое время, как казалось, грозило получить даже перевес над христианством.

16. Мифраизм нам известен, главным образом, по изобразительным памятникам, дающим

возможность отчасти проникнуть взором в его мифы и мистерии. Во главе божественной иерархии стоит безконечное Время, отожествляемое с греческим Кроносом, изображаемое в виде крылатых существ с львиными головами, держащих два ключа от неба и окруженных кольцами змеи. Сыном Времени является Ормазд (т.-е. Агура-Мазда), приравниваемый к Зевсу и называемый римлянами Coelus. Дух зла, Ариман, становится Arimanius'ом в латинских надписях; его отожествляют с Плутоном. Лев— символ священного огня; змей—земли; кратер или ваза знаменует воду. Мифра рождается из скалы; ударом стрелы он заставляет течь из нея источник, заключает союз с Солнцем и вступает в борьбу с быком, которого покоряет и приносит в жертву. Последняя сцена часто изображается в глубине подземных храмов или пещер Мифры; собака и змея лижут кровь, текущую из раны быка. Персидское предание утверждает, что все живые существа родились от крови священного быка, закланного Мифрою. Мифра не только создатель, но он и посредник между верховным божеством и людьми, победитель зла и спаситель душ. Посвящение в мифрейские таинства обезпечивало счастье на земле и спасение после смерти. Посвященные (sacrati) назывались, соответственно их иерархическому чину, воронами, львами и т. п.; самый высокий чин имел звание *Отца*, а между собою они назывались *братьями*. Тертуллиан (около 200 г.) называет церемонии посвящения *таинствами*; в церемонии эти входили: крещение, очищение посредством меда, употребление освященных воды, хлеба и вина; исполнителями обрядов были священнослужители или отцы, главою которых был «Отец отцов».

17. Принятый императором Коммодом, мифраизм тем сильнее подвергался отрицанию со стороны христиан, чем более он походил на христианство; несмотря на поддержку Юлиана, который ввел таинства Мифры во вторую столицу Империи, Константинополь, мифраизму не удалось удержаться под напором новой религии. С 400 г. *мифреи* подверглись уничтожению, а самый культ строго воспрещен; может быть, он долго еще влачил темное существование, оказав позже содействие возрождению манихейства.

18. Жертвоприношение быка, повидимому, указывает, что первоначально культ Мифры, в своем древнейшем виде, заключался в поклонении священному быку, сближаемому с солнцем, которого закалали, в качестве божества, и тело и кровь которого потреблялись за трапезою приобщения. Мифра, убийца быка, являлся бы тогда результатом раздвоения, находимого во всех религиях, перешедших от тотемизма к антропоморфизму.

19. Аналогии с христианством могут быть сведены к следующему: Мифра посредник между Богом и человеком; он обезпечивает спасение людей посредством жертвоприношения; культ заключает в себе крещение, причащение, пост; последователи его зовутся *братьями;* в состав мифраического духовенства входят мужчины и женщины, дававшие обет безбрачия; нравственное учение положительное и тожественно с христианским. Отцы церкви были не менее поражены этими сближениями, чем язычники. Святой Августин повествует, что один азиатский иерей (жрец Аттиса или Мифры, pileatus) сказал ему однажды, что они оба поклоняются одному Богу. Около 200 г. Тертул-

лиан для того, чтобы объяснить сходство мифраизма и христианства, указывает на хитрости дьявола. Ведь он не мог допустить плагиаторства, в виду несомненной древности некоторых мифраических обрядов, существовавших ранее христианства. С другой стороны, язычники тоже не обвиняли христианства в заимствованиях из мифраизма. Мы должны заключить, что христианство и мифраизм имеют своим источником, хотя-бы отчасти, одну или несколько из тех азиатских религий, от которых до нас дошли только сравнительно новые формы и которые включали, в качестве существенных особенностей, жертву божества и причащение. Что касается единства морали обеих религий, то никто не объяснил этого факта лучше и проще Анатоля Франса: «Каждая эпоха имеет свою господствующую мораль, не вытекающую ни из религии, ни из философии... Так как мораль есть сумма предразсудков общества, то не может существовать двух моралей одновременно и в одном и том же месте». Дело здесь, конечно, идет о морали, которую требуют от других; в эпоху торжества христианства, и христиане, и язычники были в полном согласии относительно принципов морали и, за редкими исключениями, дружно не исполняли ея предписаний...

*
* *

20. На границах Вавилонии и Персии возникла новая *универсальная* религия, т.-е. такая, которая, подобно христианству и мифраизму, предлагалась людям всякого состояния и всякого происхождения в качестве пути к спасению. Мы говорим о *манихействе*, который в IV веке распространился от Туркестана и Китая

до Северной Африки и Испании и погиб только после долгой и героической борьбы под ударами смертоносных преследований.

21. Мани или Манихей, родившийся в Вавилонии, но происходивший по матери из арсакидского рода, получил образование у магов и представился персидскому царю Сапору (в марте 242 г. по Р. Хр.), в качестве реформатора зороастризма. Дурно принятый, он совершил далекие путешествия, чтобы набрать последователей; он называл себя посланником Бога, по примеру Зороастра, Будды и Иисуса. Вернувшись в Персию, он обратил в свою веру брата царя. Но зороастрийское духовенство стало метать против него громы и молнии и, в возрасте 60 лет, он был распят и с него содрали кожу (276 г.).

22. Учение Мани, проповедывавшееся с крайним воодушевлением его учениками, почерпнуло свои основные догматы из религий Вавилонии и Персии; но буддизм и христианство тоже внесли в него не мало своего.

23. Господствующая идея—противопоставление света и тьмы, т.-е. добра и зла. Видимый мир происходит из смеси этих двух вечно враждебных элементов. В человеке светла душа, а тело темно; в огне пламя и дым представляют оба враждующих начала. Отсюда вытекает манихейская мораль, которая ставит целью освобождение светлых составных частей, освобождение душ, страдающих в темнице материи. Когда весь ныне пленный свет, все души праведников вознесутся обратно к солнцу,—наступит конец мира вследствие всеобщего пожара. В действительности люди делятся на *совершенных* или *избранных* и на простых верующих или *слушателей*. Первые составляют род духовенства,

должны воздерживаться от брака, от животной пищи (за исключением некоторых рыб), от вина, от всякого любостяжания и всякой лжи. Верующие или слушатели подчинены приблизительно тем же правилам нравственности, но они могут заключать браки и работать, как другие люди; им только запрещено накапливать имущество, а также грешить против чистоты. Христиане, правда, обвиняли манихейцев в безнравственных обычаях; но доказательством того, что мы имеем здесь дело с клеветою, внушенною богословскою ненавистью, является отношение Св. Августина к этому вероучению: он сам в течение девяти лет был манихейцем и не сознается ни в каком безнравственном поступке, совершенном в их среде.

24. Манихейская религия очень проста. Нет жертвоприношений, нет изображений божеств, нет частых постов; четыре ежедневных молитвы, обращенных к солнцу и луне, которые не признаются богами, но лишь видимыми проявлениями света; эти молитвы, образцы коих дошли до нас, очень близки по содержанию с некоторыми вавилонскими гимнами. Манихеи совершали крещение, причащение и род посвящения в таинства, совершаемого часто перед смертью, включавшего отпущение грехов; оно называлось на латинском Западе «утешением».

25. По мнению манихеев, истинный Иисус был посланцем Света, тело которого, рождение и крестная смерть были только обманчивою видимостью. Они отвергали, как ложную, значительную часть евангельских рассказов, но признавали и высоко чтили проповеди и притчи Господа. Что касается Ветхого Завета, то они решительно отвергали его целиком. Моисей и пророки были дьяволами. Еврейский Бог был

лишь князем тьмы. Уже в 150 г. по Р. Хр. мы находим тожественное мнение у еретического христианина Маркиона, основателя секты маркионистов, у которой манихеи сделали позаимствования.

26. Они признавали также, как персы, целые полчища добрых и злых духов, богов и дьяволов; глава последних, Сатана, имел львиную голову и тело дракона. О происхождении человечества, о борьбе светлых сил с темными рассказывались сложные истории, производившиеся из вавилонской космогонии, слишком, впрочем, нелепые для того, чтобы признать интересною их передачу.

27. Манихеи были людьми мягкими и мирными; таково мнение греческого философа Ливания. Но так как они отвергали обряды существовавших церквей и имели претензию удовлетворяться своим духовенством, то духовные лица других религий преследовали их с яростью и возбуждали против них толпу, распространяя клевету. Подвергшись преследованию в Персии, манихейство распространилось в Туркестане, Индии и Китае и одновременно в Африке через Сирию и Египет. С 290 г. Диоклетиан воспретил исповедание этой веры; с 377 года стали законодательствовать христианские императоры; вандалы подвергали их сожжению или ссылали их. Африканское манихейство нам известно, преимущественно благодаря св. Августину, написавшему обширные трактаты против учителей этой веры, после того, как он был их учеником. На востоке секта была почти искоренена жестокими преследованиями Юстиниана; но она возникла вновь в Малой Азии. Находят павликиан в Армении (VII—XII в.), *богоми-*

лов во Фракии (X—XI в.). Византийские императоры, особенно Алексей Комнин, преследовали этих безвредных сектантов огнем и мечом. В XI веке манихейство, занесенное левантийской торговлей, проникло в южную Францию и зародило там могущественную секту *катаров*, которую инквизиция уничтожила без остатка. Мы расскажем ниже эту печальную историю, при изложении судеб средневекового христианства.

28. Фантастичное смешение вавилонских, персидских, еврейских и христианских идей характеризует секту *мандеян*. Их наименование происходит от слова Мàнда—знание, соответствующее греческому *гнэсис;* итак мандеяне—гностики. Мани в своей юности, принадлежал к этой секте. Магомет упоминает о ней, рядом с еврейством и христианством. Мандеяне имеют сборник священных книг, называемый *Джинза*, основы коего относятся к Сассанидской эпохе. Основным их обрядом является крещение, которое ими применяется, почему их стали называть «Сабеями—баптистами» или даже «христианами Св. Иоанна», несмотря на их враждебность к христианству. В *Джинзе* они обыкновенно именуют себя *Назарайе* (т.-е. назареями), что естественно вызывает удивление, но это название может быть производимо лишь от слова *назир*, означающего «чистый», и, конечно, не имеет никакого отношения к Назарету. В глазах мандеян, Иоанн Креститель был подлинным пророком, а Иисус—обманщиком. Их мораль осуждает безбрачие и всякого рода аскетизм; они совершают род причащения, употребляя хлеб без квасцов и воду, к которой добавляют иногда вино. Вход в храмы дозволен только священнослужителям и они сооружаются всегда около текучей воды, называемой

Иорданом. Не невозможно, что Иоанн Креститель принадлежал к какой-либо первоначальной секте мандеян; если они в то время уже называли себя назареями, то мы в этом имели бы объяснение предания, указывающего на Назарет, как на место рождения Мессии, который сам именуется Назарянином.

29. Что особенно интересно в мандеизме, так это то, что он сохранил, хотя бы отчасти, свои древние писания, в которых можно найти, устранив позаимствования, известное количество полу-ученых понятий, господствовавших в эпоху до Р. Хр. в Персии, в Вавилонии и, может быть, в Сирии. Отсюда и кой-откуда еще черпали свои мысли секты, именуемые *гностическими*, против которых Церковь вела долгую борьбу и которые, за исключением мандеян, нам известны только по сочинениям их противников, ортодоксальных богословов, т.-е. по ряду клевет и оскорблений.

БИБЛИОГРАФИЯ.

I.—Самым богатым источником сведений является: Bühler, *Grundriss der indo-arischen Philologie*, 1896 и след.

1.—Hirt, *Die Indogermanen*, 1905; Zaborowski, *Les peuples aryens*, 1908; S. Reinach, *L'origine des Aryens*, 1892.

4.—Barth, *Les religions de l'Inde*, 1870 (многочисл. изд. и перев.); E. Hardy, *Indische Religionsgeschichte*, 1904; M. Müller, *Essays* (trad. fr., 1872, 1873).

7.—S. Levi, *Histoire ancienne de l'Inde*, in *Journ des Sav.*, 1905, p. 534.

8.—V. Henry, *La magie dans l'Ind entique*, 1904.

9.—L. de Milloué, *Métempsychose et ascétisme* (in *Conf. Guimet*, 1901, p. 135); cf. S. R., *Cultes*, t. I, p. 47 (*métempsychose et totémisme*).

14.—Bergaigne, *La religion védique*, 3 vol., 1878—1883; *Dieux souverains de la relig. védique*, 1877; Oldenberg, *Die Relig. des Veda*, 1894 (франц. пер.; cf. Barth, *Journ. des Sav.*, 1896, p. 133); Bloomfield, *The Atharveda*, 1899 (cf. *Journ. des Sav.*, 1906, p. 657).

20.—Gough, *The philosophy of the Upanishads*, 1882.

21.—Buhler, *The laws of Manu*, 1886 (cf. Dareste, *Journ. des Sav.*, 1884, p. 45).

22.—Deussen, *Gesch. der Philosophie*, t. I, 1894; Max Müller, *Six Systems of Indian philosophy*, 1900.

23.—G. Bühler, *Die Jainas*, 1881.

24.—Eug. Burnouf, *Introd, à l'hist. du bouddihsme*, 1844 (1876); Rhys Davids, *Earty buddhism*, 1908; E. Hardy, *Buddha*, 1903; H. Oldenberg, *Bouddha*, 4-e ed., 1904;* русск. пер., 2 изд., М. 1891; Senart, *La légende de Bouddha*, 1876; *Origines bouddhiques* (*Conf. Guimet*, 1907, p. 115); A. Fouché, *L'Art gréco-bouddhique du Gandhâra*, 1905 (cf. Perrot, *Journ. des Sav.*, 1906, p. 345).—*В. П. Васильев, *Буддизм, его догматы, история и литература*, ч. 1 и III, СПБ. 1857—69; И. П. Минаев, *Исследования и матерьялы*, СПБ. 1887; С. Ѳ. Ольденбург, *Буддийские легенды*, СПБ. 1894.

25.—Sénart, *La légende de Bouddha*, 1876 (1882);cf. Renan, *Journ. des Sav.*, 1883, p. 177.

27.—Sénart, *Castes dans l'Inde*, 1896; Bouglé, *Régime des castes*, *Année sociol.*, 1900).

31.—Edmunds, *Buddhist and christian Gospels* (Tokyo), 1905;Seydel, *Die Buddhalegende und das Leben Jesu* 2-e ed., 1897 (cf. L. de la Vallèe Poussin, *Rev. bibl.*, juill. 1906); E. Kuhn, *Barlaam u. Joasaph*, 1897 (cf. Saintyves, *Les Saints*, 1907, p. 178); S. Lévi, *Rev. des Etudes grecques*, 1891, p. 28 (эдикты Асоки). *На русск. языке о Варлааме и Иосафате ст. А. Н. Веселовского в *Журнале М-ва Нар. Просв.* 1877 г. № 7 и в 34-м т *Записок Академии Наук*, а также Пыпин, *Очерк литературной истории старинных повестей*. СПБ. 1858.

33.—Stan. Julien, *Voyages des pèlerins bouddhistes*, 3 vol., 1853—1858; Vincent A. Smith, *Asoka* 1901.

34.—Edkins, *Chinese buddhism*, 1880.

35.—Grünwedel, *Mythol. du buddhisme en Tibet et en Mongolie*, 1900; *Der Lamaismus* (in *Die oriental. Religionen*, 1906, p. 136); L. de Milloué, *Le Tibet* (in *Conf. Guimet*, 1901, p. 1); Goblet d'Alviella, *Moulins à prières* (in *Rev. Univ. Brux.*, 1895, p. 641); *М. Позднеев, *Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии*, СПБ. 1887.

6.—L. Feer, in *Annales du Musée Guimet*, t. II et V.
37.—Barnett, *Hinduism* 1906; Monier-Williams, *Brahmanism and Hinduism* 4-e éd., 1891; A. Lyall, *Asiatic Studies*, 2-e éd., 1899 (trad. fr.).
38.—Dahlmann, *Das Mahâbhârata*, 1895 (cf. Barth, *J. des Sav.*, 1897, p. 221); Jacobi, *Das Râmâyana*, 1893. *На русском языке содержание Магабхараты и Рамаяны изложены И. П. Минаевым в его *Очерке важнейших памятников санскритской литературы* (во «*Всеобщей истории литературы*» Корша, т. 1, СПБ. 1880).
42.—E. Trumpp, *Die Religion der Sikhs*, 1881.
43.—G. d'Alviella, *L'évol. relig. chez. les... Hindous*, 1884; L. de Milloue, in *Conf. Guimet*, 1901, p. 81; S. Lévi, *Ibid.*, 1907, p. 193; Auzuech, in *Rev. clergé français*, 1-er juin 1908, p. 563.
II.—Geiger und Kuhn, *Grundriss der iranischen Philologie*, 1895—1904; J. Darmesteter, *Ormazd et Ahriman*, 1876; *Le Zendavesta*, 3 vol., 1892; V. Henry, *Le Parsisme*, 1905.
1.—Первое появление Арийцев: *L'Anthropologie*, 1908, p. 314.
3.—Bréal, *Le Zendavesta*, in *J. des Sav.*, 1894, p. 5; J. Mohl, *Le livre des Rois*, 7 vol., 1836—1855.
5.—W. Jackson, *Zoroaster*, 1899. * Б. Тураев, *История древнего Востока*, ч. II, 2 изд. СПБ. 1914.
8.—Söderblèm, *Les Fravashis*, *in Rev. hist. relig.*, 1899.
12.—Söderblèm, *La vie future d'après le mazdéisme*, 1901.
15.—Cumont, *Mystères de Mithra*, 2 vol., 1890—1896 (тоже, в сокращении, 1902; того-же: ст. *Mithra* в словарях Roscher и Saglio.)
19.—Нравственное учение Мифраизма: S. R., *Cultes*, t. II, p. 220.
20.—Ст. *Mani*, в Encycl. de Hauck, и *Manichéens*, в *Dict. Hist.* de Bayle; De Stoop, *La diffusion du manichéisme dans l'Empire romain*, Gand, 1909.
28.—Ст. *Mandäer*, у Hauck; V. Brandt, *Die mandäische Religion*, 1889.* Болотов, *Лекции по истории церкви*, т. II.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ГРЕКИ И РИМЛЯНЕ.

СОДЕРЖАНИЕ. I. Мифы и обряды.—Эгейская и микенская религии.—Крит.—Нашествие дорийцев.—Греческий антропоморфизм.—Анимизм.—Олицетворения.—Культ мертвых.—Вера в загробную жизнь.—Тотемизм.—Метаморфозы.—Метемпсихоз.—Орфей.—Жертва бога.—Антей, Ипполит, Фаетон, Прометей—Плач по погибшим богам.—Обряды во время жатвы.—Магия.—Иерогамия.—Маскарады.—Влияние произведений искусства на мифы.—Обожествленные эпитеты.—Иноземные боги в Греции.—Терпимость греков; смерть Сократа.—Жрецы и прорицатели; оракулы. — Инкубация. — Жертвоприношения. — Очищения.—Праздники.—Мистерии.

II. Римляне и этруски.—Греческие влияния.—Анимизм; многочисленность богов.—Лары и пенаты.—Олицетворения.—Фетиши.—Священные деревья и животные.—Табу.—Секретные имена.—Магия.—Храмы.—Римский пантеон: двенадцать великих богов.—Верования в будущую жизнь.—Погребальные обряды.—Жреческие коллегии.—Жертвоприношения.—Книги Сивилл.—Водворение иноземных божеств.—Дело о вакханалиях.—Влияние восточного духовенства.—Религиозная и национальная реакция во времена Августа; культ императоров.—Вавилонская астрология и римское язычество.—Мистицизм.

I.

ГРЕКИ ИЛИ ЭЛЛИНЫ.

1. Религии Греции нам известны, по памятникам и по текстам, на пространстве времени, превышающем двадцать столетий. Они за столь продолжительный период подвергались, конечно, многочисленным изменениям и мы можем легче передать их историю, чем представить связную картину их сущности и взаимоотношений.

2. Начиная с Гомера и Гезиода, поэты старались изукрасить вымыслы далекого прошлого, мифографы работали над приведением их в порядок и согласованием, а философы над их объяснением и уничтожением; однако, основа религии несравненно древнее литературы, ее затрагивающей. Эта основа раскрывает перед нами, благодаря первобытным памятникам творчества, а еще больше благодаря анализу религиозных обычаев, обрядов, являющихся часто пережитками представлений, отзвуком которых их следует признать, при чем обряды остаются теми же, как бы застывают, в то время, когда представления, на которых они основаны, подвергаются коренным изменениям. В свою очередь, обряды, ставши непонятными людям, их исполняющим, порождают новые мифы. Так было повсюду, но в Греции более, чем где-либо, потому что греки, будучи любопытными и остроумными, стремились объяснить посредством повестей обычаи, которых они более не понимали, и придумали при этом некоторые восхитительные рассказы.

Можно предоставить истории литературы подробное изучение этих мифов, обязанных своим возникновением или развитием воображению поэтов и проницательности мифографов. Знакомство с эллинскими сказками, которыми еще и теперь вдохновляются и литература, и изобразительное искусство, необходимо для всякого культурного человека; здесь мне придется удовольствоваться приведением мимоходом нескольких образчиков их.

3. Раскопки в Трое, Микенах, на Аморгосе, Мелосе, Крите, произведенные с 1870 по 1900 г., пролили некоторый свет на религиозные представления, господствовавшие в греческих

странах за десять слишком веков до Гомеровской эпопеи. Мало представляет значения решение вопроса, говорили ли люди того отдаленного времени на греческом языке, или на каком-либо другом; их верования не погибли для их преемников, как не погибли верования хананеев для еврейских их завоевателей.

4. В могилах, относящихся, приблизительно, к 2.500 году до Р. Х., были найдены плоские статуэтки из мрамора, изображающие голую богиню; это, может быть, изображения Матери Земли, гостеприимной по отношению к покойникам. Аналогичная фигура встречается на вавилонских цилиндрах, при чем она обыкновенно изображается стоящею на пьедестале и в меньшем масштабе, чем остальные фигуры; я думаю, что здесь мы имеем воспроизведение статуи, захваченной каким-либо вавилонским царем у одного и малоазийских народов и принесенной в Вавилон в составе военной добычи.

5. В Трое, в очень древних слоях (ок. 2.500 г. до Р. Хр.), нашли глиняные вазы, украшенные головою, ниже которой находятся женские груди в крайне грубой передаче; голова настолько похожа на совиную, что заставила тотчас подумать об эпитете Афины у Гомера: «богиня с совиными глазами или с совиным лицем», *главкопис*. В Микенах выкопали голову телицы из серебра, напоминающую тоже Гомеровскую Геру *боопис*, «с глазами или лицем телицы». Много других данных как в памятниках, так и в текстах, свидетельствуют о пережитках культа животных, как в Египте, где божества с головами животных и человеческими телами долго изображались в живописи и ваянии.

6. Крит и другие острова доставили множество резных камней, относящихся приблизи-

тельно к 2.000 г. до Р. Хр., на которых изображены демоны с головами зверей. Некоторые из этих типов сохранились вплоть до классической эпохи; достаточно напомнить о критском Минотавре, о сиренах и кентаврах, этих звериных изображениях, не вполне еще очеловеченных.

7. Позднейший шаг вперед освободил человека от признаков животного и преобразил последнего в спутника или в атрибут божества; это наблюдение применимо к одной критской богине, сидящей между двумя львами и аналогичной с классической Кибелою, или к другой, держащей двух змей, как аркадская Артемида, к третьей, которую сопровождают два голубя, как кипрскую Афродиту-Астарту. Культ деревьев и священных столбов установлен находками как на островах Архипелага, так и в Финикии. Колонна между двумя львами, венчающая Микенские ворота, есть ничто, может быть, иное, как одно из этих божеств без человеческих черт, именуемых *аниконическими*.

8. В дворце Кносса, на Крите, нашли священные столбы, ничего не поддерживающие, на которых вырезаны двойные топоры; тот же предмет встречался и в других местах, иногда высеченным или писанным, а иногда и из металла. Двойной топор назывался *лабрис;* было высказано предположение, что знаменитый *Лабиринт* Кносса был «дворцом лабриса, т.-е. двойного топора». Это название встречается в Карии, где вплоть до торжества христианства процветал культ «Зевса двойного топора», Зевса святилища *Лабранды* в Карии. Предлагали даже признать преобразование названия и самой формы топора *лабрис* в *лабар* или знамя с изображением креста, данное войскам Константином в 312 г.

9. Одна часовня дворца в Кноссе содержала в себе равнобедренный крест из мрамора,—доказательство религиозного значения этого символа более, чем за пятнадцать столетий до Иисуса Христа. Другая форма креста, называемая гаммическою или *свастикою* (санскритское слово), встречается очень часто в Трое (на вотивных предметах) и на Кипре; она появляется вновь на греческой глиняной посуде около 800 г., затем на архаических монетах и становится редкою в классическую эпоху, появившись вновь в христианскую, в римских катакомбах и на погребальных стелах Малой Азии. *Свастика* еще часто встречается в буддийском искусстве Индии и Китая. Может быть, этот таинственный знак, которому литература Индии приписывает магическое значение, возник из стилизации изображения большой птицы, напр., цапли, священный характер которой настолько сохранился в наших странах, что никогда не убивают этих пернатых. В северной Греции, во времена Аристотеля, убийство цапли считалось уголовным преступлением.

10. Раскопки на Крите открыли нам еще существование священных пещер, алтарей, украшенных рогами, как те, о которых упоминается в книге Исхода, жертвенных столов ex-voto из глины и металла. Жертвоприношения соединялись постоянно с сожжением подносимого божеству. Самым распространенным похоронным обычаем являлось погребение. Царские могилы, открытые на Микенском акрополе, были наполнены драгоценными предметами, свидетельствуя, как и соседние куполообразные могилы, о религиозной заботливости по отношению к покойникам.

11. Около 1.100 г. до Р. Х., нашествия се-

верных племен, из которых самым воинственным было Дорийское, положили внезапно конец этой блестящей цивилизации, которую называют: *эгейскою* в начальной ее стадии, *минойскою* в эпоху ее расцвета и *микенскою* к концу ее существования. Несомненно, что основа гомеровских поэм относится к микенской эпохе, хотя свой окончательный вид они получили только около 800 г. Вследствие нашествий, пластическое искусство было задержано на довольно долгое время. Первые греческие идолы, исполненные около 750 г., почти столь же грубы, как троянские, изготовлявшиеся за 2000 лет ранее их. Через два с половиною столетия после нового возникновения искусства Греция исполняла уже дивные произведения под влиянием племен, изгнанных из нее вторжением иноземцев, но сохранивших на берегах Азии и Кипра традиции микенского искусства, а также под влиянием Египта, небольшие идолы которого из фаянса и бронзы распространились путем торговли по всему греческому миру.

12. Со времен Гомера греческая религия характеризуется тою особенностью, которая именуется *антропоморфизмом*. Боги имеют вид людей и имеют общение со смертными без всякого стеснения. Даже будучи разгневанными, они не бывают неумолимы; хотя они и сверхчеловечны, но не чудовищны. Рассказы о них рисуют их доброжелательными и доступными. Конечно, есть и исключения: есть мифы кровавые, а также смехотворные, наследство далекого прошлого, принятое греками не без сожаления; в общем, однако, мы имеем дело с верованиями мягких и разумных людей, которые добросовестно исполняют обряды, завещанные предками, чужды всякого мрачного фанатизма и имеют

такой вид, точно говорят своим богам, как Спиноза Вольтера говорил своему богу: «но я думаю, между нами, что вы не существуете».

13. Следует, однако воздержаться от суждения о греческой религии, в ее целости, по поэтам и философам литературных веков. Она не начала, как мы уже видели, прямо с антропоморфизма, и если впоследствии искусство и рационализм глубоко проникли в нее, то в самом начале она была религиею без изображений и без улыбки, настоящею религиею первобытных людей.

14. Когда исследуешь древнейшую основу греческих религиозных верований, при свете пережитков и старых обрядов, то поражаешься, видя, что эта основа тожественна с основою всех других религий, даже наиболее диких. Однако, там, где австралиец останавливается окончательно, грек проходит, задерживаясь лишь на короткое время.

Факторами религии и мифологии являются здесь, как и всюду, анимизм, тотемизм и магия.

15. Анимизм снабжает душою и волею горы, реки, скалы, деревья, камни, небесные светила, землю и небо. Дерево, столб, отверстие скалы оказываются местопребыванием или троном невидимых духов. Эти духи являются позже в представлении и в изображениях в виде животных, еще позже в образе людей. Источник представляется лошадью: это Пегас, конь Аполлона, который заставляет появиться на Парнасе источник Иппокрены. Река—бык с человеческим лицом, хотя греки, собственно, не любили этих двусмысленных изображений. Лавр — Дафна, преследуемая Аполлоном; дуб—это сам Зевс, прежде, чем он стал деревом Зевса, а Дионис стал, в представлен и греков, жить в дереве,

когда он перестал быть самим деревом. Земля—это Гея, наполовину выходящая из почвы в виде женщины, умоляющей небо оросить ее. Небо—Уран, сын Времени и отец богов.

16. Поддержанный искусством, греческий анимизм снабжает «телом, духом, лицом» все даже самые отвлеченные представления, и это стремление не заглохло вплоть до конца языческого периода; Греция создала изображения Мира, Согласия, Милосердия и т. п. Одарив мыслью все тела, она одарила телом все мысли.

17. Представление о душе, отделенной от плоти—прямое последствие анимизма. Инстинкт подсказывает его, а мечта подтверждает. Греки изображали души умерших в виде небольших крылатых существ, как-то птиц, змей, бабочек (греческое слово *психе*, душа, означает тоже бабочку). У них существовали противоречивые учения о судьбе умерших, которые, впрочем, получили разви ие разновременно. Самое, повидимому, древнее учение состоит в том, что покойник продолжает пользоваться под землею мрачным существованием, но которое должно быть сделано приятным для того, чтобы дух его не стал зловредным. Кладут рядом с покойником его любимые предметы, его оружие, лепные или живописные изображения, относящиеся к его земной жизни; главным образом, ему совершают возлияния, жертвоприношения, и этот культ, воздаваемый предкам, создал сперва семейные узы, а затем и гражданские союзы. Покойники остаются друзьями своих наследников, их советчиками: именно у гробни(вождей, предков могущественных родов, раздались первые прорицания оракулов. Эти покойники, к которым взывают, как христианство призывает святых, именуются *героями*. Погре-

бальные обряды продолжают заключать в себе то представление, что герои обитают в гробницах, еще и тогда, когда уже сложились другие идеи и когда героям отводят более отдаленные местопребывания.

18. Душа, освобожденная от тела огнем костра, возносится на небо, к светилам; или она предпринимает продолжительное путешествие под землею, ведомая Гермесом-психопомпом (т.-е. проводником душ); или, наконец, она улетает, под видом птицы, в далекую страну, лежащую на западе, туда, где заходит солнце, где находятся острова Блаженных. Распространенное верование учит, что душа проникает в Аид, переправившись через реку преисподней, Стикс, на ладье старого перевозщика Харона, требующего, в виде платы за перевоз, тот обол, который кладут в рот покойнику. В Аиде душа должна предстать пред тремя судьями, Миносом, Эаком и Радаманфом, которые при жизни были справедливыми судьями; осужденная за грехи, она будет страдать в Тартаре; награжденная за добродетель, она будет жить в Елисейских Полях, которые помещаются то под землею, в соседстве с Аидом, то где-то далеко, там, где царит вечная весна. Придумали даже некие *преддверия рая*, место пребывания детей, умерших совсем маленькими, и чистилище, где не слишком строгие взыскания очищали души. Греки имели много других представлений о загробном мире, но не дали себе труда составить из них стройной системы, может быть, потому, что к тому времени, когда они легко могли бы это сделать, они уже не верили серьезно в будущую жизнь.

19. Тотемизм оставил в Греции глубокие следы. Прежде всего, существуют присвоенные отдель-

ным богам животные, которые, в более отдаленные времена, сами были богами: орел Зевса, сова Афины, коза Артемиды, дельфин Посейдона, голубь Афротиды и т. д. Священное животное может стать с течением времени спутником бога, но также его врагом или же жертвою. Так, Аполлон *Савроктон*, как указывает этот эпитет, является истребителем ящериц; но в начале сама ящерица была божественным животным. Мы уже видели, что кабан, прежде чем стать убийцею Адониса, был сам Адонисом. Животное может быть посвящено нескольким божествам сразу, из которых каждое унаследовало несколько циклов животных легенд: так, волк одновременно сопутствует Аполлону и Арею; бык олицетворяет как Зевса, так и Діониса. Греки распределили своих тотемов между своими богами.

20. Греческая мифология передает многочисленные сказания о богах и героях, обращенных в животных, в деревья, в камни; это так называемые *метаморфозы*. Метаморфоза является религиозно-историческим повествованием, рассказанным в обратном порядке. Так, согласно преданию, Зевс принимает облик лебедя, чтобы прельстить Леду, которая производит от него яйцо. Эта басня должна была возникнуть у племени, имевшего лебедя в качестве своего тотема, которое приписывало ему божественные качества и допускало, что священный лебедь мог быть отцом человеческого ребенка. Близнецы Леды, Діоскуры Кастор и Поллукс, летят через воздушное пространство на безкрылых лошадях и появляются нежданно среди людей: дело в том, что в начале они были зачаты, как лебеди, и что рассказы о их *ѳеофании* (божественном явлении) считались с их первоначальною при-

родою. Дафна, преследуемая Аполлоном, превращается в лавровое дерево; объясняется это превращение тем, что Дафна, божественный дух лавра, листья которого возбуждают пророческий бред, тесно связан с культом Аполлона. Ніоба, оплакивающая своих детей, становится скалою, из которой капают слезы; дело в том, что скала Ніоба на Сипиле была божественною скалою, которая *плакала*, и что антропоморфизм должен был придумать сказание, чтобы объяснить ее печаль.

21. Наконец, не только многие греческие роды, ставшие племенами, носят названия животных (как *мирмидоны* или муравьи, *аркадяне* или медведи), но Греция сохранила память о племенах, которые, считая себя в союзе с вредными животными, по общему убежденію, не подвергались опасности со стороны последних. *Офиогены*, жившие во Фригии, происходили, по их уверенію, от героя-змея и хвалились способностью исцелять укушенных змеями. Известно много греческих преданий о животных, оказывающих людям помощь, как, например, дельфин, который спасает Ариона. Даже после торжества антропоморфизма, греческое искусство изображало некоторые божества, как делали это постоянно египтяне, с головою, телом или частью шкуры животного, которые собственно и раскрывают перед нами их первоначальную природу: тритоны имеют тело рыбы, фигалийская Деметра имеет лошадиную голову, Геракл, представляемый в Лидии под видом льва, носит на себе львиную шкуру, как лисица-Орфей носит на плечах лисий мех.

22. Представленіе о метемпсихозе, этом крайнем выводе тотемизма, существовало в Греціи, как и в Индии, в виде народного верования;

оно получило свое мистическое и поэтическое выражение в орфизме, а философское—у пифагорейцев. Пифагор, этот странный человек, в некоторых отношениях напоминающий человека-врача краснокожих, утверждал, что он сохранил воспоминание о своих прежних воплощениях: он жил, будто, между прочим, в теле павлина. Орфей, считавшийся греками древнее Гомера, был в их глазах героем-цивилизатором, отучившим фракийцев от людоедства и обучившим их полезным искусствам. В действительности, он был древним тотемическим божеством северной Греции, при чем его насильственная смерть и воскресенье были предметами веры мистического культа, Этот культ имел удивительный успех: он не только распространился во всем греческом мире и в Южной Италии, но и вдохновил таких философов, как Пифагор и Платон, давших более или менее философский вид связанным с ним представлениям.

23. Орфизм имел свое собственное учение о первородном грехе: душа была заключена в тело, как в некую темницу или могилу, в наказание за весьма древний грех, совершенный предками человека, титанами, коварно убившими молодого бога Загрея.

24. Распространяли, приписывая их Орфею, длинные поэмы, между прочим, сказание *о сошествии в Ад*. Посвящение в орфические мистерии, совершавшееся жрецами-чародеями и врачевателями, имело целью избавить душу от «круговорота возрождений»; эта мысль тожественна с буддистскою, хотя и нет необходимости предполагать здесь влияния Индии на Грецию. Нужно было, для того, чтобы не возродиться вновь, научиться известным магическим формулам; покойник, допущенный испить

от некоего источника живой воды, сбрасывал свою телесную природу, в которой пребывал грех, и, таким способом очистившись, «царил между героями». Эти идеи, считавшиеся христианскими, выражены в IV эклоге Вергилия, а еще с большею ясностью—в отрывках небольших стихотворений, выгравированных на золотых пластинках, найденных на Крите и в Южной Италии около костяков покойников, посвященных в мистерии. Существует явная аналогия между этими пластинками, путеводительницами умершего в его загробном путешествии, и многословною *Книгою мертвых* Египта; но и здесь ничто не заставляет предполагать непосредственное влияние: дорога религиозного шарлатанства столь узка, что на ней можно легко встретиться, не ища друг друга.

25. Первоначальное жертвоприношение самого божества, сопровождаемое обычно поеданием бога или приобщением к себе бога, увековечилось в обрядах и, ставши непонятным, было причиною возникновения многочисленных сказаний. Для того, чтобы понять их зарождение, необходимо считаться с двумя существенными элементами тотемической обрядности: с *ряжением* или *маскарадом* и с *присвоением имени*. Так как целью жертвоприношения тотема является обожествление, освящение верующих, которые в нем участвуют, и стремление сделать их, насколько возможно, схожими с самим богом, то верующие стараются усилить это сходство, присваивая себе имя бога и облекаясь шкурами животных одной с тотемом породы. Так, афинские девушки, участвующие в культе Артемиды-медведицы, одеваются медведицами и называют себя медведицами; менады, приносящие в жертву молодого оленя Пенфея, закуты-

ваются в оленьи шкуры. Даже в более поздних культах, мы видим поклонников Вакха, присвающими себе название *Вакхов.*

26. Существует целый ряд сказаний, могущих ныне быть признанными древними полу-рационалистическими объяснениями жертвоприношений, связанных с «приобщением» верующих. Актеон—большой олень, приносимый в жертву женщинами, называющими себя большою ланью и маленькими ланями; из этого обряда создалось представление о неосторожном охотнике, обращенном богинею в оленя, за то, что он увидел купающуюся Артемиду, и истерзанном собственными собаками. Собаки в этом рассказе—простой *эвфемизм* (замена неприятного выражения более приемлемым); в первоначальной легенде оленя растерзывают его поклонники и съедают с увлечением. Эти религиозные трапезования, на которых уничтожалось сырое мясо, назывались в Греции *омофагиями:* они сохранялись в таинственных культах еще долго после того, как люди отказались от поедания мяса в сыром виде. Орфей *(офрес*—нахмуренный), который появляется в искусстве с лисьей шкурою на голове, был просто священною лисою, растерзываемою женщинами «лисьяго» рода; эти женщины носили в легенде название *Бассарид*, а *бассаревс* есть одно из древних наименований лисицы. Пенфей был молодым оленем, которого разорвали таким же образом; позже выдумали басни, чтобы объяснить, за какое преступление было с ним так поступлено; но разноречивость этих басен явно доказывает, что они поздние и что единственным верным фактом, удостоверяемым обрядовою стороною культа, является убийство и поедание бога. Загрей, сын Зевса и Персефоны, для того, чтобы спастись от тита-

нов, которых натравила на него из ревности Гера, преобразился в быка; титаны, будучи поклонниками священного быка, убивают его и съедают; в обряде, посвященном Загрею, продолжали призывать его под наименованием «доброго быка», и когда Загрей, милостью Зевса, возрождается под именем Диониса, молодой бог носит на лбу рога, свидетельствующие о его первоначальной животной природе.

Ипполит, согласно сказанию, есть сын Тесея, который отвергает любовь Федры, своей мачехи, и погибает жертвою своих взбесившихся коней, потому что Тесей, обманутый Федрою, возбудил против себя гнев божества. Между тем, слово Ипполит означает по-гречески «разорванный лошадьми». Ипполит—сам конь, которого поклонники коня, обряженные в лошадей и сами себя называющие конями, разрывают и съедают.

Фаэтон (= светящийся, блестящий) был сыном Аполлона, испросившим у отца позволения править солнечною колесницею; он плохо ею правит, чуть чуть не воспламеняет весь мир и кончает тем, что погибает в волнах моря. Это сказание является отголоском древнего обычая, существовавшего на острове Солнца, Родосе, где ежегодно загоняли в море белого коня, запряженного в горящую колесницу, в качестве *помощи* усталому Солнцу; ежегодное падение в волны *Фаэтона* получило свое объяснение в сказании об однократном происшествии, ограниченном в пространстве и во времени.

Прометей, по известному рассказу, был хитрым титаном, укравшим у неба огонь и подарившим его людям. Зевс наказал его за воровство, приковав его к скале, где орел съедает его печень, постоянно вновь вырастающую. Но орел, в первоначальных мифологиях, является

тою птицею, которая поднялась до солнца, чтобы похитить у него огонь и принести его людям; с другой стороны, орла не может поразить молния, почему ими пользуются, как громоотводом, и прикрепляют его к крыше зданий. Отсюда наименование *орлами (аэтой)* фронтонов греческих храмов; отсюда же и легенда о Прометее, которая является как бы ответом на следующий воображаемый наивный диалог: «Почему этот орел пригвожден к крыше?» «Это наказание за то, что он украл огонь с неба». Первоначальная легенда относилась к наказанию орла; когда заменили орла-*прометея* (= «прозорливый»—название орла, как порицательной птицы) титаном Прометеем, то орел остался в сказании, но из жертвы превратился в палача-мучителя. Я мог бы привести еще много подобных примеров; приведенные мною могут вполне удовлетворительно пояснить собою метод, применяемый во множестве случаев с удивительною легкостью.

27. Принесенное в жертву священное животное никогда не умирает окончательно, так как, после нескольких дней «траура» по нем, отыскивают ему преемника, животное той же породы, которое и остается священным и неприкосновенным в течение целого года. Так объясняется воскресение такого количества богов и героев, объясняется то обстоятельство, что показывают их гробницы, что в честь их установлены культы, что их признают живущими среди других богов. Сказанное касается всех героев, мною выше приведенных; относительно большинства их предание сохранило память об оплакивании их смерти, о радости по случаю известия о их воскресении. Когда сближаешь эти факты с тем, что происходит между страст-

ною пятницею и пасхальным воскресением во всей Европе, понимаешь, как представление об умершем, а затем воскресшем Боге тем легче могло внедриться в умы, что оно было уже ранее очень распространено в низших слоях общества. Становится тоже понятною идея поедания Божества, мистического единения верующих с Богом посредством причастия; все это в христианстве наших дней является очищенным пережитком самых ранних тотемических обрядов, феофагических обычаев далекого прошлого.

28. Антропоморфизм привел к тому, что идея заклания бога ослабла, а укрепилась идея заклания жертвы, в качестве дара или искупления. Жертвенный дар находится на первом плане в греческой религии классического времени; жертва приобщения практикуется только в самых древних культах, и то всегда тайно, в среде посвященных. В самых знаменитых греческих мистериях, а именно Элевсинских, близ Афин, мы находим следы приобщения, заключающиеся в трапезе, за которою не разделяли между собою тело животного, а вкушали священную муку и божественное питье. Может быть, в более раннюю эпоху, когда еще было неизвестно возделывание злаков, верующие или посвященные ели и пили мясо и кровь священных поросят; жертвоприношение поросят играет еще значительную роль в классическую эпоху, в обрядах, посвященных Элевсинским божествам. Как бы это ни казалось странным, следует признать, что Деметра и ее дочь Персефона, подобно Астарте Библоса, первоначально были дикими свиньями.

29. Когда предки греков стали земледельцами, тотемические обряды номадов и пастухов не исчезли, но получили новое объяснение. Так,

жнецы ловят животное, скрывающееся в последних снопах, или изготовляют из соломы подобие этого животного, убивают его, сжигают и пускают по ветру пепел, в том убеждении, что *дух урожая*, охраненный таким способом от зимней гибели, останется в полях, как оплодотворяющая сила. Приносимые, таким образом, в жертву животные или их подобия не что иное, как древние тотемы, и обычай оплакивать их после смерти, призывать их к новой жизни молитвами остался в силе. Заслуга Маннгардта (†1876) заключается в том, что он доказал общераспространенность этих обрядов во всей Европе и даже за пределами ее; сравнение их с обрядом тотемического жертвоприношения, освещенного Робертсоном Смитом (†1894), позволило объяснить целый ряд религиозных обычаев, бывших непонятными нашим предшественникам.

30. Волхвование, в Греции, как и везде, является основным содержанием культа; культы классической эпохи не что иное, как магические церемонии, очищенные, с одной стороны, рационализмом, а с другой—измененные в подробностях, в соответствии с сравнительно новым представлением о жертве, имеющей смысл дара. Но волхвование или магия была также матерью сказаний. Любопытный образец мы имеем в рассказе о Данае, этой царевне, заключенной отцом в башню, которую Зевс посетил под видом золотого дождя. Раньше признавали в этом рассказе аллегорию: рассказ, будто, доказывает, что с помощью золота всегда удается проникнуть через всякие запоры и решетки. Удовлетворяющиеся такими глупыми объяснениями не должны бы заниматься мифологиею. *Даная* по-гречески означает Землю или богиню Земли. Даже еще в наши дни, в Румынии,

Сербии, в некоторых немецких землях, когда долго не бывает дождя, его вызывают посредством обряда, вытекающего из принципов симпатической магии: обнажают молодую девушку и обливают ее торжественно водою. Природа, побуждаемая чувством соревнования, поступает по отношению к земле так, как люди поступали по отношению к девушке. Этот небесный дождь — настоящее золото, падающее с неба: это Небо-Зевс, посещающий под этим плодотворным видом Землю-Данаю. В глубокой древности, наверно, в Арголиде, девушка, обливавшаяся таким образом, называлась Землею, Данаею, для того, чтобы соответствие имени подкрепило силу обряда, которым вымаливался небесный дождь; тут, как и в тотемических обрядах, мы имеем пример присвоения имени».

31. Немало других земледельческих обрядов основаны на симпатической магии. Брак бога с богинею, олицетворяемых жрецом и жрицею, дают повод для установления ежегодной *иерогамии*, при чем предполагается, что пример не пропадет даром для матери-природы; так, в Афинах жена архонта-царя симулирует брак с жрецом Диониса для того, чтобы обеспечить плодовитость виноградной лозы. В Элевсине и других местах происходило нечто подобное; из этих обрядов вывели мифы, например, касающиеся связей Деметры, бродящей в поисках за дочерью, с местными героями Аттики. Древние верили, и наши современники долго думали, что обряды являлись воспоминанием мифов, тогда как многие мифы, в действительности, были придуманы для объяснения обрядов, когда их первоначальное значение было уже забыто.

32. Одним из приемов подражательной магии является употребление личин, маскарады: иеро-

гамии, о которых мы говорили, были личиною, видимостью брака. В Австралии, дети, имеющие быть посвященными в мистерии племени, подвергаются подобию жертвоприношения или удаляются в лесные дебри, откуда через некоторое время возвращаются, делая вид, что они там умерли, что они вернулись к жизни и что им приходится учиться сызнова говорить. Крещение есть, в основе, подобие потопления. Когда христианский священник говорит детям, принявшим первый раз причастие, или новобрачным, что *они возродились к новой жизни*, то он употребляет условную формулу, потерявшую свой глубокий смысл; первоначально всякое посвящение заключало в себе два действия: личину смерти и возвращение к жизни. Этим объясняется одевание покрывала посвящаемыми, невестами, умирающими. Несмотря на незначительность известий о греческих мистериях, несомненно, что в Элевсине посвящаемые ввергались в тьму, на них нагонялся страх мрачными видениями смерти, затем их внезапно освещали ослепительным светом и как бы вызывали вновь к жизни. Говорили, что это была картина неизбежной смерти и славной жизни, которая должна была за нею следовать. Но это не было только картиною. В обряд посвящения входили некоторые телодвижения, некоторые слова, которые требовалось произносить после смерти и которые должны были обеспечивать спасение души. Пиндар и Цицерон рассказывают нам, что из Элевсина приносили с собою возможность умереть с доброю надеждою, учились там, под руководством шарлатанов жрецов, премудростям смерти и загробной жизни. Орфические мистерии имели в виду те же цели, с тою разницею, что они давали верующим магические ре-

цепты для того, чтобы избегнуть возрождения в новом теле.

33. Другим фактором мифологии у столь художественно одаренного народа, каковым были греки, были творения искусства, статуи и картины, первоначальное значение которых затемнилось. Клермон-Ганно назвал это удачно «иконологическою» мифологиею; уже в средние века иконы породили много благочестивых сказаний. Так, сказание о Св. Дионисии, носящем в руках свою голову, объясняется тем, что этот угодник изображался в виде обезглавленного человека, держащего свою голову в память его мученичества, как св. Лукия, которой выкололи глаза, несет их на блюде, св. Аполлина, которой выбили зубы, несет на блюде зубы. В Греции возникли легенды из объяснений, данных египетским или финикийским произведениям, привезенным торговцами, но также и из рассказов, сочиненных *чичеронами* или проводниками по поводу старых картин, хранившихся в храмах. Почему рассказывали, со времен Гомера, что Сисиф в аду осужден вечно катить камень, который катится постоянно обратно прежде, чем он достигнет верхушки холма? Почему говорили, что Данаиды должны вечно наполнять водою дырявые сосуды, содержимое которых вытекает на землю? Проводники-чичероне выдумали нравоучительные объяснения: Сисиф опозорил себя разбоями, дочери Даная перебили своих мужей. Все это явные пустяки. Вот истина, как я себе ее представляю: про Сисифа рассказывали, что он выстроил огромное здание *почти* на вершине Акрокоринфа; его изобразили катящим камень к вершине этой горы. Данаиды, наверно с помощью магических приемов, вызвали обиль-

ные дожди в Арголиде; их изобразили поливающими землю из сосудов с отверстиями внизу. Эти изображения, имевшие целью прославить покойников, были помещены в храмах и воспроизводились в копиях художниками, сочинявшими картины Аида, т.-е. места собраний знаменитых покойников. Когда утвердилось представление, что люди подвергаются адским мучениям в наказание за грехи, то стали объяснять эти картины, изображавшие *добродетельные поступки*, как картины *вечных мук:* отсюда представления о Сисифе, тщетно катящем скалу, о Данаидах, вечно наполняющих дырявые сосуды. Заметьте, что эти графические недоразумения древнее Гомера; картины, подавшие повод их возникновению, должны были принадлежать микенской эпохе, когда живопись, как мы узнали из недавних раскопок, была уже весьма развитым искусством.

34. Много других причин дали повод зарождению мифов. Мы уже видели, что Фаэтон, «светящийся», эпитет Солнца и солнечного коня, в конце концов стал сыном Аполлона-Феба. Это—образец процесса, примеров какого можно бы подобрать множество. Прилагательные имеют стремление отделиться от божественных имен, качество коих они определяют, и присваивать себе самостоятельное существование; обрядовый эпитет, находящийся под рукою и стремящийся воплотиться, становится самостоятельным героем или даже божеством.

35. Будучи весьма богатою, сама по себе, богами и героями, Греция показала себя, однако, весьма гостеприимною по отношению к иноземным богам. Их предоставили ей Египет, Ассирия, Сирия, Финикия, Персия; она их особенно много получила от менее цивилизо-

ванных стран Малой Азии, где эллинизм распространился только к концу Римской эпохи и откуда, что очень важно, доставлялось наибольшое количество рабов на греческие рынки. Вместе с этими богами Греция получила и культы, которые, в отличие от оффициальных культов, были доступны иностранцам, рабам, женщинам. Для исполнения обрядов этих культов основывались общества, называвшиеся *фиасами*, в среде которых таинственные образы расжигали воображение верующих. В IV веке Афины испугались этого нашествия, и Фрина, подруга Праксителя, подверглась преследованию за прикосновенность к этим иноземным культам. Но прилив торговцев извне, увеличение количества рабов, упадок рационализма под напором низших классов, остававшихся невежественными, все эти причины были могущественнее узды законов. Афины были захвачены фригийским Сабазием, сирийскою Афродитою, фракийскою богинею Котитто. Эти культы, одинаково шумные и таинственные, оправдывали подозрительное к ним отношение, и подозревались, вероятно, несправедливо, в безнравственности. Дело пошло еще хуже после покорения Азии Александром, которое оказалось скорее покорением Греции Азиею и более открыло Грецию азиатским влияниям, чем Азию эллинизму. Это вторжение восточных культов не должно быть слишком строго осуждаемо. Они удовлетворяли религиозной потребности толпы, оставшейся благочестивою, подобно тому, как культ признанных государственною властью божеств удовлетворял рационалистически настроенное отборное меньшинство. Это меньшинство, будучи охвачено со всех сторон чужими вероучениями, несло кару за свое невнимание

и за свой эгоизм. Кара эта постигла его в полной мере в тот день, когда христианство, проникшее в эллинский мир по стопам восточных культов, распорядилось, при посредстве сына Феодосия, разрушить храмы богов, и когда Юстиниан, в 529 году, закрыл Афинскую Школу, это последнее убежище эллинской философии и свободной мысли.

36. Греки вообще были очень веротерпимы; религиозные преследования не играют никакой роли в их истории. Однако, Анаксагор подвергся преследованию за то, что усумнился в богах, а Сократ должен был испить «цикуты» за то, что насмехался над ними. Смерть Сократа является вечным пятном на истории Афин, но, повидимому, догматическая нетерпимость в этом деле была не при чем. Оффициальная религия была делом добрых отношений; храмы и жрецы существовали на жертвоприношения; крестьяне, имея верный сбыт для своего скота в храмах, были тоже заинтересованы. Первым, публично напавшим на Сократа, был комик Аристофан, явившийся отголоском, как доказал Круазе, сельского населения Аттики, перед которым разыгрывались его комедии. Люди не прощают доктринам, угрожающим их интересам, но они не выставляют этого побуждения, нападая на них: они ищут и легко находят другие основания. Мы видим Иисуса, изгоняющим торговцев из иерусалимского храма, но апостола Павла, преследуемым торговцами предметов культа в Ефесе, вифинских христиан, обвиняемых перед римским правителем, Плинием Младшим, за то, что торговля скотом была *плоха;* наконец, в наши дни Зола стал предметом неукротимой ненависти со стороны католического духовенства за то, что он го-

ворил без уважения о торговых оборотах в Лурде. Нечто подобное, наверно, произошло и в Афинах. Сократ пал жертвою «делового» духовенства и тех, которых ныне зовут «аграриям».

* * *

37. В Греции всегда существовала склонность подчинять духовное светскому, жреца—представителю государственной власти. Первые цари были вместе с тем и жрецами; должностые лица и отцы семейств продолжали руководить религиозными обрядами; но уже со времен Гомера, если государи и совершают некоторые ритуальные действия, то существуют и жрецы, приписанные к храмам, не имеющие иной силы, как предполагаемое покровительство их богов. В греческих государствах классической эпохи встречаются жрецы и жрицы, являющиеся всегда служителями одного божества, не составляющие групп, общин, а также не переходящие с места на место, подобно бродячим жрецам непризнанных культов, и незанимающиеся, подобно друидам Галлии, образованием юношества. Не существовало также семинарий для воспитания духовенства; каждый жрец изучал обряды культа данного бога, служа ему. Таким образом, греческие жрецы никогда не составляли духовного сословия, духовенства, как жреческие касты Индии, Персии, Галлии; единственною попыткою в противоположном смысле, которую Грот сближал с организациею иезуитского ордена, можно признать попытку Пифагора в Южной Италии; попытка эта однако, не удалась.

38. Афинский жрец должен был быть гражданином, пользующимся всеми правами, не иметь

физических недостатков, быть безупречного поведения. Иногда требовалось безбрачие, но даже жрицы бывали иногда замужем. Для некоторых культов выбирали девушек, перестававших оставаться жрицами, как только они выходили замуж. Если у жреца или жрицы умирал ребенок, они становились сами *табу* и должны были отказываться от должности, чтобы не осквернять алтаря.

39. Не существовало неизменных правил для посвящения в жреческий сан. Должность передавалась или по наследству, или посредством купли, или посредством избрания, или, наконец, по жребию. Многие духовные должности были наследственными в знатных родах; таково было Элевсинское жречество.

40. Одеяние жрецов культа устанавливалось правилами ритуала. Часто жрец олицетворял самого бога, имя которого он тогда носил и внешности которого он подражал. Здесь мы имеем дело с пережитком весьма древнего обычая, который, например, у индийцев Северной Америки имеет прямое отношение к тотемизму.

41. Жрецы пользовались большим уважением. Их доходы, иногда очень значительные, основывались главным образом на жертвоприношениях, на продаже кожи и мяса жертвенных животных, при чем этими доходами они должны были делиться с государственною казною.

42. Прорицательство совершалось в храмах правомочными жрецами и жрицами, в других местах—бродячими прорицателями, которых не следует смешивать с жрецами. Существует два рода прорицаний, смотря по тому, обнаруживается ли воля бога непосредственно, или о ней делают заключение на основании сопряженных с нею явлений. В Додоне, оракуле Зевса, бог

изъявлял свою волю посредством шелеста листьев дубов, колеблемых ветром, или посредством звука медного сосуда, по которому ударяли ремнем. Жрицы или пророчицы Додонского храма назывались *голубицами*, как пророчицы храма Артемиды Эфесской назывались *пчелами*; это доказывает, что оракулы были ранее основаны на наблюдениях за полетом голубей и пчел, и что несомненно в самом начале здесь существовал тотемический культ этих пород, которым воздавали божеские почести.

43. Самый знаменитый оракул древности, а именно Дельфийский, возвещал свои решения устами девушки, называвшейся *Пифией*, которая, получая вдохновение от Аполлона, пророчествовала в припадках бреда. В более древние времена приходившие вопрошать оракул сами садились на треножник и получали непосредственно вдохновение от божества вместе с парами, подымавшимися из пророческой пещеры. Впоследствии, вероятно, показалось, что болезненная девушка является более восприимчивою к внушениям божества и его священнослужителей, чем их клиенты.

44. В руководствах по греческим древностям можно найти подробности относительно разновидностей прорицателей, волхвований и колдовства. Ограничусь здесь несколькими словами об *инкубации*, т.-е. об обычае укладываться спать в храме или в помещении подле храма для того, чтобы получить откровение, советы божества или удостоиться его благодеяний. Инкубация происходила непременно на голой земле, как месте пребывания духов, или на шкуре священного животного. Длинные надписи, открытые в Эпидавре, повествуют о многочисленных исцелениях, благодаря помощи, ока-

занной ночью Асклепием и животными, связанными с его культом, т.-е. собакою, змеею и гусем. «Евфан, сын Епидавра, страдал каменною болезнью; он заснул и ему приснилось, что бог явился ему. «Что ты мне дашь, если выздоровеешь?» спросил он. Мальчик ответил: «десять бабок». Бог рассмеялся и обещал исцелить его. Утром он встал здоровым». В некоторых случаях люди, выражавшие сомнение или насмехавшиеся над дарами исцеленных, поражаются добавочными болезнями, или присуждаются к уплате более тяжелой пени богу; напротив того, вера является очень ценною добродетелью, и бог вознаграждает за нее. Мы, таким образом, видим хорошо организованные деловые предприятия духовенства, которое действует посредством внушений, но иногда дает больным и хорошие советы. В эпоху, когда были вырезаны эпидаврийские надписи, искусство врачевания стало давно уже мирским, благодаря Гиппократу, но старая жреческая медицина, из которой вышла мирская, продолжала иметь легковерных приверженцев вплоть до конца античного мира. Достаточно известно, что эта медицина и теперь еще жива.

45. Жертвоприношения отличались от приношений тем, что жертвуемый предмет уничтожался, при чем он или сжигался целиком— это так наз. всесожжение (*олокавсп а*), или лишался только жизни. Приносят жертву богам в благодарность им, или для того, чтобы они оказали помощь, или, наконец, чтобы умилостивить их гнев. В классическую эпоху общая идея заключалась в трапезе, предлагаемой богу (древнеслав. жрети или *жрати* богам, откуда— жрец); но сохранились некоторые обряды, при которых священное животное бога приносится

в жертву этому самому богу, что заставляет предполагать, что первоначально убивали божественное животное и съедали его торжественно за трапезою верующих в него. Эти тотемические жертвоприношения были, в начале, исключительными обычаями, окружаемыми величайшими предосторожностями, о которых культ сохранил кое-какие следы. Во время *буфоний* в Афинах предлагали быку освященные лепешки для того, чтобы, съевши их, он стал как бы повинен смерти (в действительности же, ради того, чтобы увеличить его святость); после заклания быка, возбуждали против жреца фиктивное обвинение; затем объявляли, что единственным виновником был нож и выбрасывали его в море. В Тенедосе жрец, закалающий в честь Диониса молодого бычка, подвергается преследованию, при чем в него бросают камнями; в Коринфе ежегодное приношение Гере в жертву козы совершалось иноземными жрецами, приглашавшимися для этой цели, при чем они тщательно старались располагать жертвенный нож таким образом, чтобы казалось, что жертва случайно сама на него напоролась.—Подробный разбор греческих жертвоприношений завел бы меня слишком далеко; ограничиваюсь вышеизложенными краткими указаниями.

46. Для очищений охотно пользовались текучей водою; морская вода считалась еще более действительною; за неимением ее, клали соль в пресную воду. Очищали тоже дымом, проветриванием, выставлением на воздух, что, как утверждали, делалось даже в Аиде. Звук меди считался очистительным; отсюда произошло употребление тимпанов, а позже колоколов. У многих народов во время лунного затмения подымают страшный шум, чтобы освободить

ночное светило от напавших на него демонов; этот обычай не был неизвестен грекам и римлянам. По убеждению тех, кто исполняет этот шумный обряд, дело всегда идет об «обращении в бегство» демонов.

47. Праздники были или общими для всей Греции, или частными для отдельных греческих племен. *Панэллинскими* (всегреческими) праздниками были Олимпийские в Олимпии, Пифийские в Дельфах, Немейские в Немее и Истмийские близ Коринфа. Все города имели, кроме того, местные праздники, каковы Панафинеи, Элевсинии, Дионисии в Афинах. Греческий театр возник из празднования Дионисий. Первоначально на них приносили в жертву козла-тотема, т.-е. самого Диониса; его оплакивали, а затем праздновали его воскресенье, проявляя бешеную радость. Оплакивание породило трагедию; изъявления радости—комедию. Та же эволюция произошла в средние века, когда современный театр зародился из *мистерий*, во время которых представлялись «страсти Господни».

48. Греческие мистерии являются, в основе, посвящениями в таинства. Некоторые из них, как Элевсинские, находились под опекою государства. Повидимому, сохранившиеся в классическую эпоху мистерии являются лишь пережитками, так как первоначально приобщение каждого члена племени мужского пола к культу этого племени заключало в себе искусы и сообщение ему знания известных телодвижений или формул под условием соблюдения строгой тайны. Целью этих первобытных культов являлось оказание воздействия на некоторые явления природы; даже в мистериях классической эпохи, рядом с посвящением, долженствующим обеспечить душевное спасение отдельных лиц, мы

находим магические обряды общественного значения, имеющие, например, целью воздействовать на плодородие полей. В Элевсине иерофант (старший жрец) подносил посвященным сжатый им молча колос, в качестве плода, происшедшего от связи бога с богинею (Плутона и Деметры).

II.

ИТАЛИЙЦЫ И РИМЛЯНЕ.

1. Римская религия есть древняя италийская религия, скорее приумноженная, чем измененная, в течение двенадцати веков, приносными элементами из Этрурии, собственной Греции и Восточных стран.

2. Единственный народ, законам которого Рим подчинился, этруски, не навязал ему своей религии; он получил от них только лженауку, а именно гаруспицину или гадание на основании осмотра внутренностей животных, затем, может быть, еще богиню Минерву и представление о *Совете богов*. Глубоко захваченная эллинскими влияниями, Этрурия передала Риму скорее греческие идеи, чем свои собственные. Так, мы не находим следов у Римлян этрусского просветительного бога Тагеса, родившегося на свет седым. Впрочем, мрачный и мистический характер этрусской религии, в которой можно найти чисто-восточные элементы, не мог привлекать к себе древних римлян.

3. Около 1200 г. до Р. Хр., или даже раньше, Сицилию и полуденную Италию посетили критяне; согласно сказаниям, в Сицилию и в Кумы пришел Дедал, соорудивший Кносский лабиринт, а Вергилий называет Крит «колыбелью» римского народа. Современная наука устанавливает, в свою очередь, аналогии между культами

Крита, Аркадии и Рима, между религиозными установлениями, заведенными благочестивым царем Нумою, и теми, которые считались покровительствуемыми философом Пифагором в Южной Италии. Если легенда о троянце Энее, пришедшем в Лавиний и основавшем Альбу, и плохо выдерживает критику, нельзя того же сказать об аркадце Евандре и об этолийце Диомеде, о высадке которых в Италии повествуют греческие сказания. Итак, вероятно, что на заре истории Центральная Италия подверглась влияниям из Греции и с островов Архипелага, а может быть, и с берегов Финикии, мореплаватели которой вели торговлю с этрусками.

4. Италийская основа религии Римлян известна, главным образом, по обрядам и священным преданиям. Мы имеем отрывки салийских и арвальских песнопений; ритуал умбрийского братства в Игувии сохранился, благодаря находке семи длинных надписей; наконец, мы имеем праздничные календари, прекрасными комментариями к которым являются Овидиевы Фасты (для шести месяцев года), а также значительные извлечения из большого сочинения Варрона *«О делах божественных»* (около 50 г.). Варрон был человеком, обладавшим большим запасом знаний, и богословом: его богословие, впрочем, не может почитаться научным, но заимствования, сделанные из сокровищницы его знаний св. Августином и римскими грамматиками, являются ценными остатками древности.

5. Италийский анимизм отличается от греческого отсутствием всякого воображения. Он создал меньшее число богов и богинь, чем божественных сил, numina, без родственных связей, без истории. Для нас—это просто имена, бесплодное множество которых мало поучи-

тельно. Риму пришлось тем более признать легенды о греческих богах, что он не имел сам своих собственных сказаний.

6. «Нет местности без своего гения», пишет грамматик Сервий, и тот же грамматик, под влиянием Варрона, утверждает, что особенные боги управляют всеми действиями человеческой жизни. Из этих божеств составляются длинные списки эпитетов, неудовлетворительно олицетворенных, фигурировавших в «литаниях» (молебствиях) или молитвах: *Куба* оберегала ребенка в колыбели, *Абеона* учила его ходить, *Фаринус*—говорить. Каждый мужчина имел своего *Гения*, каждая женщина—свою *Юнону*; в императорскую эпоху поклонялись гениям Императоров и говорили даже о гениях самих богов. Гении полей и дома назывались *ларами*; Домашний лар был покровителем очага и семьи; позже воздавали божеские почести императорскому лару. *Пенаты* были хранителями кладовой (=penus). Гении умерших назывались *манами* (что значит «добрые», вероятно, евфемистически) и были, по преимуществу, предметом семейного поклонения; прежде, чем они поселились в могилах, вне домов, они служили покровителями самого дома, так как первоначально покойники закапывались под очагом. *Ларвы* и *лемуры* той же породы, как и маны, но считаются скорее враждебными; это духи, которых умилостивляли дарами или держали от себя подальше магическими хитростями.

7. Государство, по примеру семьи, тоже имело своих пенатов, культ которых справлялся в храме Весты, хранительницы огня, т.-е. общественного очага. Этот очаг должен был быть неугасимым. Обслуживали его девицы, именуемые *весталками*. В качестве супруг огня, они

принадлежали ему всецело и могли выйти замуж, только получив отставку; те, которые давали себя прельстить, замуровывались живьем и осуждались на голодную смерть.

8. К разряду гениев, с которыми не связано никакого предания, и которые являются продуктами анимизма и стремления к отвлеченности, относятся такие олицетворения, как Благо (*Salus*), Удача (*Fortuna*), Юность (*Juventus*), которые встречаются и в греческой мифологии, но которые положительно загромождают римскую. Обратные стороны монет, чеканенных во время Империи, составляют настоящий музей холодных, отвлеченных представлений.

9. Материальный предмет, в котором обитает дух, есть фетиш. Первоначальный Рим имел фетишей вместо идолов. Первым изображением бога войны было копье, а Юпитера—кремневое орудие. Фециалы (*жрецы, исполнявшие религиозные обряды, требовавшиеся в международных сношениях) зарезывали свинью кремневым ножом при заключении союза, а при объявлении войны бросали копье на землю врагов. Таинственный предмет, называвшийся Палладиумом Рима, напоминал более или менее тип вооруженной Минервы *(Паллады)* и был фетишем, порученным охране весталок; позже рассказывали, что он был принесен из Трои Энеем.

10. Римские предания, выдаваемые Титом Ливием и Дионисием за историю, свидетельствуют о священном значении смоковницы, лука и боба. Существовали деревья, образовывавшие священные рощи, как например, рощи Арвалов и богини в Неми. Из животных более всех почитался волк. Сближение этого хищника с Марсом, в качестве «любимой жертвы», не оставляет сомнения относительно первичной природы бога.

Волк служил путеводителем самнитам, когда они искали землю, где бы осесть, и эти самниты называли себя *Hirpi* или *Hirpini*, т.-е. «волками». Ромул и Рем, сыновья волка Марса и волчицы Сильвии(=«лесная»), вскормлены волчицею. Старый бог Сильван (=лесник, леший) был, вероятно, первоначально волком; позже его считали охотником за волками и представляли одетым в волчью шкуру.

11. Конь, которого приносили в жертву и делили на части в Риме, в октябре месяце,— священное животное, как и белый бык, которого резали во время *Латинских ферий* (=празднеств), и куски которого распределялись между городами Лациума.

12. Римляне утверждали, что, содержа гусей на Капитолии, они воздавали дань благодарности этим птицам за их бдительность, благодаря которой удалось отбить ночное нападение галлов; это—позднее объяснение обычая, основанного на священном значении гуся. Курица, которую во времена Цезаря выращивали островные британцы, как и гусей, не смея питаться ею, считалась тоже священною в Риме, свидетельством чего служит та роль, которую играли священные куры при религиозных гаданиях: даже во время похода их возили с собою, и когда они отказывались от предлагаемой пищи, считали, что приходится опасаться поражения. Все *авгуральные* животные классической эпохи были когда-то священными животными; тотем является покровителем и вождем племени. Сказанное относится и к волкам, кабанам и орлам, венчавшим римские знамена. Еще Тацит знал, что животные, изображенные на древках знамен, священны. Конечно, мы тут имеем дело только с пережитком тотемизма, но невозможно

спорить об источнике этого представления. Точно также, существование римских фамилий, называвшихся Porcii, Fabii и т. д., легко объясняется, если допустить, что боров, боб (*porcus, faba*) были тотемами и мифическими предками этих родов. Пифагорейцы считали преступлением есть бобы или даже наступить ногою на них. В Риме, где думали, что Нума был учеником Пифагора, культ боба оставил следы, особенно в древней церемонии *лемуралий:* отец семейства, боясь лемуров, бросал бобы за спину, для того, чтобы эти демоны ели их и оставили в покое его и его близких.

13. Латинское слово *sacer* точно соответствует понятию *табу*, и означает одновременно *святой* и *нечистый, проклятый.* Все то, что *sacrum*, устранено из общего употребления; когда о человеке говорят, что «он посвящен», это значит, что он должен быть исключен из общества, изгнан или убит. Делают предмет «священным» посредством обряда *консекрации;* лишают его этого качества *профанацией*, причем это слово первоначально отнюдь не включало в себе понятия о нечестивости. Есть дни *табу*, в которые нельзя ничего предпринимать; календарь называет их *nefasti*, так как тогда нельзя произносить (*fari*) сакраментальных слов культа и правосудия; дни, в которые это дозволено, называются *fasti*. Во время праздников (*feriae*) всякая работа прекращается; не дозволяется называть по имени некоторых богов. Flamen Dialis, жрец Юпитера, и его жена, *фламиника* были подчинены многочисленным *табу*, весьма стеснительного свойства: они не должны ни есть, ни дотрагиваться до бобов, ни прикасаться к лошади, ни носить кольца, которое не было бы предварительно надломано,

ни ступать на лозу. Добыча, взятая у неприятеля, *табу;* долго ее нагромождали на освященном месте, у Капитолия, а именно на Тарпейской скале, и эта груда щитов и оружия дала повод возникновению легенды о деве Тарпее, раздавленной под щитами за предательство. В классическую эпоху военная добыча подвешивается на священных дубах, на стенах храмов или домов; только в самых исключительных случаях крайней опасности дозволялось касаться этих предметов. Дело в том, что эта добыча несет на себе бремя проклятий, призывавшихся в начале войны на врагов.

14. Подлинные имена богов считались *табу*, потому что раскрытие их дало бы возможность «вызывать» их. Вот почему нам известны главным образом эпитеты, заменяющие собою божественные имена. Даже город Рим имел секретное имя, употреблявшееся только во время самих торжественных обращений; тайна его так хорошо охранялась, что оно осталось нам не известным.

15. Самое древнее светское законодательство Рима, так называемые законы двенадцати таблиц, очень строго относится к волхвованию; имелась в виду магия, вредящая ближнему. Эта *черная* магия постоянно и позже преследовалась, но никогда не переставала применяться; государство прибегало к ней только тогда, когда формула проклятия произносилась против гражданина-изменника или против неприятеля. Но симпатическая магия является самою основою культа. Для того, чтобы вызвать дождь, бросали чучело в Тибр; чтобы побудить женщин к деторождению, жрецы, именовавшиеся *луперками* (=рысь), били их ремнями, может быть из волчьей кожи. Старый Катон, столь враждеб-

ный к колдовствам, оставил нам целый ряд магических формул, которыми пользовались земледелие и врачебное искусство, в уверенности их пользы.

16. Первым храмом, выстроенным в Риме, при Тарквинии I, был храм Юпитера Капитолийского, место пребывания трех божеств— Юпитера, Юноны и Минервы, которые составили *Капитолийскую триаду*. До этого времени Рим, по словам Варрона, в течение 170 лет, не имел ни храмов, ни изображений богов. Слово *templum* (= храм) в архаическом языке не означало здания, но освященное место для исполнения некоторых религиозных обрядов, границы которого определялись авгурами.

17. Около 550 г. до Р. Хр. римский пантеон начал окончательно определяться: Юпитер, бог неба и громов, одновременно покровитель Рима и хранитель принесенных клятв; Марс или Квирин бог войны; Фавн покровительствует стадам домашних животных. Двуликий Янус имеет храм, двери которого открываются при объявлении войны, так как этот бодрствующий бог, согласно поверью, выступает в поход одновременно с войсками. Мы уже говорили о Весте, покровительнице очага. Этот первый пантеон подвергся изменению, благодаря отождествлению римских богов с греческими, совершившемуся, повидимому, еще ранее 200 г. до Р. Хр. Двенадцать богов перечислены в следующих двух стихах Энния:

Juno, Vesta, Minerva, Ceres, Diana, Venus, Mars,
Mercurius, Jovis, Neptunus, Vol anus, Apollo.

Jovis (Юпитер) есть индо-европейский Небесный бог, Зевс-отец (Zeus pater); Аполлон заимствован у греков, Минерва—у этрусков; остальные божества только приблизительно соответ-

ствуют греческим: Гестии, Деметре, Артемиде, Арею и т. д. Венера первоначально олицетворяла отвлеченное понятие, означающее вожделение; имя ее отсутствует в списках древних латинских божеств; ее извлекли из мрака, когда пришлось подыскать богиню, схожую с греческою Афродитою, которую новая легенда об Энее должна была возвести в положение прародительницы Римлян.

18. Двенадцать великих богов, которым предлагали иногда праздничные обеды или *лектистернии*, стали рассматриваться как составляющие божественный совет (*dii consentes*). Грубые копии из дерева со статуй этих богов, которые были поставлены на Форуме, дошли до нас, будучи найдены на галло-римском алтаре в Мавильи (Кот-д'ор). Здесь мы видим Диану, держащею в руках змей, как богиня Кносса на Крите или древняя аркадская Артемида. Видим тоже Марса, изображенного в виде этрусского Марса, и Меркурия с крыльями на спине, согласно этрусскому, но не греческому оригиналу. Любопытнее всего, однако, фигура Весты, прикрывающей руками глаза, защищая их от дыма очага; Овидий дает именно такое описание изображений Весты в храме Альбы, отмечая жест, значение которого ему непонятно.

19. Римляне заимствовали у греков не только их мифологические сказания, но и их мнения относительно происхождения мира и загробной жизни. Относительно последнего вопроса у них существовали народные представления, остававшиеся долго живыми. Божество преисподнего мира, Оркус, поедающий трупы (может быть, первоначально волк), обратился у итальянцев в *orco*, *ogre* французских сказок (людоед). Римский Плутон, *Dis Pater*, изображается с молот-

ком в руке, как избиватель мертвецов, может быть, в подражание этрусскому Харону, бывшему скорее палачом, чем лодочником. Так как Диспатер изображается тоже одетым в волчью шкуру, я склоняюсь к мысли признавать в нем также представление волка преисподней. В литературе греческие легенды одержали верх, но, повидимому, не пользовались большим доверием: Лукреций презирает их, а Ювенал говорит, что в его время только маленькие дети, которых не пускают в бани без провожатых, верили еще в подземный мир и в ладью Харона.

20. Существовали одновременно и рядом обряды сожжения трупов и погребения, которое, начиная с III-го столетия Империи, начало преобладать, почти совершенно устранив обычай сожигания, под влиянием восточных религий. Малолетние никогда не сжигались, но хоронились в земле, при чем верили, что они оттуда рождались вновь в другом теле. Можно различить еще некоторые следы учения о метемпсихозе в народных верованиях Италии.

21. Официальным культом является положительная и сухая обрядность, тесно связанная с политическою жизнью. Так как религия — государственное дело, а не душевное, то не могло существовать и столкновений между духовным и гражданским миром. Во главе общественного культа стояли три большие коллегии священнослужителей, а именно понтификов, децемвиров жертвоприношений и авгуров. Понтификальная коллегия имела в своем составе, кроме понтификов, еще царя жертвоприношений, на которого возложены были древние жреческие обязанности римского царя, фламинов и весталок. Название понтификов имеет явное отношение к делу постройки мостов (ponti-fex);

спрашивается, однако, подразумевались ли тут первые мосты, построенные через Тибр, или те, гораздо более древние мосты, которые в квадратных доисторических городках Италии были перекинуты через водяной ров, их защищавший? Понтифики председательствовали над всем национальным культом, и, кроме того, имели наблюдение над частным культом, над приношениями покойникам и над браками. Главою коллегии понтификов был когда-то царь, а затем Великий понтифик: начиная с Августа до Грициана все императоры облекались, по их требованию, этим достоинством, и даже сам Константин, покровитель христианства, пожелал иметь это звание (Pontifex Maximus).

22. Децемвиры (позже квиндецемвиры жертвоприношений являются священнослужителями иноземных богов и греческого обряда. Авгурам было поручено гадание по птицам; гаруспики рассматривали внутренности жертвенных животных, по требованию понтификов. Другие менее важные коллегии, хотя и все весьма уважаемые, заботились о культах Марса (Салии), богини Деа Диа (Арвалы), Фавна Луперка (Луперки). Салии или *прыгуны*, бывшие фламинами Марса, хранили *анцилы* или священные щиты, из которых первый, оригинал остальной дюжины, упал с неба во дворец Нумы. Мы знаем форму этих щитов, аналогичную форме 8, минойской эпохи; тут мы опять видим в Риме времени царей влияние доисторической Греции.

23. Некоторые культы были поручены семействам (gentes), а также общественным или частным братствам. Профессиональные корпорации имели религиозный характер и общий культ. Так называемые похоронные коллегии имели целью обеспечивать своим членам приличное

погребение; есть предположение, что первые христиане устраивали подобные общества для того, чтобы иметь возможность исповедывать свою веру под защитою законов.

24. Тысячи ребяческих подробностей при жертвоприношениях были точно установлены обрядовою стороною культа, как например, пол жертвы, масть и т. п. Для того, чтобы указать на посвящение жертвы богу, сыпали ей на голову освященную муку и соль. Таким способом жертва *обожествлялась*, отожествлялась с божеством предварительным обрядом; итак, приносили в жертву как бы самого бога, и осмотр внутренностей тем более был поучительным, что он касался внутренности божественного тела. Эти понятия—вавилонские и, может быть, перешли из Вавилона в Этрурию, а из Этрурии в Рим. Как и в Вавилонии, осматривали главным образом, печень жертвы. Главными жертвенными животными были: боров, овца и бык; порядок, в котором мы перечислили этих животных, оправдываемый древним названием этой группы жертв (suovetaurilia), замечателен, так как религиозное значение борова или кабана весьма ясно в нем подчеркнуто.

25. Тарквиний II, прозванный Гордым, купил, будто, Сивиллины книги, заключавшие в себе судьбы Рима, которые и были переданы на хранение децемвирам; в них, по предписаниям Сената, справлялись в важных случаях. Они погибли во время пожара Капитолия в 82 году; тогда составили новое их собрание в Азии и в Египте. То немногое, что нам известно из этих последних текстов, указывает, что это были, большею частью, греческие стихи, сфабрикованные эллинизованными евреями и наполненные скрытыми угрозами по адресу Импе-

рии; этим объясняется то, что Стилихон, накануне великих бедствий (около 405 г. по Р. Хр.), велел их уничтожить. Пророчества Сивилл, которые нам известны, свободно обращались всюду и приводились, в качестве боговдохновенных текстов, некоторыми Отцами Церкви; на них еще ссылаются в католической заупокойной обедне (teste David cum Sibylla). Тем не менее, эти пророчества являются, в большей своей части, фальсификациями второстепенного качества, подделками иудео-христианскими тех еврейских фальсификаций, которые составляли оффициальные Сивиллины книги Римской Империи; в них ненависть к Риму выражена безгранично, как и в Апокалипсисе Иоанна.

26. В сгоревшем в 82 г. собрании (тоже подложном) предсказаний неоднократно думали отыскать совет ввести в Риме поклонение эллинским божествам и выстроить для них храмы. Таким способом были введены в оффициальный культ Диоскуры в 488 г., Аполлон около 430, Асклепий (Эскулап) около 290. Великая азиатская мать Иды, Кибела, перешла из Пессинунта в Рим около 204 г. В эпоху Митридата римляне заполучили кровавую богиню Команы, в Каппадокии, которую приурочили к италийской Беллоне (=воительница), с ее свитою восторженных священнослужителей, в роде вертящихся и воющих дервишей; им присвоили название *фанатиков* (fanatici, от fanum—храм). Таким образом, фанатизм, который ранее так претил римлянам, совершил свое вступление в Рим под покровительством Сената; с течением времени он здесь расцвел слишком пышным цветом.

27. Когда культы не вводились по собственной инициативе Сената, это высокое учреждение

проявляло беспокойство, не вследствие религиозной нетерпимости, а из боязни, что вероисповедные братства могли скрывать, под видом религиозных, политические союзы. Этим объясняется преследование, воздвигнутое против вакханалий (186 г.). Эти обряды, связанные с культом Диониса, весьма распространенные в Южной Италии, завоевали себе много сторонников в Риме, особенно среди женщин. Возбуждено было обвинение, основанное на ложных и подкупных свидетельствах, что вакханалии являлись предлогом для беспорядков и всякого рода преступлений; их запретили в Италии. Тысячи мужчин и женщин были казнены за участие в них. В действительности, Сенат хотел ослабить итальянский эллинизм в такое время, когда он казался ему угрожающим извне; преступления, в которых обвиняли посвященных, были столь же воображамыми, как и те, в которых римляне эпохи Империи обвиняли христиан, и которые, в свою очередь, христиане приписывали схизматикам и неверным. Если священнослужители Вакха были, может быть, иллюминатами или обманщиками, то римский Сенат вел против них, несомненно, политику убийц.

28. Несмотря на эти жестокие строгости, за которыми последовали другие репрессии, иностранные культы проникли повсюду в Италию и нашли горячий прием среди народных масс; они удовлетворяли потребностям религиозного усердия и мистического благочестия, которым не могли удовлетворить официальные культы. Действительно, духовенство последних культов было, прежде всего, скептично: два авгура, говорил Катон, не могут глядеть друг на друга без усмешки; это были чиновники, которым

было поручено исполнение известных обрядов, «треб», не заботившиеся более ни о чем, раз их прямые обязанности были ими исполнены. Совсем иначе вел себя восточный священнослужитель, который прямо шел к верующему, называя его «братом» и обращаясь с ним соответствующим образом, который будил и питал порывы его благочестия, учил его, как укреплять свой дух, как следует переносить горести земной юдоли, веря в существование лучшего мира, вечного блаженства! Эти бродячие священнослужители приобретали верных последователей среди иноземного населения, находившегося в состоянии рабства или просто бедного, численно увеличивавшегося, благодаря постоянной иммиграции из восточных стран. Ювенал жалуется, что сирийский Оронт вливается в Тибр; он мог бы, с таким же правом, упомянуть и о Ниле, о Иордане, о Галисе. Слабо эллинизованные, за исключением береговой их полосы, Египет и Малая Азия оставались двумя великими религиозными странами античного мира. Римская Империя наполнилась поклонниками Аттиса, Изиды, Озириса, Сераписа, Сабазия, Зевса Долихена, Мифры. Самые странные обряды, запечатленные мрачным мистицизмом, заменили собою холодные и строгие римские церемонии. При совершении жертвоприношения тавроболий, входившего в состав культа Кибелы, жрец закалал быка, кровь которого капала через отверстия настила на голову приносившего жертву, верившего, что этим способом он приобщается к святыне. Тщетно Август и Тиберий принимали меры против египетских культов, тщетно другие императоры преследовали халдейских и сирийских астрологов. Калигула дозволил культ Изиды в Риме, Коммод дал

посвятить себя в мистерии Мифры, и восточное суеверие водворилось в самом дворце кесарей, когда Бассиан, служитель Черного камня Эмесы, стал императором, под именем Элагабала (218 г. по Р. Хр.).

29. Элагабал не был исключением. Династия сирийских императоров, начиная с Септимия Севера (193 до 235 г.), широко открыла двери восточным культам, поощряемым благочестием императриц. Сами императоры не были враждебно настроены против верований, которые льстили их деспотическим наклонностям; не был ли культ обожествленных императоров, введенный с самого начала Империи, позаимствованием, сделанным у Востока? К этому присоединялось суеверное стремление согласовать, слить воедино разные религии, в предположении, что могло оказаться кое-что хорошего во всех богах. Александр Север соединил в своей молельне изображения Аполлония Тианского, Орфея и Иисуса; он подумывал даже соорудить храм в честь еврейского Бога. Успех христианства, насажденного в Риме приблизительно с 50 года, был столь стремителен в эту эпоху, что последовавшее гонение, являвшееся делом преимущественно военных императоров, только ускорило разрешение кризиса в пользу наиболее деятельной партии и, вместе с тем, по крайней мере в городах, наиболее многочисленной.

30. Замечательно, что культы Галлии, Германии, даже Северной Африки (за исключением Египта) имели мало успеха в Риме. Единственное галльское божество, ставшее там популярным, благодаря кавалерии легионов, набранной в Галлии, была Эпона, покровительница лошадей. Причину этого явления следует искать в мире рабов и вольноотпущенников. Галлы,

германцы и африканцы употреблялись при сельских работах; восточные мужчины и женщины, более утонченные, имевшие более мягкие нравы, служили прислугою в семьях, распространяли среди них свои идеи и обращали в свою веру своих хозяек, а изредка даже и хозяев. Следует добавить, что Восток постоянно присылал на Запад воодушевленных миссионеров. К их числу принадлежал Аполлоний Тианский († 97 г.), который выдавал себя за ученика брахманов Индии, и поучительную биографию которого, полную чудес, написал в III веке Филострат, с видимым намерением противопоставить этого чудотворца Иисусу.

* *
*

31. Старая религия так уже одряхлела во времена Цезаря, что можно удивляться, как она могла просуществовать еще целых четыре века. Этим неестественно долгим существованием она обязана своему политическому и национальному характеру. Культ римских божеств стал формою патриотизма, особенно со времени реакции Августа. Будучи свободным мыслителем, подобно Цезарю, он пытался, для того, чтобы побороть разрушительные тенденции, восстановить уважение к прошлому и нашел себе в этом деле таких серьезных помощников, как Вергилий и Тит Ливий, и даже таких эпикурейцев, как Проперций, Гораций и Овидий. *Энеида*, ставшая национальною эпопеею Рима, является религиозною поэмою; *Декады* Тита Ливия, *Секулярная песнь* Горация, *Фасты* Овидия одухотворены тем же духом и симулируют, за недостатком веры, своего рода благочестие. Престол ищет поддержки в алтарях; именно со

времени Августа возникает тип «благонамеренного» человека, ни во что не верующего, но посылающего свою прислугу «к обедне». Наконец, общественное поклонение, воздававшееся императорам, особенно покойным, обожествленным императорам, пример чему подал Сенат, воздвигнув храм Цезарю, было присоединено к культу богини Ромы (т.-е. Рима) и стало, в провинциях, как бы религиозною формулою верноподданства. Именно потому, что евреи и христиане не соглашались принимать участие в этом поклонении, они были всегда в подозрении у власти; христиане тем более возбуждали подозрения, что они не представляли собою остатков какого-либо побежденного народа, а были государством в государстве. «Мы родились только вчера», писал Тертуллиан около 200 г.: «и уже мы наполняем мир; мы предоставляем вам только ваши храмы».

32. Греко-римское язычество оживилось перед своею смертью, благодаря вавилонской астрологии. Культ древних богов уступил место, даже в высших сословиях, своеобразному солнечному пантеизму, с поппибом, одновременно научным и мистическим. Астрология заставила забыть более грубые приемы волхвования и содействовала гибели оракулов. Поэт Манилий, уже при Августе, изложил астрологическое учение; в III и IV веках все высшее языческое общество увлекалось им до крайних пределов. В сущности, это было применение идеи всемирной симпатии: верховная власть приписывалась светилам, которые с высоты небес властвуют над миром и управляют им. Последствием этого учения явился фатализм, ставший эндемическим на Востоке и внедрившийся отчасти и в само христианство посредством представления

о *благодати*. Для того, чтобы избегнуть насилия гороскопа, требовалась изысканная, псевдо-ученая магия, которая не отставала бы от оффициальной астрологии и от уличного колдовства. Все это, как показал Франц Кюмон, скорее помогло развитию христианства, чем задержало его победное шествие, так как, с одной стороны, астрология окончательно развенчивала старые культы и национальные обряды, а с другой—она имела естественное тяготение к монотеизму по тому исключительному значению в мировой системе, которое она приписывала Небесному богу, олицетворяемому Солнцем.

33. История философских учений не входит в нашу задачу; но нельзя не упомянуть о мистических школах, особенно о неоплатонизме, который, начиная с александрийца Плотина († 290 г. по Р. Хр.) и особенно после его ученика, Порфирия († 305 г. по Р. Хр.), сослужил невольную службу в деле распространения христианства, благодаря тому, что учения эти злоупотребляли догматическими построениями, и вследствие их вражды к рационализму. Действие этих школ было параллельно действию восточных религий и астрологии, влиянию которых они, впрочем, отчасти подчинились. Рационализм стал редким явлением со 2-й половины II-го века; Плутарх († 140 г.) уже заражен мистицизмом. В XVIII веке воображали, что Юлиан (Отступник) и Константин (Великий) были неверующими политиками, первый враждебным, а второй покровительствующим христианству; в действительности, они были набожными ханжами, первый, по отношению к Солнцу, а второй по отношению ко всем религиям, от которых он мог ожидать спасения

души, запятнанной длинным рядом предательств и преступлений. Христианство одержало победу не над оффициальным римским язычеством, уже умершим или давно обессиленным, но над другими восточными религиями, своими серьезными соперницами. Происходя от еврейского пророчествования, оно было выше его по своей простоте и по чистоте; именно эти качества обеспечили за ним победу и позволили ему просуществовать до наших дней.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Все вопросы, касающиеся религий Греции и Рима, разработаны в *Dictionnaire* Saglio, в *Real-Encyclopaedie* Pauly-Wissowa и особенно в *Lexikon der Mythologie* Roscher'a (с 1882). Большинство мыслей, изложенных в этой главе, разработаны в моих трех книгах: *Cultes, mythes et religions* (1904—1908); см. также составленный мною свод религиозных учреждений в моем *Manuel de Philologie classique* (последнее издание 1907) и *Minerva* (6-е ed., 1907). *На русском языкѣ ст. Ф. Зелинского *Язычество греко-римское* в 81-м полутоме *Энциклопедического Словаря* Брокгауз-Ефрона.

I.—Farnell, *Cults of the Greek states*, 4 vol., 1896—1907; P. Decharme, *Mythol. de la Grèce*, 2-e éd., 1886; O. Gruppe, *Griechische Mythologie*, 1906 (важно); P. Stengel, *Griech. Sakralaltertümer*, 2-e éd., 1899; J. Harrison, *Religion of ancient Greece*, 1905; H. Steuding, *Griech. und röm. Mythologie*, 1905; J. Girard, *Le sentiment religieux en Grèce*, 1869. *Зелинский *Древне-греческая религия*, СПБ. 1918.

2.—Decharme, *Traditions religieuses des Grecs*, 1904 (cf. Cumont, *J. des Sav.*, 1908, p. 113).

3.—Hogarth, *Aegean religion*, in Hastings, *Encycl. of Religion*, t. I (1908); Evans, *Mycenaean tree and pillar cult*, 1901; Burrows, *Discoveries in Crete*, 1907; Lagrange, *La Crète*, 1907.

4.—S. R., *Les déesses nues dans l'art oriental* (in *Chron. d'Orient*, t. II).

7.—Аркадская Артемида и богиня со змеями: S. R., *Cultes*, t. III, p. 210.

9.—G. d'Alviella, *Migration des symboles*, 1891; S. R., *Oiseaux et swastikas* (in *Cultes*, t. II, p. 234). *О свастике Иевлев, *Происхождение Креста*, М. 1919.

15.—De Visser, *Die nicht menschengestaltigen Götter der Griechen*, 1903; C. Bötticher, *Baumcultus der Hellenen*, 1856.

17.—Fustel de Coulanges, *La cité antique*, 1865. (*русские переводы Корша М, 1867 и Н. Спиридонова, М. 1895); E. Rohde, *Psyché*, 2-e éd., 1898; Dieterich, *Nekyia*, 1893.

20.—Леда и Диоскуры: S. R., *Cultes*, t. II, p. 42.

22.—Burnet, *Early Greek philosophy*, 1892.—Капитальным трудом по орфизму (на латинском яз.) остается доселе сочинение А. Лобека: *Aglaophamus*, 2 vol., 1829; см. тоже статью Gruppe *Orpheus* в *Lexikon* Roscher'а и S. R. *Cultes*, t. II, p. 85 (смерть Орфея).—О Загрее, кроме Лобека, см. S. R., *Cultes*, t. II, p. 58.—Орфизм у Вергилия: *Ibid.*, t. II, p. 66.—Орфические формулы: *Ibid.*, t. II, p. 123, и Jane Harrison, *Prolegomena to the Study of Greek religion*, 1903 (полные тексты и переводы).

26.—Актеон: S. R., *Cultes*, t. III, p. 24.—Ипполит: *Ibid.*, t. III, p. 54.—Фаетон: *Rev. hist. relig.*, 1908, II, p. 1.—Прометей: *Cultes*, t. III, p. 68.

28.—Foucart, *Rech. sur les mystères d'Eleusis*, 1895 et 1900; Anrich, *Das antike Mysterienwesen*, 1904. *Новосадский, *Элевсинские мистерии*, 1887.

30.—Hubert, ст. *Magia* у Saglio.

33.—Сизиф в Аиде: S. R., *Cultes*, t. II, p. 159.

34.—Usener, *Goetternamen*, 1896.

35.—P. Foucart, *Assoc. relig. chez les Grecs*, 1873.

36.—M. Croiset, *Aristophane et les partis*, 1906. (Объяснение процесса над Сократом принадлежит мне).

37 и сл.—См. труды по греческим древностям Schoemann, Jevons, Hermann, и т. д.

43.—B. Leclercq, *Hist. de la divination*, 4 vol., 1879 bis 1881. *О религии Аполлона см. ст. Ф. Зелинского, *Идея нравственного оправдания* в сборнике его статей: *Из жизни идей*, т. I.

44.—Deubner, *De incubatione*, 1900; Lechat et Defrasse, *Epidaure*, 1896.

47.—A. Mommsen, *Heortologie*, 1883; *Feste der Stadt Athen*, 1898; M. P. Nilsson, *Griechische Feste*, 1906; Foucart, *Le culte de Dionysos en Attique*, 1904. *На русском языке о религии Диониса и орфизме см. ст.

Вяч. Иванова, *Эллинская религия страдающего бога* (*Новый Путь* 1904 г. № 2 и сл.).

II. 9.—Wissowa, *Relig. der Römer*, 1902; Cyr. Bailey, *Relig. of ancient Rome*, 1907; Toutain, *Cultes paiens dans l'Empire romain*, t. I, 1907. *Ф. Зелинский, *Рим и его религия* (*Вестник Европы* 1903 г. № 1 и 2).

2.—Статья *Etrusci* у Pauly-Wissowa и у Saglio.

6.—Статья *Indigitamenta* у Saglio.

7.—R. Cagnat, *Les Vestales* (in *Conf. Guimet*, 1906, p. 61); S. R., *Cultes*, t. III, p. 191 (о Весте).

24.—M. Besnier, *Les catacombes de Rome*, 1908, p. 44 (погребальные коллегии).

25.—Warde Fowler, *The Roman festivals* (республиканская эпоха), 1899.

28.—Вакханалии: S. R., *Cultes*, III, p. 254.

29.—Cumont, *Religions orientales dans le paganisme romain*, 1907.

31.—S. R., *Epona*, 1895.

32.—G. Boissier, *Religion romaine d'Auguste aux Antonins*, 2 vol., 1874 (русск. перев., М. 1878 и „*Падение язычества*", М. 1892); Beurlier, *Le culte impérial*, 1891.

33.—Boll, *Sphära*, 1903; Cumont, указанное сочинение (29); Bouche-Leclercq, *Astrologie grecque*, 1899. *Ф. Зелинский, *Умершая наука* (*Вестник Европы* 1901 г. № 10 и 11).

СОДЕРЖАНИЕ I-го ВЫПУСКА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Египтяне, Вавилоняне, Сирийцы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Арийцы, Индусы, Персы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Греки и Римляне.

Цена 25 руб.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена.

2019371368